




Я. БОТКИНЪ.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ ВРАЧА.

СИМФЕРОПОЛЬ
Тип. М. М. Эйдлина
1909 г.



Многоуважаемому
В. М. Дорошевичу
на
строгій и правый судъ
От
автора
31/VIII
910.

ЗАМѢТКИ

и ВОСПОМИНАНІЯ

ВРАЧА.

„БРАТЪ ЯКОВЪ“.



Симферополь
Электро-Типографія
М. М. Эйдлина
1909 г.

Содержаніе.

Pro domo sua.

Въ одной изъ обычныхъ „маевокъ“ московскихъ врачей выпуска 1875 г. высказывалось въ товарищеской бесѣдѣ желаніе имѣть біографіи всѣхъ бывшихъ студентовъ этого выпуска (свыше 105), при чемъ авторомъ этихъ замѣтокъ предложено было расширить задачу въ томъ смыслѣ, чтобы не ограничиваться въ этихъ жизнеописаніяхъ одними только личными біографическими свѣдѣніями, но, по возможности, внести въ нихъ замѣтки и наблюденія, имѣющія общественное значеніе, что въ массѣ можетъ составить своеобразный бытоописательный матеріалъ для будущаго историка опредѣленнаго періода времени.

Авторъ замѣтокъ рѣшился и сдѣлалъ отчасти такой опытъ, который и представляетъ на судъ товарищей и общества. Онъ считаетъ еще своимъ долгомъ предупредить товарищей, что при изображеніи „университетскихъ годовъ“, онъ пользовался не только историческими данными, но и данными легендарнаго и анекдотическаго свойства, полагая, во-первыхъ, что эти данныя всегда и всюду имѣютъ свой интересъ при товарищескихъ общеніяхъ и въ совмѣстныхъ воспоминаніяхъ объ университетской и студенческой жизни, а во-вторыхъ, университетскіе ле-

генда и анекдотъ дополняютъ и иллюстрируютъ извѣстныя характеристики. Этимъ интересуются многіе. У юристовъ напр. было одно время намѣреніе собрать многочисленные анекдоты о Н. И. Крыловѣ, такъ картинно и выпукло изображающіе этого крупнаго ученаго.

*Братъ Яковъ**).

Симферополь,
20/IX 1909.



*) Товарищеское прозвище автора. Былъ такой средневѣковый монахъ-врачъ, котораго товарищи-монахи, кажется, сожгли за ересь.

Школьныя переживанія и воспоминанія.

Здѣсь я коснусь, главнымъ образомъ, переживаній юношества въ средней школѣ. Врачи и натуралисты считаютъ этотъ возрастъ самымъ важнымъ біологическимъ періодомъ, который соотвѣтствуетъ почкованію и цвѣтенію растеній, оперенію птицъ, когда даже въ жизни животныхъ пробуждаются альтруистическія чувства и когда въ жизни юношей и юницъ начинаются поиски и созиданіе нравственнаго идеала.

Все здѣсь цвѣтетъ и полно чарующей красоты. Чувства обострены, изощрены. Мысль дѣятельна, пытлива и подвижна. Воля активна, рвется и ищетъ свободы, рвется къ творчеству и самоопредѣленію.

Это—весна и поэзія жизни, чудотворное и бурное претвореніе потенціальныхъ силъ въ живыя силы. Но все тутъ нѣжно, хрупко, еще мало устойчиво, податливо и доступно вреднымъ вліяніямъ, требуетъ крайне деликатнаго отношенія къ себѣ среды.

Натуралисты и кто близокъ къ природѣ знаютъ это и считаются съ этимъ. Посмотрите хотя-бы на садоводовъ. Роскошное цвѣтеніе радуетъ ихъ, окрыляетъ ихъ надежды, но въ то-же время они проникаются страхомъ и заботами. Они знаютъ, что морозная ночь, вредный туманъ могутъ погубить нѣжное цвѣтеніе и вмѣстѣ съ нимъ и ихъ надежды. Заботливые садоводы принимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы оградить цвѣтокъ отъ вредныхъ вліяній, чтобы онъ не погибъ и не захирѣлъ безвременно.

Что-же дѣлаютъ наши школьные и семейные садоводы? Какъ и чѣмъ оберегаютъ и какъ воспитываютъ они наше юношество,—нашу красу, надежду и упованіе родины?

А вотъ какъ. Передо мною раскрыта замѣчательная книга приватъ-доцента московскаго университета М. А. Членова: «Половая перепись московскаго студенчества и ея общественное значеніе». Въ ней собранъ путемъ опроса обширный и богатый матеріалъ, касающійся различныхъ сторонъ жизни студенчества. Тутъ, между прочимъ, указано и отношеніе студенчества къ семьѣ и школѣ.

* * *

Семья и школа въ цифрахъ.

Оказывается, что въ семьѣ наблюдалось въ 18 проц. отсутствіе всякаго воспитанія; въ 37 проц отсутствовала духовная связь съ семьей; *въ 25 проц. наблюдался разрывъ съ семьей въ настоящемъ; въ 11 проц. наблюдалось отсутствіе нравственной чистоты въ семьѣ.*

Не лучше обстояло дѣло и съ средней школой Здѣсь только въ 6 проц. отмѣчены сердечныя отношенія преподавателей къ своимъ питомцамъ; въ 14 проц. указана духовная близость учащихся съ учащими и въ такомъ-же количествѣ указаны случаи «грязныхъ въ половомъ отношеніи предложеній» учащимся со стороны преподавателей и воспитателей (стр. 36 -41).

Судя по этимъ фактамъ, картина представляется мрачной и безотрадной. Трудно, однако, заподозрить молодежь въ пристрастіи или въ преувеличеніи ея показаній, ибо и зрѣлыя поколѣнія, вкусившія всю сладость средней школы, едва ли вспоминаютъ ее добромъ, за исключеніемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ преподавателей.

Конечно, и прежде приходилось переживать въ школѣ многое. Дурного было больше; однако, было и хорошее, но авторъ имѣетъ основаніе утверждать, что, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ эти переживанія оставляли и оставляютъ въ душѣ глубокій и неизгладимый слѣдъ, запечатлѣваются въ памяти съ особенной яркостью, вліяютъ на складъ характера, *а иногда непосредственно отражаются и на здоровьѣ.*

Въ видѣ исторической справки и для характеристики нѣкоторыхъ переживаній я опишу нѣсколько школьныхъ эпизодовъ изъ моей жизни и изъ жизни бывшихъ моихъ товарищей.

***

Кошмарная единица.

Съ особенной ясностью и яркостью я всегда вспоминаю и представляю себѣ мою первую и послѣднюю единицу...

Толстая, жирная, длинная и кособокая, — она представляется мнѣ всегда страшной и какъ-бы живой. Когда-же я вижу ее во снѣ, то непремѣнно вмѣстѣ съ нѣмцемъ и при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ вонзилъ въ мою душу эту злодѣйскую единицу.

Мной овладѣваетъ тогда безпредѣльный страхъ и я испытываю при этомъ всегда одинъ и тотъ-же рядъ переживаній

Прежде всего, мнѣ представляется, что, наконецъ, я одолѣлъ всѣ препятствія, какія полагалось одолѣть «мужицкимъ» и «кухаркинымъ» дѣтямъ при поступленіи въ гимназію; наконецъ, я въ давно желанной мной гимназіи; я вижу чрезъ стеклянныя двери шкафы съ книгами. вижу разныя модели и аппараты въ физическомъ кабинетѣ. Все это надѣюсь прочитать и постигнуть. Моя дѣтская душа наполняется восторгомъ блаженства.

Радостный и ликующій, я вхожу въ первый разъ въ классъ, занимаю мѣсто. Но вотъ входитъ коренастый, косолапый нѣмецъ, съ краснымъ носомъ, злыми глазами, раскрываетъ журналъ и грубымъ голосомъ вызываетъ меня. Я встаю и отвѣчаю, что только-что пришелъ въ гимназію и потому урока не знаю.

— «У меня, кто не знаетъ урока, тотъ получаетъ единицу», говоритъ флегматично нѣмецъ, беретъ перо, сопитъ, для чего-то чавкаетъ, облизывается и съ наслажденіемъ медленно выводитъ мнѣ единицу.

По наивности и рефлективно я вскрикиваю: «Господи, за что-же это?»

— «А за грубость пошелъ въ корридоръ, стань тамъ на колѣни, а потомъ я тебя выгоню», попрежнему флегматично цѣдитъ сквозь зубы нѣмецъ.

Въ первый моментъ, должно быть, я цѣпенѣю, не могу двигаться, не иду изъ класса...

Нѣмецъ въ бѣшенствѣ вскакиваетъ, грубо беретъ меня за руку, почти выталкиваетъ меня въ корридоръ и насильно ставитъ меня на колѣни.

У меня появляются неудержимыя слезы. Мной овладѣваетъ отчаяніе. Мнѣ представляется, что меня выгнали изъ гимназіи, что всѣ надежды разбиты .., я пропалъ. .

...Неудержимыя рыданія продолжаются. Наконецъ, вѣроятно, чувствуя полусознательно смертельную опасность, я кричу: «Караулъ!»...

Въ классѣ подымается тоже плачъ и ревъ товарищей-малышей. Изъ другихъ классовъ выходятъ учителя, высыпаютъ ученики, шестиклассники и семиклассники уносятъ меня въ актовую залу и отливаютъ меня водой.

Чрезъ нѣсколько дней собирается совѣтъ, приглашаютъ врача. Директоръ и инспекторъ—люди были своеобразные, но все-таки добрые; въ особенности директоръ, всегда горой стоявшій за дѣтей, которымъ грозило почему-либо увольненіе, и расправлявшійся съ ними по своему, о чемъ рѣчь впереди.

Директоръ и инспекторъ долго меня распрашивали, кто я, кто мои родители, какъ я готовился въ гимназію. Я имъ разсказалъ свою скорбную исторію. У директора навернулись даже слезы. Врачъ меня колотилъ молоткомъ, слушалъ трубкой, кололъ булавкой, копался въ глоткѣ ложкой. Меня тошнило, послѣ чего меня оставили въ покоѣ.

Эта единица не прошла для меня безслѣдно. Для меня ясно, что тотъ тяжелый кошмаръ, которымъ я нерѣдко страдаю, прямо и непосредственно происходитъ отъ этого душевнаго потрясенія, ибо онъ сталъ появляться прямо и непосредственно послѣ этой безобразной единицы, имѣетъ своимъ содержаніемъ исторію единицы, повторяется всегда стереотипно, крайне вредно дѣй-

ствуетъ на нервную систему. Во снѣ я испытываю безпредѣльный страхъ, просыпаюсь всегда съ крикомъ: «караулъ!», обливаюсь холоднымъ потомъ, сердце всегда бьется крайне бурно.

Несомнѣнно, этотъ кошмаръ носитъ характеръ тяжкаго періодическаго невроза, обязаннаго своимъ происхожденіемъ школьнымъ переживаніямъ, крайне опасенъ и непоправимъ въ моемъ возрастѣ.

Вотъ какія бываютъ единицы.

***

Палачъ-педагогъ.

Поразительный припадокъ моего дѣтскаго отчаянія не смягчилъ и ничему не научилъ нелѣпаго нѣмца-педагога Грубость и безпощадность его продолжались по-прежнему. По прежнему онъ продолжалъ душить насъ нѣмецкой грамматикой и нѣмецкими стихами. По-прежнему онъ задавалъ намъ «отъ селего до селего». Ничего не объяснялъ намъ и не могъ объяснить толкомъ, потому что съ трудомъ говорилъ по-русски, хотя и былъ кандидатомъ дерптскаго университета. Задавалъ всегда по многу. Не хотѣлъ знать, что, помимо нѣмецкаго языка, есть у насъ и другіе предметы. На зубреніе нѣмецкихъ уроковъ уходило у насъ по нѣскольку часовъ. Со всѣхъ требовалъ одинаково строго, не обращая вниманія ни на силы, ни на подготовку. Единицы ставилъ неукоснительно и съ азартомъ.

Видимо, это составляло для него наслажденіе. Онъ неохотно ставилъ въ особенности пятерки и всегда маленькія и тоненькія, тогда какъ единицы—всегда жирныя, толстыя и длинныя, во всю клѣтку.

Видимо, это составляло для него особый культъ. Лицо его сначала свирѣпѣло и звѣрѣло, потомъ, сколько понимаю теперь, принимало какой-то скверный сладострастный оттѣнокъ. Онъ начиналъ сопѣть, чавкать и облизываться.

Мнѣ кажется теперь, что это былъ своего рода садизмъ, т. е. въ страданіяхъ учениковъ этотъ педагогъ находилъ своеобразное сладострастное наслажденіе и чѣмъ больше ученики волновались и страдали, тѣмъ подлѣе становилось лицо нѣмца. Онъ начиналъ тогда издѣваться и смѣяться надъ своей жертвой.

Ненависть и отвращеніе мы питали къ нему величайшую. Онъ былъ пьяница. Мы звали его пивопійцей, кровопійцей, палачомъ, а впослѣдствіи, по моей инціативѣ, когда у меня появились кошмары, стали звать его кошмаромъ, злодѣемъ, Малютой.

Когда онъ заболѣлъ,—мнѣ кажетса теперь, что у нѣмца была тогда бѣлая горячка,—мы и, вѣроятво, всѣ его ученики искренне и страстно желали его смерти.

Но этого не случилось, и на наше несчастье онъ впослѣдствіи сталъ нашимъ инспекторомъ,—«коровой».

Эту метафорическую кличку мы дали ему раньше за жвач-

ку, съ которой онъ ставилъ намъ единицы. Но потомъ, когда онъ, въ качествѣ инспектора, сталъ пожирать насъ, какъ тощихъ телятъ, мы прозвали его «сытой фараоновой коровой»*)

Онъ былъ правой рукой и сподвижникомъ нашего другого директора — «истребителя».

Это было время великаго гоненія на всѣхъ строптивыхъ, мало успѣвающихъ, въ особенности «мужицкихъ и кухаркиныхъ» дѣтей и, вообще, дѣтей неважныхъ родителей.

Эту «нечисть» и плевелы новый директоръ поставилъ себѣ задачей выполоть и тѣмъ освѣжить и облагородить свою гимназію. Но объ этомъ послѣ.

***

Директоръ проказникъ.

Скажу сначала о первомъ директорѣ. Это былъ любопытный старичекъ. Маленькій, худенькій, рябой, корявый, съ маленькимъ сальнымъ лицомъ, съ большимъ табачнымъ носомъ, онъ много гнусавилъ и особенно забавно. Всѣ его считали добрымъ. Но мнѣ кажется теперь, доброта его была особенная, *патологическая*.

Правда, онъ не любилъ выгонять, не допускалъ этого, горой стоялъ за грѣшниковъ, но онъ любилъ пороть. Дѣлалъ это онъ особеннымъ способомъ и дралъ небольно. Онъ, собственно, любилъ «пужать» и порку любилъ, какъ операцію.

Эта порка была субботней потѣхой и развлеченіемъ какъ для него, такъ и для тѣхъ, кто подвергался этой операціи. Было это такое время, когда порка допускалась только съ согласія родителей.

Чтобы устроить субботній спектакль, Павелъ Васильевичъ, какъ звали нашего директора, начиналъ съ понедѣльника правильную облаву на единицы и шалуновъ въ первыхъ трехъ классахъ и, конечно, уловъ его всегда бытъ обильнымъ и счастливымъ. Тогда Павелъ Васильевичъ посылалъ родителямъ пойманныхъ зайцевъ срочныя приглашенія явиться по важному дѣлу.

Обыкновенно это были родители мелкотравчатые: мелкіе лавочники, приказчики, портные, сапожники, портнихи, мелкіе подрядчики и пр.

Являлись они, конечно, въ страхѣ передъ грозныя очи его превосходительства. Оно напускало на себя особенную важность и сановитость.

Выходило оно къ посѣтителямъ обыкновенно съ большимъ орденомъ на шеѣ и имѣло видъ суровый. Начиналась канитель. Нашъ забавный старичекъ гнусилъ, тянулъ и мямлилъ.

Вашъ мальчонка, а то и *твой* мальчонка, почтенный, смотря по костюму родителя, — балуетъ и не учится», гнусилъ П. Васильевичъ. — Я вамъ неоднократно ставилъ это на видъ. Вы должны были принять мѣры строгости и не сдѣлали этого.

---

*) Немного перепутавъ библейское сказаніе.

Теперь вамъ надо взять вашего сына. Онъ портитъ гимназію... Онъ паршивая овца...

— Конечно, родители въ ноги ..

-- Помилуйте, ваше превосходительство! вопилъ родитель. --Изъ силъ выбился ..! Двѣ шкуры спустилъ съ подлеца!.. Не дѣйствуетъ! . Явите Божескую милость! . Накажите его, оболтуса, вашей начальнической ручкой .. Авось, Господь поможетъ..!

А это только и требовалось Павлу Васильевичу. Онъ смягчался и гнусилъ:

-- Ну... ну...! Успокойтесь! Идите себѣ съ Богомъ домой... Авось, Господь поможетъ!..

И дѣло улаживалось къ обоюдному удовольствію.

Въ субботу «паршивыхъ овецъ» директоръ оставлялъ послѣ 4-го урока въ классѣ. Потомъ собиралъ всѣхъ вмѣстѣ и подъ своимъ предводительствомъ торжественно велъ ихъ въ полуподвальное помѣщеніе, которое служило намъ сборной комнатой, карцеромъ и мѣстомъ экзекуцій или «сѣкуцій», какъ выражались мальчишки.

«Сѣкуціи» производились всегда по разъ установленному чину. Прежде всего являлся съ розгами Никифоръ, высокій отставной Николаевскій солдатъ, сѣдой, съ щетинистыми усами и бровями, всегда грязный, часто полупьяный и въ такомъ видѣ большой плакса

Наблюдалъ онъ за обширнымъ полуподвальнымъ помѣщеніемъ съ ватерклозетомъ, сторожилъ обитателей карцера, производилъ «сѣкуціи» и жилъ тамъ же въ полутемной каморкѣ, «чтобы злѣе быть», какъ острилъ старшій гимназистъ, называвшій его церберомъ директора.

Но это не помогало, потому что Никифоръ, не смотря на свой свирѣпый видъ и постоянное житье въ полутемной каморкѣ, былъ большой добрякъ, плакса и дралъ легко и весело, конечно, съ согласія директора.

Съ появленіемъ Никифора начинался первый актъ комедіи. Прежде всего, опрашивали Никифора.

— Никифоръ! Ты пьянъ? спрашивалъ Павелъ Васильевичъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! рапортовалъ Никифоръ.

— Кажется, у тебя розги тонки и хрупки .. Ты фальшивишь, старый хрѣнъ! Гнусавилъ и грозилъ Никифору Павелъ Васильевичъ.

— Первый сортъ-съ! ваше превосходительство! Два дня въ соленой водѣ лежали-съ не задумываясь рапортуетъ Никифоръ. —Вотъ-съ!»

И Никифоръ богатырски размахивается розгой въ воздухѣ на страхъ врагамъ, раздается рѣзкій свистъ, а потомъ громкій ударъ по подоконнику, и подымается пыль столбомъ.

— Опять у тебя пыль, старый хрѣнъ, гнусавитъ П. В, и хозяйственнымъ окомъ осматриваетъ кругомъ

— Ба! Смотри: опять образа у тебя въ паутинѣ, а лампадку загадили мухи. Чего же ты смотришь, старый хрѣнъ? Развѣ ты нехристь и бусурманинъ?.. Нѣтъ, старъ ты сталъ и пора тебѣ въ отставку, окончательно распаляется Павелъ Васильевичъ и идетъ къ дверямъ. Никифоръ плачетъ; мальчишки смѣются въ кулакъ. Первый актъ кончается.

Зубоскалъ и заноза—мальчишка догоняетъ директора.

— Павелъ Васильевичъ! Куда-же вы? А когда же пороть насъ? Мы давно ждемъ. Ѣсть хочется! жалуется и язвитъ мальчикъ.

— Ахъ, да! Вотъ всегда такъ разстраиваетъ меня Никифоръ, въ свою очередь, жалуется Павелъ Васильевичъ. Сейчасъ!.. Никифоръ полно рюмить! Что ты хлопаешь глазами, какъ сычъ! Ставь скорѣй скамейку. Чья очередь по алфавиту?

— Моя! отвѣчаетъ и выступаетъ В. Учился онъ хорошо, но пороли его за шалости и ядовитый языкъ. Въ поркѣ онъ былъ опытенъ и выполнялъ всѣ правила умѣло. Принималъ стыдливый видъ, ложился на скамейку неохотно, прочее дѣлалъ еще болѣе неохотно. Нужно было плакать, жеманиться, оказывать нѣкоторое сопротивленіе. Опытъ показалъ, что это-то и нравилось Павлу Васильевичу.

Теперь я припоминаю, что въ особенности при извѣстномъ созерцаніи онъ пріосанивался, выпрямлялся, надѣвалъ лорнетъ, глаза оживлялись, въ нихъ появлялась какая-то жадность, онъ былъ тороплив, пѣтушился, краснѣлъ, млѣлъ, распускалъ слюни и пр.

Теперь для меня ясно, что старика посѣщалъ Эросъ. Къ счастью, мы этого не понимали Никакого отвращенія къ нему чувствовали. Тѣмъ болѣе, что порка имѣла только символическое значеніе, начиналась грозной эквилибристикой Никифора, а кончалась даже пріятнымъ щекотаніемъ.

Всѣ похожденія старика мы принимали за комедію, но, тѣмъ не менѣе, эта комедія кончилась разъ тяжелой трагедіей для одного изъ насъ, о чемъ рѣчь впереди.

* * *

Допоролся и напоролся.

Былъ у насъ товарищъ Р—е сынъ бѣдной француженки. Въ студенческую пору это былъ человѣкъ необыкновенной красоты какъ духовной, такъ и тѣлесной. Высокій, стройный, рѣдкій брюнетъ съ густыми, волнистыми волосами на головѣ. Черты лица—тонкія, нѣжныя, пропорціональныя и рѣдкой бѣлизны. Высокій открытый лобъ. Глаза большіе, голубые, ясные, проницательные. Взоръ идеалистическій, вдохновенный. Я никогда не видѣлъ его улыбающимся. Всегда чувствовалось, что голова его занята была глубокой мыслью.

Въ нашемъ кружкѣ самообразованія, довольно обширномъ, состоявшемъ изъ студентовъ различныхъ факультетовъ,—онъ премировалъ, былъ душой нашихъ юныхъ и жаркихъ идейныхъ схватокъ, всегда умѣлъ брать быка за рога, разграничивать существенное отъ несущественнаго, съ необыкновеннымъ тактомъ умѣлъ положить предѣлъ фразеологіи зарвавшихся товарищей, никого не обижая и перенося вопросъ съ личной на идейную почву.

Онъ былъ великолѣпнымъ референтомъ по различнымъ вопросамъ, въ особенности по философскимъ, естественно научнымъ и по вопросамъ высшаго анализа. Онъ познакомилъ насъ съ основами позитивной философіи О. Конта, съ эволюціоннымъ ученіемъ Ч. Дарвина; съ необыкновенной ясностью и простотой онъ показалъ намъ все величіе высшаго анализа безконечно малыхъ и безпредѣльное приложеніе этого анализа къ изученію мірового процесса.

Р—е, прежде всего былъ геніальный математикъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ многосторонне одаренный. Высшія математическія проблемы часто имъ постигались путемъ наитія и интуиціи.

Передъ нимъ преклонялись, считали его красой и надеждой факультета и это не вскружило ему головы. Онъ всегда оставался скромнымъ, сердечнымъ товарищемъ, всегда готовымъ на посильную помощь.

Это—было существо, гармонически конструированное, съ душой кристальной, съ развитымъ нравственнымъ чувствомъ. Со всѣми и всегда онъ былъ ровенъ, сдержанъ и серьезенъ. Никого не осуждалъ ни о комъ не отзывался дурно, вѣроятно больше понимая, чѣмъ другіе.

Въ его присутствіи никто и никогда не дерзалъ вести пустые и фривольные разговоры Повидимому, каждый чувствовалъ, что это было бы при немъ слишкомъ неумѣстно. Пуритизмъ, даже, можетъ быть, аскетизмъ и уравновѣшенность его были поразительны.

Только обсужденіе крупныхъ товарищескихъ несчастій или крупныхъ общественныхъ нестроеній, видимо, выводило его изъ равновѣсія. Тогда онъ прерывисто дышалъ, его перило, мертвенно блѣдное лицо его покрывалось зловѣщимъ румянцемъ, признакомъ злого наслѣдственнаго недуга, который въ концѣ концовъ и погубилъ его.

Всѣ любили и обожали Р—е. Всѣ признавали въ немъ рѣдкую и крупную силу. У него не было не завистниковъ, ни враговъ. Всѣ ему подчинялись беззавѣтно. Онъ былъ рожденъ духовнымъ вождемъ.

Гимназія, однако, отнеслась къ Р—е иначе: она выпорола его...

— Надо сказать, что Р—е въ гимназіи былъ постояннымъ «камчадаломъ», т. е. за малоуспѣшность постоянно сидѣлъ на задней лавкѣ, еле-еле перекочевывалъ изъ класса въ классъ и то благодаря заступничеству нѣкоторыхъ учителей, которые его понимали.

Съ нимъ часто случались особаго рода несчастія. Обыкновенно онъ начиналъ отвѣчать прекрасно, но потомъ конфузился, начиналъ путаться и, наконецъ, совершенно останавливался

Даже въ математикѣ съ нимъ нерѣдко бывали такіе случаи. Составлялъ онъ уравненія всегда быстро и вѣрно, но рѣдко выполнялъ вѣрно дѣйствія. Перепутывалъ буквы или-же 3.5 выходило у него 35 и пр.

За это,*) онъ получалъ тройки, двойки и единицы. Иногда-же отвѣчалъ блестяще, а задачи рѣшалъ труднѣйшія, которыхъ никто изъ товарищей не могъ рѣшить.

Даже намъ казалось это страннымъ, потому что мы знали, что Р—е не лѣнтяй и всегда занимался примѣрно и многимъ товарищамъ во многомъ всегда помогалъ охотно.

Однако, большинство учителей считали его неисправимымъ лѣнтяемъ и только геометръ, естественникъ и латинистъ считали его ученикомъ даже очень способнымъ, добросовѣстнымъ, но особеннымъ, къ которому нельзя было относиться шаблонно.

Когда онъ конфузился и путался, они обыкновенно сажали его, давали ему время успокоиться и отдохнуть и тогда онъ оканчивалъ урокъ прекрасно, а изъ геометріи даже поражалъ учителя быстрымъ и остроумнымъ рѣшеніемъ труднѣйшихъ геометрическихъ задачъ

Теперь я припоминаю, что всѣ эти несчастія съ Р—е бывали на послѣднихъ урокахъ, и теперь для меня ясно, что всѣ эти несчастія объяснялись разстройствомъ вниманія и памяти, вслѣдствіе усталости мальчика просидѣвшаго въ душномъ классѣ 2—3 часа, - мальчика съ тонкой нервной организаціей, ожидавшаго все время единицъ и несправедливаго къ себѣ отношенія педагоговъ.

Какъ мальчикъ даровитый, онъ живо чувствовалъ эту несправедливость и она составляла для него тяжелое переживаніе; истощала его. Онъ походилъ на сильный гальваническій элементъ,**) ослабляемый поляризаціей.

Странныя отмѣтки Р—е заинтриговали разъ нашего старика-директора. Долго онъ просматривалъ нашъ журналъ, надъ чѣмъ-то какъ будто задумывался, качалъ головой, фыркалъ, и потомъ удругъ обратился къ Р—е.

— Французъ! Что это у тебя, братецъ, по четыремъ предметамъ по одной пятеркѣ и по двѣ единицы? Значитъ, ты учить-

---

*) За исключеніемъ математики.

**) Быстро.

ся можешь, а лѣнтяйничаешь! гнусавилъ Павелъ Васильевичъ. Попроси-ка ко мнѣ мамашу.

Р—е сконфузился и покраснѣлъ, что рѣдко уже наблюдалось со многими. Очевидно, уже многіе потеряли стыдъ къ поркѣ.

Старикъ опять пристально и пытливо посмотрѣлъ на Р—е, опять задумался, опять покачалъ головой, опять фыркнулъ и прогнусавилъ:

— Фу! Какой ты тонкій да звонкій! и, понуривъ голову, медленно вышелъ изъ класса.

Можетъ быть, старика угнетало тяжелое раздумье и предчувствіе. По своимъ послѣдствіямъ эта сцена глубоко врѣзалась въ мою память.

Что говорилъ старикъ француженкѣ, чѣмъ онъ ее соблазнялъ, какъ выудилъ онъ у нея согласіе на порку ея милаго Пьера—осталось неизвѣстнымъ.

Вѣроятно, онъ разъяснилъ ей, что въ сущности порки у насъ не было, а была только «видимость» порки, своего рода посредственное внушеніе—или варіантъ «быстраго и мгновеннаго сотрясенія», что въ свое время рекомендовалъ, какъ полезную педагогическую мѣру, знаменитый Пироговъ и за что ему солоно досталось, въ свою очередь, отъ знаменитаго критика Добролюбова. Все это умерло съ дѣйствующими лицами.

Только въ одну изъ субботъ Р—е повели вмѣстѣ съ другими въ подвалъ. Теперь я ясно припоминаю, что положеніе нервнаго мальчика было ужасно. Во время «сѣкуцій» очередныхъ товарищей—«сѣкуцій», на которыхъ Р—е никогда прежде не бывалъ, хотя онѣ и считались общедоступнымъ зрѣлищемъ для нашихъ гимназистовъ, вѣроятно, для назиданія подростающаго поколѣнія,—Р—е чрезвычайно волновался: то онъ блѣднѣлъ, то краснѣлъ; лицо его казалось страдальческимъ, мученическимъ, и я утверждаю, что это не было и не могло быть результатомъ трусости: Р—е не былъ трусомъ.

Это было особенное состояніе души—богато одаренной. Утонченное нравственное чувство Р—е, можетъ быть, даже смутно подсказывало ему, что въ этой глупой комедіи скрывается глубокое униженіе человѣческаго достоинства и непозволительное насиліе надъ безоружнымъ и слабымъ. Перенести это униженіе и это насиліе было свыше его нравственнаго чувства.

И вотъ, когда дошла до него очередь, когда онъ легъ на скамейку, когда несчастный старикъ-директоръ прогнусавилъ: «ну, французъ! покажи теперь свою неустрашимость!», когда Никифоръ не успѣлъ еще встать въ боевую позицію, вдругъ раздались раздирающія душу рыданія Р—е, затѣмъ судорожный смѣхъ и появились судороги ..., т. е. развернулся классическій истерическій припадокъ.

Всѣ сразу перепугались. Никифоръ совершенно ополоумѣлъ, завылъ тоже бѣлугой, въ мелкіе куски переломалъ роз-

ги, схватилъ въ охапку Р—е, началъ его пестовать и приговаривать.

— Не плачь, не плачь, дѣточка! Не плачь, не плачь, миленькій!.. Ахъ, старый дуракъ! Вотъ до чего допоролся. Вотъ до чего довелъ милую дѣтю! - вопилъ Никифоръ. Очевидно, въ послѣднихъ мужественныхъ словахъ Никифора сказался скорый, праведный и нелицепріятный судъ человѣческаго сердца!

«Старый дуракъ», видимо, понялъ это. Шатаясь, онъ вышелъ изъ гимназіи. Объявился больнымъ. Двѣ недѣли никуда не показывался. Потомъ ѣздилъ къ француженкѣ, извинялся передъ ней и плакалъ съ ней и вскорѣ вышелъ въ отставку, вѣроятно, съ пенсіей и съ мундиромъ.

Вотъ къ чему могли приводить «быстрыя и мгновенныя сотрясенія».

* * *

Итакъ, по мѣткому выраженію Никифора, нашъ старикъ-директоръ «допоролся» неожиданно для себя и случайно—до злого дѣла. Устыдился его, покинулъ гимназію, тѣмъ наказалъ самого себя и, можетъ быть, искупилъ тѣмъ свой невольный грѣхъ... Поступилъ честно.

Сознательно никому вреда старикъ не дѣлалъ. Наоборотъ, онъ многихъ спасъ отъ изгнанія, никому жизни не испортилъ. Никто старика не вспоминалъ лихомъ. Даже Р—е, у котораго въ теченіе гимназическаго курса наблюдалось еще нѣсколько истерическихъ припадковъ и совершенно не повторявшихся въ студенческую пору—и тотъ никогда не осуждалъ старика, а въ старшихъ классахъ даже винилъ себя, что передъ поркой не раскрылъ старику своихъ чувствъ, увѣряя, что тѣмъ спасъ бы отъ напасти самого себя и старика.

Съ назначеніемъ новаго директора гимназія выиграла съ внѣшней стороны, но мы проиграли—и скоро сознали и почувствовали, что «промѣняли кукушку на ястреба». Для исправленія гимназіи, которую ревизія нашла «распущенной», его перевели къ намъ изъ Западнаго края, гдѣ онъ былъ «обрусителемъ» и должно быть, сильно пересолилъ.

* * *

Генрихъ IV. Еще до своего пріѣзда онъ безъ всякихъ разговоровъ смѣстилъ прежняго эконома и прислалъ своего. Всѣ единодушно признали въ этомъ знаменіе новаго курса, и любимый нами и проницательный латинистъ охарактеризовалъ это событіе восклицаніемъ: «Ого!»

Новый экономъ оказался «православнымъ паномъ», большимъ дѣльцомъ, большимъ молчальникомъ съ учителями и человѣкомъ непроницаемымъ. На все у него былъ отвѣтъ: «такова воля его превосходительства», и продолжалъ дѣлать по своему, не обращая вниманія на инспектора, замѣнявшаго временно директора.

Православный панъ, прежде всего, очаровалъ богатѣйшаго въ Россіи фабриканта, бывшаго нашего воспитанника и покровителя нашей гимназіи.

Заручившись отъ него средствами, высокородный панъ началъ чистку и наведеніе лоска въ гимназіи. Съ необыкновенной быстротой покоробившіеся съ давнихъ поръ тротуары были выравнены и выпрямлены.

Образъ на наружной стѣнѣ «Скорбящей Божіей Матери», какъ болѣе соотвѣтствовавшій потомъ нашему горькому житію и пожертвованный фабрикантомъ, былъ подновленъ. Неугасимая лампада была вычищена и позолочена.

Двуглавый орелъ и вывѣска приведены въ порядокъ. Покосившіяся ворота и фронтонъ были исправлены.

Грязный, черный дворъ вымощенъ заново. Старый запущенный садъ былъ вычищенъ и, гдѣ нужно, подстриженъ. Вывезено было много возовъ сору и грязи—и при томъ днемъ

Остроумный латинистъ показывалъ это намъ и говорилъ, что это—«не спроста».

Заборы и стѣны зданія окрашены были въ нѣжно розовый цвѣтъ; дорожки въ саду посыпаны были краснымъ пескомъ. Латинистъ острилъ: «Ребятки!», говорилъ онъ намъ, «это пахнетъ кровью!» Внутри зданіе преобразилось. Все блестѣло и поражало несвойственной ему прежде чистотой.

Ясновельможный панъ молчалъ и демонстрировалъ. Ходилъ щеголемъ и козыремъ, чисто выбритый, съ завитыми усами и красивой эспаньолкой, и единодушно названъ былъ Генрихомъ IV. Онъ ѣздилъ на лихачахъ и всегда съ изящнымъ портфелемъ.

У фабриканта сталъ своимъ человѣкомъ, часто у него обѣдалъ, часто привозилъ его въ гимназію. Съ нимъ былъ краснорѣчивъ, обворожителенъ и элегантенъ. Ловко показывалъ ему недочеты гимназіи въ контрастѣ съ хорошимъ и красивымъ, что онъ уже выполнилъ.

Купецъ очаровывался и раскошеливался.

Процвѣталъ нашъ панъ, процвѣтала гимназія, но денно и нощно памятовалъ онъ также о директорѣ. Онъ старался обставить комфортабельно и кабинетъ директора, чтобы кабинетъ соотвѣтствовалъ высокому званію директора и внушалъ-бы достодолжное уваженіе и страхъ всякому входящему въ это святилище, которое потомъ мальчики прозвали, однако, логовищемъ удава, конечно, по крайнему своему невѣжеству и озорству.

Кабинетъ поражалъ не столько своимъ убранствомъ, сколько таинственностью, даже нѣкоторой мрачностью своего освѣщенія и странными акуистическими особенностями.

При входѣ въ кабинетъ,—что гимназистамъ предоставлялось рѣдко и то въ критическіе моменты ихъ жизни, – трудно было сразу разобраться, гдѣ находился директоръ и откуда раздавался его глухой, какъ замогильный голосъ отца Гамлета,

тогда какъ при распеканіи гимназистовъ въ другихъ мѣстахъ на страхъ побѣжденнымъ голосъ директора былъ рѣзкимъ, яснымъ и низкимъ. Панъ былъ рѣдкимъ декораторомъ.

При дверяхъ кабинета неотлучно находился особый швейцаръ, гигантъ ростомъ, въ удивительномъ костюмѣ и съ удивительной булавой.

Входить въ кабинетъ безъ доклада никому не позволялось. Все это было устроено для поднятія престижа директора

Всюду были новые сторожа, выписанные потомъ изъ Западнаго края, молодые, молодецъ къ молодцу; люди аккуратные, молчаливые, преданные пану, отъ которыхъ никакого толка о директорѣ служащіе не могли добиться, а сами они обо всемъ хорошо были освѣдомлены.

За послѣднее время, передъ пріѣздомъ директора, панъ одѣлъ своихъ фаворитовъ щегольски, и всѣ почувствовали, что скоро придетъ гроза

Всѣ начали подтягиваться и чиститься. Нѣкоторые учителя пошили себѣ новые вицъ-мундиры.

Панъ сталъ суетливъ, сталъ чаще разговаривать съ инспекторомъ, дѣлать ему различныя предложенія по хозяйству, но о днѣ пріѣзда директора ни гу-гу.

Все это, конечно было разсчитано и составляло новую демонстрацію, чтобы поселить въ служащихъ спасительный страхъ и привести всѣхъ въ напряженное ожиданіе.

Панъ оказался глубокимъ психологомъ и комедіантомъ, какъ называлъ его нашъ остроумный и проницательный латинистъ. Онъ-же провидѣлъ, что рано или поздно панъ окажется воромъ и увозомъ увезетъ богатую купеческую вдову, что и оказалось пророчествомъ. Купчиха, конечно, все покрыла съ лихвой, увезла пана за границу, гдѣ онъ зажилъ, какъ котъ на масляницѣ.

* * *

Dura lex, sed lex! Директоръ пріѣхалъ внезапно и остановился не на квартирѣ, а въ лучшей гостиницѣ. У многихъ съ перепугу разыгралась фантазія, что, можетъ быть онъ уже давно живетъ въ Москвѣ, собираетъ свѣдѣнія и соглядатайствуетъ. Вѣроятно, это было разсчитано. У многихъ тряслись поджилки... Чего не дѣлаетъ напуганное воображеніе?

Въ гимназіи вскорѣ появилось лаконическое объявленіе: «тогда-то, въ такомъ-то часу, его превосходительство изволитъ принимать гг. преподавателей у себя въ кабинетѣ, а воспитанниковъ проситъ собрать въ актовой залѣ. Мундиры не обязательны». . Non multa, sed multum. И многіе преподаватели явились спозаранку въ мундирахъ, которые на многихъ сидѣли мѣшками, что коробило пана, который въ изящномъ вицъ-мундирѣ, стройный, выхоленный смотрѣлъ какъ-бы орломъ между

мокрыми курицами Высокій, сѣдой священникъ въ шелковой рясѣ и въ эпитрахили, стройный и представительный давно уже ожидалъ директора съ крестомъ.

Ровно въ назначенный часъ директоръ подкатилъ на тысячныхъ рысакахъ фабриканта и появился на лѣстницѣ. Одни замерли, другіе засуетились. Онъ былъ роста и сложенія Чичикова: не то, чтобъ толстъ, но и не тонокъ. На немъ былъ новый и щегольскій форменный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и только одинъ орденъ на шеѣ. Взоръ былъ ясный, но суровый. Ноздри почему-то раздувались, вѣроятно, такъ дѣлалъ Октавіанъ Августъ, на котораго онъ хотѣлъ походить.

Держась прямо, онъ солидно и скоро взошелъ на лѣстницу, приложился къ кресту и широкими шагами, военной походкой, не смотря ни на кого, прошелъ въ свое «логовище» Туда, толкаясь, и спѣшно ринулся преподавательскій синклитъ. Двери замкнулись. Вѣроятно, такъ распорядился панъ. Говорятъ—началось тотчасъ-же представленіе. Всѣмъ преподавателямъ директоръ подалъ руку, но никого не посадилъ «Очень радъ,—произнесъ директоръ своимъ рѣзкимъ, обично низкимъ тономъ,—познакомиться съ сотрудниками и надѣюсь, что по прежнему вы будете исполнять свой долгъ и помогать мнѣ проводить въ жизнь строгія предписанія закона. «Dura lex, sed lex. Вотъ мой принципъ». За симъ раскланялся. На этомъ кончилась аудіенція. Одни вышли оттуда блѣдными, другіе—красными, какъ изъ бани.

Затѣмъ такимъ-же скорымъ, широкимъ маршемъ, не смотря ни на кого, и въ сопровожденіи преподавательскаго персонала, директоръ прослѣдовалъ въ актовую залу, смѣло поднялся на каѳедру, гдѣ уже были бюсты Юлія Цезаря и Октавіана Августа и вдругъ съ нимъ случилось что-то особенное: онъ точно сталъ ниже ростомъ и началъ утирать носъ безъ видимой надобности.

Для меня теперь ясно; директоръ почувствовалъ, что передъ нимъ самая строгая и безпощадная аудиторія,—аудиторія школьниковъ, которая все видитъ, во все проникаетъ, все чувствуетъ своимъ верхнимъ чутьемъ, все на лету схватываетъ процѣживаетъ, просѣиваетъ, развѣиваетъ по вѣтру и все осмѣиваетъ въ ненавистномъ человѣкѣ. Это не то, что учителя, которымъ директоръ могъ сказать: «Хочу — васъ съ кашей ѣсть, хочу — масло пахтаю», и жена, и дѣти заставили-бы все это проглотить, перенесть, скрыть въ себѣ и не разглашать.

Рѣчь директора была банальная, шаблонная и бездарная. Въ ней говорилось, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма, что наилучшая система образованія—классическая, что Юлій Цезарь и Октавіанъ Августъ—великіе люди, создавшіе новую эру въ исторіи, что они предвосхитили систему просвѣщеннаго абсолютизма...

Къ чему то говорилъ о военныхъ римскихъ лагеряхъ, гдѣ за преступленія казнили десятаго по жребію, заявилъ, что строгое исполненіе закона составляетъ суровую государственную необходимость, и рѣчь закончилъ тѣмъ-же положеніемъ: «dura lex, sed lex», которое директоръ обьявилъ принципомъ своей дѣятельности

Школьники тотчасъ-же разобрали и самого директора и его рѣчь по косточкамъ На лету они подмѣтили, что директоръ носитъ слишкомъ высокіе каблуки, чтобы казаться выше, что для того-же слишкомъ задираетъ носъ кверху, что, если его бюстъ и походитъ на бюстъ Октавіана Августа, то еще «далеко кулику до Петрова дня», что онъ не златоустъ, чтъ рѣчь его по содержанію--не особенно складная и совершенно неумѣстная, что, видимо, онъ болтливъ и будетъ надоѣдать пустословіемъ.

Нѣкоторые даже ехидно замѣчали: «Прислали тебя казнить, ну и казни, а не болтай. А если ужъ говорить, то приличнѣе было-бы сказать такъ: «Мой предшественникъ наказа вы ранами, азъ-же накажу вы скорпіонами». Это было-бы — кратко, красиво, правдиво, — а не болтать ни къ селу ни къ городу о принципахъ, и о какомъ-то просвѣщенномъ абсолютизмѣ». Этими краткими и мѣткими замѣчаніями директоръ былъ сразу опредѣленъ и нравственно совершенно аннулированъ.

Съ внѣшней стороны рѣчь была произнесена четко, съ апломбомъ, чуть не нараспѣвъ, — по римски. Панъ захлопалъ; вѣроятно вынужденно присоединились къ нему нѣкоторые учителя, но изъ воспитанниковъ аплодировали очень немногіе, только стоявшіе на виду директора. По мановенію пана, вдругъ неожиданно съ хоръ раздалась какая-то удивительная кантата, но директоръ нервно и отрицательно махнулъ рукой Пѣніе, какъ внезапно началось, такъ внезапно и оборвалось. Вѣроятно, директоръ созналъ, что за глупость славословить не полагается. На этотъ разъ панъ срѣзался, оказалъ патрону медвѣжью услугу, и помпа не удалась... Вышелъ скандалъ..

Необыкновенная чуткость юношеской души и тонкая наблюдательность оправдались тотчасъ-же. Зеленый отъ злобы, вѣроятно, за безтактность пана и отъ своей неудачи, директоръ сошелъ съ каѳедры и углубился въ разсматриваніе стоявшихъ рядомъ съ каѳедрой минералогическихъ коллекцій, въ чемъ онъ, какъ классикъ, конечно, ничего не понималъ, но, чтобы скрыть свое смущеніе. Это продолжалось нѣсколько минутъ. Всѣ ждали, затаивъ дыханіе, грозы, и она разразилась.

Видимо, нѣсколько оправившись, но все-таки еще злобный, директоръ предложилъ инспектору показать себѣ каждый классъ въ отдѣльности.

— Они всѣ-съ въ кучѣ, — наивно отвѣчалъ старый добрякъ.

— Какая непредусмотрительность Это можно было предвидѣть и разставить классы по ранжиру!—громко и рѣзко отчеканилъ директоръ и натолкнулся на гимназиста, огромнаго дѣтину, богатырскаго сложенія, разбойническаго вида, съ большими усами и хохлатой головой.

— Это кто?—удивленно, а, можетъ быть, и со страхомъ спросилъ директоръ.

— Ученикъ-съ третьяго класса, Л.,—отвѣчалъ простодушно инспекторъ

— Сколько-же ему лѣтъ?

— Восемнадцать-съ, -отвѣчалъ инспекторъ.

— Какъ учится?

— Третій годъ-съ въ третьемъ классѣ сидитъ,—былъ отвѣтъ.

— Какъ такъ?—удивленно спросилъ директоръ.

— Сынъ-съ профессора университета,—смиренно отвѣчалъ инспекторъ

— Завтра-же удалить Законъ выше профессора.

Dura lex,—sed lex!--было непреклонное рѣшеніе директора, съ чѣмъ онъ и оставилъ актовую залу.

Это была первая жертва директора и первое примѣненіе у насъ римскаго принципа.

Инспекторъ пѣтушкомъ догналъ на лѣстницѣ директора и предложилъ было ему позавтракать у себя, разсчитывая въ простотѣ душевной въ присутствіи избранныхъ товарищей побесѣдовать съ директоромъ за стаканомъ добраго стараго вина.

— Не для завтраковъ я сюда пріѣхалъ, -ядовито отвѣчалъ директоръ, сѣлъ вмѣстѣ съ паномъ въ коляску, сухо со всѣми расклaнялся и укатилъ къ фабриканту, гдѣ ему, конечно, уготованъ былъ Лукулловскій завтракъ.

* * *

Нѣсколько загадочныя слова директора: «не для завтраковъ я сюда пріѣхалъ» скоро разъяснились и стали для гимназіи историческими, какъ «сарынь на кичку» Стеньки Разина на Волгѣ.

Уже на первыхъ порахъ директоромъ было усмотрѣно, что старшіе воспитанники носятъ усы и длинные волосы, что отъ многихъ несетъ табакомъ, какъ отъ нѣмецкихъ буршей: у младшихъ же усмотрѣнъ «безпорядокъ» въ пуговицахъ, неряшливость въ одеждѣ: сюртучки въ пятнахъ, въ заплатахъ; штанишки въ лохмотьяхъ; сапоженки грязные; мальчишки ходятъ безъ галошъ и грязнятъ гимназію.

Все это поставлено было на видъ старому инспектору. Добрякъ заикнулся было, что въ гимназіи много дѣтей бѣдняковъ, на что послѣдовало рѣзкое замѣчаніе: «dura lex, - sed lex». При чемъ тутъ lex и былъ-ли такой lex,— такъ и осталось невыясненнымъ.

Насъ стали брить и стричь; насъ лишили нашихъ вольностей и, подъ страхомъ увольненія, запретили намъ: «отгуливать», бѣгать въ большую перемѣну за пирожками въ ближайшую кондитерскую, курить въ фортку, уходить изъ класса, когда не знаешь урока, на что лучшіе учителя смотрѣли снисходительно, хорошо зная, что ученики честно расквитаются съ ними въ другое время.

Все это, конечно, составляло сравнительно пустяки, но это уже было прелюдіей къ серьезной музыкѣ—и она началась

Инспектору предписано было немедленно доставить именные списки всѣхъ «дубинниковъ» *), всѣхъ старожиловъ всѣхъ «великовозрастныхъ» и малоуспѣвающихъ, послѣ чего немедленно былъ созванъ педагогическій совѣтъ подъ председательствомъ, конечно, грознаго директора.

Говорятъ, совѣтъ начался ядовитой рѣчью директора, гдѣ въ яркихъ краскахъ изображено было печальное положеніе учебнаго дѣла въ гимназіи, на основаніи «документальныхъ данныхъ», въ чемъ маскированно, но все-таки вразумительно обвинялся учительскій персоналъ, что задѣло послѣдній за живое, заставило его встрепенуться, встать на самозащиту и принять вызовъ.

* * *

Буря. Руководствуясь только списками, директоръ требовалъ для себя 50 жертвъ,—выгнать 50 человѣкъ - въ томъ числѣ Р—е—спеціально за «лѣность и нерадѣніе»,—«въ примѣръ и назиданіе другимъ, могущимъ учиться», какъ выразился директоръ Это ранило латиниста, геометра и естественника въ самое сердце

«Какъ ужаленные змѣей,—говорилъ послѣ латинистъ,—мы вскочили и теряя всякое самообладаніе, закричали почти разомъ. «Какъ? выгнать Р—е? Да вѣдь онъ—геніальный математикъ!» - кричалъ геометръ. «Это даровитѣйшее созданіе!»—кричалъ я. «Это—золотое сердце!»—чуть не плакалъ естественникъ.

«Нѣтъ!» - сорвалось у меня,—тутъ не римскій лагерь! Тутъ несчастныя дѣти, которыхъ надо разобрать по разуму и по совѣсти... Пусть будетъ, что будетъ!»

«Началось величайшее смятеніе, но потомъ наставники оправились, и мы видѣли, говорилъ латинистъ—что наша отвага заразила ихъ, и пылъ нашъ зажегъ сердца ихъ».

Директоръ тоже будто-бы вскочилъ, сначала побагровѣлъ, потомъ позеленѣлъ, но сдержался, затаилъ злобу, рѣзко призвалъ къ порядку увлекшихся преподавателей и пригласилъ другихъ высказаться по поводу его предложенія—выгнать во славу

---

*) «Дубиной» называлась единица на жаргонѣ московскихъ гимназистовъ.

гимназіи сразу 50 учениковъ по представленнымъ даннымъ, но, къ позору директора, расхрабрившіеся преподаватели всѣ единодушно высказались за пересмотръ дѣлъ каждаго ученика въ отдѣльности.

— Но тогда мы не очистимъ гимназію въ десять лѣтъ!— замѣтилъ рѣзко директоръ.

— По моему на справедливое дѣло потребуется меньше времени.—солидно сказалъ законоучитель, пользовавшійся въ нѣкоторыхъ сферахъ большимъ авторитетомъ.

— Подобное отношеніе къ дѣлу я считаю всетаки пагубной и непростительной слабостью къ тому же противозаконной. Законъ прежде всего! Dura lex, - sed lex! запальчиво и, какъ попугай, повторялъ директоръ свою заученную фразу, очевидно, путаясь уже въ своихъ мысляхъ и совершая логическое salto mortale.

— А я утверждаю, что прежде всего—Богъ! —прочувствовано и какъ-бы съ укоромъ сказалъ опять законоучитель, всталъ и вышелъ изъ совѣта, извиняясь что, вѣроятно, по старости чувствуетъ себя не хорошо.

Начали пересмотръ обреченныхъ на закланіе и, къ удивленію директора, получались большею частью результаты не рѣшительные. Присуждать на убой преподаватели колебались подъ вліяніемъ еще державшагося у нихъ настроенія Все предлагали погодить и испытать еще какія либо мѣры.

— Можетъ быть, опять драть начнете? -ехидствовалъ и издѣвался надъ нерѣшительностью преподавателей директоръ. Но это позоръ! Въ Римѣ пороли только рабовъ. У насъ, слава Богу, нѣтъ теперь рабовъ!

Несмотря, однако, на всѣ ухищренія и запугиванія директора, изъ десяти учениковъ преподаватели дали ему на съѣденіе въ этотъ день только двухъ, - дѣйствительно самыхъ негодныхъ, безнадежныхъ и почти совершеннѣйшихъ идіотовъ, которымъ, въ самомъ дѣлѣ не мѣсто было въ гимназіи.

Въ послѣдующіе совѣтскіе дни новый Минотавръ пожралъ еще не больше десятка такихъ-же несчастныхъ, которымъ гимназія была безполезна, или-же сами они для нея были вредны. Остальные «проскрипціонные» воспитанники оставлены директоромъ на отвѣтственность совѣта.

— Я же умываю руки, - повторилъ директоръ классическую фразу Пилата въ гордомъ сознаніи якобы своей правоты, но, конечно, совершенно неудачно и неумѣстно.

* * *

Минотавръ. Генеральное сраженіе въ открытомъ полѣ и въ открытомъ бою съ коллегіей директоръ, очевидно, проигралъ позорно. Быстрота и натискъ поддѣльнаго Юлія Цезаря, благодаря необычайной отвагѣ нашихъ троихъ благо-

родныхъ преподавателей, оказались совершенно безполезными и даже вредными въ тактикѣ новоявленнаго полководца.

Тактику онъ измѣнилъ и повелъ войну партизанскую. Съѣздилъ въ округъ, заручился тамъ, повидимому особыми полномочіями, на страхъ врагамъ, прежде всего, смѣстилъ стараго инспектора и замѣнилъ его нѣмцемъ—«палачомъ, Малютой», завелъ шпіоновъ во главѣ съ надзирателемъ «боровомъ»,—какъ мы чрезвычайно мѣтко опредѣлили внѣшнія и внутреннія свойства этого рѣдкаго и злого шпіона—и началъ энергично истреблять изводить одиночекъ, беззащитныхъ, чаще дѣтей бѣдныхъ родителей. Доставалось, однако, и богатымъ.

Все это предпринималось для того, чтобы сдѣлать гимназію «чистой», непорочной и славной, но, конечно, по своему пониманію.

Враговъ гимназической славы директоръ рѣшилъ теперь поражать не огнемъ и мечомъ,—какъ предполагалъ прежде,—но словомъ. Онъ рѣшилъ изводить людей публичнымъ позоромъ, обличеніемъ. Онъ доводилъ этимъ людей до отчаянія.

Свои нотаціи онъ довелъ до виртуозности, пользуясь Юліемъ Цезаремъ и Октавіаномъ Августомъ. Онъ былъ фаршированъ ими съ ногъ до головы. Спалъ съ ними. Видѣлъ ихъ во снѣ и на яву, какъ Донъ-Кихотъ своихъ рыцарей. Онъ ходилъ, какъ лунатикъ.

Когда онъ видѣлъ, напр., у юноши воротнички, голосъ его гремѣлъ въ корридорѣ кратко, рѣзко, отрывисто: «Снять!.. Запрещено!.. Незаконно!. Dura lex—sed lex»!.. Это значило для насъ, что онъ находился въ римскомъ лагерѣ. Это было еще не страшно, и школьники великолѣпно умѣли копировать директора.

Но когда начиналась «нотація»—это было уже страшно. Это означало, что онъ находится въ «римскомъ сенатѣ» и судитъ тяжкаго преступника. Тутъ онъ былъ безпощаденъ и это обозначало начало конца.

— Ну-съ!—подзывалъ онъ юношу непремѣнно въ классѣ или въ корридорѣ. Васъ видѣли вчера въ биргалѣ!

Оправдываться было безполезно, ибо шпіонами фактъ устанавливался неотразимо и незыблемо.

— Виноватъ, г-нъ директоръ!—признавался юноша.

— Нѣтъ-съ!—начиналось истязаніе и грубое публичное зондированіе душевной раны.—Вы не понимаете своего проступка..

Римляне раздѣляли преступныя дѣянія на—«crimen»—преступленіе, и «delictum» проступокъ...

— Виноватъ-съ, г. директоръ! предчувствуетъ уже бѣду юноша.

— Нѣтъ-съ!—входитъ уже во вкусъ директоръ. Ваше дѣяніе именно—«crimen».

— Простите, г-нъ директоръ! —краснѣетъ юноша.

— Нельзя съ!—возвышаетъ голосъ директоръ, и голосъ его гудитъ свирѣпо по корридору —Есть преступленія, которыхъ законъ не прощаетъ. Dura lex—sed lex!

— Пощадите, г. директоръ!—блѣднѣетъ уже юноша.

— Не могу-съ!—хрипитъ, взвинчиваетъ и разжигаетъ себя директоръ.

Юлій Цезарь, во время bellum gallicum...*) гремитъ грозно голосъ директора,—и передается злорадно какой-нибудь возмутительный фактъ римской жестокости.

— Помилуйте, г. директоръ! —дрожитъ юноша и обливается потомъ.

— Не могу-съ! —еще больше злорадствуетъ директоръ и еще глубже запускаетъ зондъ въ раздраженную душевную рану юноши.—Октавіанъ Августъ въ борьбѣ съ Помпеемъ... вынужденъ былъ поступить... разсказываетъ директоръ со смакомъ какую-нибудь новую римскую мерзость.

Юноша близится уже къ обмороку.

— Я единственный сынъ моей матери, ея будущій кормилецъ—умоляетъ онъ..

— Да-съ!—видимо торжествуетъ директоръ. Можетъ-бы, и Галлы поступали по необходимости и не могли поступать иначе... Dura lex—sed lex!—повторяетъ директоръ, какъ попугай, свою неизмѣнную безобразную фразу и уходитъ—иногда мучить другого несчастнаго юношу.

Вскорѣ повторялись та-же исторія и то-же истязаніе съ тѣмъ-же юношей по поводу иного поступка, недозволеннаго гимназисту, открытаго и безспорно установленнаго шпіонами.

Кончались эти жестокія инквизиторскія пытки обыкновенно тѣмъ, что юноша не выдерживалъ ихъ и самъ бросалъ гимназію, портя и разбивая тѣмъ свою жизнь Я помню и знаю нѣсколько такихъ случаевъ

А директоръ обходилъ такимъ образомъ ненавистный ему совѣтъ, злорадствовалъ и смѣялся надъ нимъ

* * *

Добрые сѣятели. . . . . Все, что говорилось до сихъ поръ, составляетъ «дѣла минувшихъ дней, преданье старины глубокой». Все это составляетъ только воспоминанія о тяжкихъ школьныхъ переживаніяхъ,—воспоминаніе о темныхъ сторонахъ школьной жизни, но были, однако, и свѣтлыя стороны.

Были у насъ свѣтлые наставники, сѣятели добрые, учители жизни. Ихъ было мало, но дѣлали они дѣло великое. Они открывали намъ свѣтъ и истину, учили добру. Они насъ любили, и мы ихъ любили. Они любили свое дѣло, и мы любили ихъ дѣло. Они смотрѣли на насъ, какъ на созданія еще нѣжныя и хрупкія; обращались съ нами бережно и заботливо Мы это чув-

*) Войны съ галлами.

ствовали. Малѣйшіе изгибы душъ нашихъ имъ были извѣстны. Мы не таились отъ нихъ. Повѣряли имъ горе и радость нашу, и грѣхи наши.

Былъ у насъ геометръ, человѣкъ доброты необыкновенной, математикъ страстный. Любя предметъ, онъ умѣлъ оживить мертвую матерію.

Параллельныя линіи, какъ нѣжныя сестры, гуляли у него рядомъ гдѣ-то среди созвѣздій. «Пиѳагоровы штаны» онъ развѣшивалъ тоже гдѣ-нибудь въ небесномъ пространствѣ. Треугольникъ говорилъ у него голосомъ человѣческимъ. Всякой геометрической фигурѣ онъ умѣлъ указать житейское или научное приложеніе.

Благодаря тому, что нашъ геометръ, какъ художникъ и маэстро своего дѣла, вкладывалъ въ него свою душу, у него не было, - за исключеніемъ двухъ, съ которыми нельзя было ничего подѣлать,—плохихъ учениковъ.

Большинство знали геометрію болѣе, чѣмъ удовлетворительно; пятеро-же превосходно. «Вы—моя гвардія и мой главный штабъ. Я буду показывать васъ только на парадахъ.. Не ударьте лицомъ въ грязь!» - ласкалъ геометръ даровитыхъ юношей и поручалъ каждому изъ нихъ для руководства по нѣскольку товарищей. самъ-же занимался съ болѣе слабыми учениками

Такое раздѣленіе труда вызывало соревнованіе и поразительные результаты Дѣло у насъ кипѣло и спорилось. Въ классѣ царили оживленіе и непринужденность, и геометрія большинству доставляла наслажденіе.

Былъ у насъ латинистъ. Его мы звали отцомъ—и едва-ли любой родной отецъ пользовался такимъ довѣріемъ и любовью, какими пользовался у насъ латинистъ. Онъ былъ нашимъ покровителемъ и заступникомъ въ нашихъ бѣдствіяхъ.

Иногда не жалѣя себя, онъ заигрывалъ даже съ директоромъ, притворно-благоговѣйно взирая на его бюстъ и сравнивая его мудрость съ мудростью Августа.

Случалось, что иногда онъ вырывалъ изъ когтей ястреба цыпленка и своей сердечной теплотой залечивалъ раненую молодую душу.

Грамматику латинистъ не терпѣлъ и заставлялъ просто зубрить ее, но когда переходили къ авторамъ, то увлекался, живописалъ намъ то съ юморомъ, то съ сарказмомъ, то съ паѳосомъ историческую эпоху автора и соотвѣтственно историческому положенію комментировалъ писателя

Занятія латинскимъ языкомъ становились интересными и оживленными. --Занимались большинство усердно не только изъ любви къ наставнику, но и изъ интереса, который умѣлъ сообщить предмету нашъ незабвенный наставникъ.

Но больше всего мы благодарны были нашему естествен нику, человѣку большого ума и рѣдкаго сердца Въ особенно сти былъ онъ намъ дорогъ, когда наши юныя души стремились объять необъятное, разгадать неразгаданное, когда наши рас крывшіеся сердца готовы были любить все великое и прекрас ное, возмущаться всякимъ зломъ, страдать за всякую правду когда неугомонныя мысли роились въ нашемъ сознаніи, как медоносныя пчелы. Мы хотѣли знать законы человѣческой жиз ни, законы исторіи, законы природы, красоты могучаго русска го языка,—этого великаго сокровища русскаго народа, —а насъ мучили «юсами», двойственнымъ числомъ. Голубиной книгой. Мы были голодны. Мы просили хлѣба, а остальные учителя намъ давали камень. Мы стучали въ двери тайниковъ мірозданія и натуралистъ открывалъ ихъ намъ.

Въ каплѣ воды онъ показывалъ намъ міры мельчайшихъ организмовъ. Онъ читалъ намъ звѣздную книгу и показывалъ намъ міры безконечно великихъ твореній Всемогущаго Бога. Глаза наши горѣли, какъ яркія звѣзды. Души наши были чис ты и ясны, какъ небесный сводъ въ ясное майское утро. Съ вдохновеннымъ наставникомъ мы уносились въ надзвѣздные края и испытывали райское блаженство

Въ каждой былинкѣ, въ каждомъ червякѣ, въ каждой хи мической реакціи онъ указывалъ намъ на чудеса и загадки при роды .. Это былъ великій учитель и властитель нашихъ душъ.

* * *

Добрые наставники, какъ солнце, свѣтили намъ и грѣли насъ, открывали намъ источникъ жизни вносили въ наши юныя души миръ и отраду. Злые же разрушительно вліяли на нашу нервную систему, деморализировали насъ. Своимъ примѣромъ они показали намъ, что въ мірѣ много злыхъ и низкихъ лю дей, много неправды, безправія, произвола и насилія. Они оже сточали насъ, порождали въ насъ злыя мысли и подрывали вѣ ру въ добро, въ людей, въ порядокъ жизни...

..Они стремились поселить въ юношахъ не любовь, а страхъ къ себѣ, и развить въ юношахъ субординацію. Система старая и жестокая,—система Макіавелли.

Макіавелли училъ начальствующихъ, что любовь зависитъ отъ самихъ подвластныхъ; страху же нагнать можетъ любой начальникъ. Это легче и не такъ хлопотливо

Однако, эта система проклята теперь въ Европѣ, она проводилась сотни лѣтъ и приводила всегда не къ порядку, а къ безпорядку, да и Макіавелли рекомендовалъ ее для взрослыхъ, а не для дѣтей-юношей, между которыми, какъ показываетъ примѣръ нашихъ добрыхъ наставниковъ, любовь юношеская и уваженіе пріобрѣтаются легко и производятъ чудеса.

Эта система устрашенія поддерживала въ юношахъ съ болѣе тонкой организаціей и болѣе одаренныхъ постоянное мрачное

настроеніе, а въ натурахъ болѣзненныхъ порождала даже безнадежный пессимизмъ, что, въ свою очередь, вліяло и должно было вліять пагубно на нервную и мозговую дѣятельность.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ мрачное настроеніе, такъ и пессимизмъ—суть аффективныя состоянія, а мрачный *аффектъ есть зло жизни*, что мы и докажемъ теперь.

Кто испытывалъ неоднократно страхъ, смущеніе, печаль, горе, отчаяніе, тотъ знаетъ, какъ блѣднѣетъ и искажается его лицо, какъ дрожатъ его руки и ноги, какъ стѣсняется и прерывается его дыханіе, какъ бьется его сердце, какъ обливается онъ холоднымъ потомъ, какъ кружится его голова, какъ безсиленъ становится онъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и движеніяхъ, какія онъ испытываетъ внутреннія волненія и томленіе, и какую тяжесть и немощь онъ чувствуетъ во всемъ тѣлѣ. Таковъ, въ общемъ, мрачный аффектъ.

Если-бы мы пожелали найти физіологическую основу аффектовъ, то, прежде всего, мы должны были-бы обратить вниманіе на сосудистую систему.

Непосредственныя наблюденія надъ человѣческимъ мозгомъ, —тамъ гдѣ можно было наблюдать его чрезъ отверстіе въ черепѣ, какъ это было въ 3-хъ случаяхъ у профессора Моссо,—показываютъ, что во снѣ и на яву малѣйшія раздраженія, малѣйшій шорохъ, *мысль и даже сновидѣнія* сопровождаются всегда и неизмѣнно сосудистыми колебаніями.

То-же самое подтверждается и физіологискими вѣсами. Стоитъ человѣку уравновѣшенному на этихъ вѣсахъ заснуть, и вотъ вѣсы наклоняются въ сторону ногъ, но при малѣйшемъ шумѣ вѣсы немедленно поварачиваютъ въ сторону головы.

Физіологическими опытами доказано, что всякое *сильное болевое раздраженіе сопровождается суженіемъ или спазмомъ мозговыхъ артерій*, т. е. тѣхъ каналовъ, которыми подвозится кислородъ и питательный матеріалъ къ нервнымъ элементамъ.

То-же производитъ и физическая боль у человѣка: внезапный приступъ невралгической боли, мучительная операція - вызываютъ мертвенную блѣдность лица, тошноту, головокруженіе, потемнѣніе сознанія и даже обморокъ. Тѣмъ-же механизмомъ объясняетъ профессоръ Мейнеръ и *засыпаніе*, наблюдавшееся иногда во время пытокъ.

Страхъ, ужасъ, печаль, горе, отчаяніе, неожиданное потрясающее извѣстіе и *всякая другая психическая боль* вызываютъ тѣ-же явленія.

Смертельный страхъ и смертельная блѣдность - неразлучные спутники одного и того-же явленія. «Когда намъ угрожаетъ опасность», говоритъ профес. Моссо, «когда мы чувствуемъ страхъ, волненіе и когда организмъ долженъ собрать всѣ свои,— *суженіе* сосудовъ происходитъ автоматически».

Можно привести массу и другихъ фактовъ, доказывающихъ, что, происходитъ-ли раздраженіе отъ физическаго предмета, или-же только отъ *мысли* объ этомъ предметѣ,—оно идетъ по однимъ и тѣмъ-же путямъ и касается однихъ и тѣхъ же органическихъ механизмовъ

Такъ, извѣстно, что мушка производитъ красноту и пузырь, и внушеніе загипнотизированному человѣку, что у него на спинѣ мушка, хотя бы тамъ и находился листъ бумаги, - производитъ у нѣкоторыхъ то же.*)

Разъ все это доказано, то становится понятнымъ и вліяніе аффектовъ на сердце и дыханіе.

Если мозговые артеріи сокращаются, то отъ мозга отливаетъ огромное количество крови, ибо въ немъ обращается *пятая часть* нашей крови.

Сердце, какъ великій стражъ и регуляторъ кровообращенія, тотчасъ чувствуетъ органическую опасность и тотчасъ-же начинаетъ бить тревогу: появляется ускоренное сердцебіеніе, иногда вслѣдъ за предварительной остановкой.

Дыханіе не можетъ быть покойнымъ уже потому, что вмѣстѣ со спазмомъ мозговыхъ артерій прекращается притокъ кислорода къ нервнымъ элементамъ, и эта новая органическая опасность *задушенія* рефлекторно вызываетъ усиленное вдыханіе, за которымъ наступаютъ учащенныя дыхательныя движенія.

Когда разстраивается кровообращеніе въ мозгу – разстраивается и питаніе нервныхъ элементовъ, а вмѣстѣ съ этимъ растраивается и психическая дѣятельность, что, прежде всего выражается разстройствомъ самочувствія и настроенія.

А если причина раздраженія имѣетъ характеръ стойкій и продолжительный, то мрачное настроеніе дѣлается длительнымъ, какъ это и наблюдалось у нѣкоторыхъ юношей.

Все это вмѣстѣ взятое производитъ огромную трату силъ какъ нервныхъ, такъ и мышечныхъ, ведетъ къ изнеможенію и къ усталости.

Спрашивается, какая это усталость? По мнѣнію *Моссо*, есть только одна усталость, это нервная усталость.

И для аффектовъ это тѣмъ справедливѣе, что нервные центры принуждены тутъ совершать огромную работу для возстановленія расшатаннаго органическаго равновѣсія.

А если это такъ, то *аффектъ въ концѣ концовъ отравляетъ организмъ продуктами утомленія, какъ и всякая усиленная мозговая и мышечная работа.*

Опыты *Ранке* и *Моссо* блистательно доказываютъ, что *дѣятельныя мышцы и дѣятельный мозгъ* выдѣляютъ ядъ, который за извѣстнымъ физіологическимъ предѣломъ уничтожаетъ въ нихъ временно функціональную способность, пока этотъ ядъ не его

*) Barnheim De la suggestion p. 106.

рить въ кислородѣ крови или не разрушится печенью (*Моссо*), или не будетъ выведенъ изъ организма почками.

Ранке утомлялъ сначала мышцу, затѣмъ промывалъ ее водой, потомъ бралъ эту вытяжку и впрыскивалъ ее въ сосуды свѣжей мышцы, и тогда мышца представляла всѣ явленія усталой мышцы, но если затѣмъ онъ снова промывалъ эту мышцу, то сила ея возстановлялась, и усталость исчезала.

Моссо, какъ-бы въ дополненіе къ этому, впрыскивалъ кровь усталаго животнаго совершенно свѣжему и нормальному животному, и у послѣдняго замѣчались всѣ характеристическія явленія усталости. *Моссо* добавляетъ къ этому, что въ основѣ мышечной усталости все-таки лежитъ истощеніе ея нервной системы.

И въ самомъ дѣлѣ: будемъ ли мы ворочать камни,—въ случаѣ усталости мы не въ состояніи заниматься міровыми вопросами, будемъ ли рѣшать міровые вопросы, и когда почувствуемъ усталость, мы не въ состояніи будемъ ворочать камни!

Когда аффектъ принимаетъ стаціонарный характеръ, какъ это было у несчастныхъ юношей, т. е., когда напряженная дѣятельность нервныхъ центровъ сопровождалась длительнымъ отравленіемъ организма продуктами утомленія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что у нихъ развивалось хроническое истощеніе нервной системы, что, въ свою очередь, выразилось впослѣдствіи развитіемъ у нѣкоторыхъ затяжной неврастеніи, а у другихъ—и болѣе тяжкихъ неврозовъ, какъ напр., истерія, какъ это было у покойнаго Р—е.



Университетскiе годы.

1869 Москва 1875.

—

Былъ май... Все въ природѣ оживало. Животворящее солнце все согрѣвало, бодрило и ласкало. Все призывало къ радости, къ веселью, къ наслажденiю. Все смотрѣло праздникомъ.

Только для дѣтей школьнаго возраста и, въ особенности для юношей выпускнаго класса гимназiи были—мрачные будни и великая «страда»: безсонныя ночи, высокое напряженiе молодыхъ силъ и тяжелыя душевныя волненiя, сопряженныя съ пыткой экзаменовъ

Естественно, что, кому удавалось благополучно одолѣть эту страду, проскользнуть между Сциллой и Харибдой и раздѣлаться наконецъ съ гимназiей,—тотъ чувствовалъ себя неизмѣримо счастливымъ.

* * *

Восторги и мечты. Однимъ казалось, что они проснулись отъ страшнаго кошмара, другимъ казалось, что они выздоровѣли отъ тяжкой болѣзни

Всѣ-же вмѣстѣ чувствовали, что теперь они свободны и вольны, какъ птицы; вольны выбрать себѣ занятiя по душѣ, по своимъ склонностямъ.

Взоры и чувства большинства обращались теперь къ высшимъ учебнымъ учрежденiямъ и главнымъ образомъ къ университету.

Многiе его идеализировали, считали его святилищемъ, въ которомъ юношамъ открываютъ великiя таинства науки—жрецы, такiе-же чистые, какъ сама наука. Нѣкоторые еще до поступленiя въ университетъ взирали на него съ благоговѣнiемъ

И это были не одни только слова: они оттѣнялись искреннимъ чувствомъ юношей!

И это чувство не омрачилось на первыхъ же порахъ дѣйствительностью: тою грязью, тою всюду пылью, формализмомъ и канцалярщиной, которые встрѣчали юношей при подачѣ прошенiй въ канцелярскомъ корпусѣ.

Все это юноши игнорировали; игнроировали всюду царившiе въ университетѣ внѣшнiй безпорядокъ и неряшество, какъ

нѣжныя дѣти игнорируютъ морщины и внѣшность дорогой имъ матери, ожидая отъ нея великія и богатыя милости и любовь, которыхъ они не знали въ большинствѣ случаевъ въ средней школѣ и которыхъ, благодаря своему возрасту, они естественно, искали и только со временемъ убѣждались, что эта грязь не просто грязь, но она имѣетъ символическое значеніе и что мать для нѣкоторыхъ оказывалась—мачехой.

О, сколько было увлеченій на первыхъ порахъ! Какія у большинства были радостныя и счастливыя лица! Сколько было братства и единенія! Сколько было беззавѣтнаго веселья!

Счастье било ключемъ, какъ счастье здороваго, свободнаго и молодого организма.

Какой былъ подъемъ духа! Какой шумной толпой собирались новички на крыльцѣ Новаго Университета въ ожиданіи популярнаго лектора!

Съ какимъ благоговѣніемъ они встрѣчали его и слушали его съ затаеннымъ дыханіемъ, съ сердечнымъ трепетомъ и съ такимъ вниманіемъ, котораго, вѣроятно, не было и у слушателей Нагорной проповѣди.

И эти юноши были также наивны и чисты сердцемъ, какъ рыбаки Геннисаретскаго озера.

Все въ словахъ лектора было для юношей—ново. Онъ открывалъ имъ широкіе и новые горизонты, окрылялъ ихъ зарождающуюся мысль, разъяснялъ и формулировалъ неясныя стремленія еще дремлящаго духа юношей.

Вступительныя лекціи популярныхъ профессоровъ, главнымъ образомъ, юристовъ и филологовъ доставляли величайшее наслажденіе для новичковъ, собиравшихся на эти лекціи со всѣхъ факультетовъ.

Тутъ, такъ сказать, происходило вѣнчаніе новичковъ съ наукой и былъ ихъ университетскій медовый мѣсяцъ, когда они окончательно опредѣлялись и раздѣлялись по факультетамъ.

Эти паломничества и исканіе духовной Мекки новичками составляли общепринятый студенческій обычай описываемаго періода времени.

* * *

Будни. Затѣмъ для большинства наступали университетскіе будни:—иксы, кости, дыры въ черепѣ и другіе факты науки.

Многіе преподаватели старались загромождать головы своихъ слушателей главнымъ образомъ фактами науки безъ всякаго обобщенія и безъ указанія тѣхъ идей, которыя знаменуютъ эти факты, къ чему, собственно, инстинктивно стремится молодежь и что она желаетъ понять всѣми силами своей пытливой души.

Но указанная система преподаванія, конечно, была легче для преподавателей. Она не тревожила ихъ мысль, не заставляла

напрягать ихъ свои силы и болѣе соотвѣтствовала непосредственнымъ цѣлямъ государства. создать изъ слушателей побольше техниковъ, хотя широкое умственное развитіе и не вредитъ специальной компетенции техника и нѣкоторые преподаватели дерзали и дерзаютъ объяснять своимъ слушателямъ научный смыслъ и значеніе установленныхъ фактовъ.

Говорятъ, напр., что проф. Лесгафтъ, показывая слушателямъ и слушательницамъ такую сухую матерію, какъ трубчатыя кости организма, умѣетъ придать живой интересъ и этимъ на первый взглядъ мало интереснымъ предметамъ.

По мнѣнію проф. Лесгафта, оказывается что полости костей—не случайность, а что мать—природа, творя эти полости и придавая имъ извѣстную форму, поступаетъ по строгимъ математическимъ законамъ механики, *сберегая строительный матеріалъ и достигая такимъ строительствомъ наибольшей прочности и легкости костей*, что, конечно, имѣетъ огромное значеніе для организма.

Такое освѣщеніе фактовъ оживляетъ преподаваніе, подстрекаетъ любознательность слушателей, помогаетъ имъ усваивать и запоминать факты, сосредоточиваться на нихъ, отвлекаетъ даже отъ «завиральныхъ» идей, потому что послѣднія сладки частію тѣмъ, что онѣ интереснѣе костей въ томъ видѣ, въ какомъ кости показываются большинствомъ преподавателей и что, слѣдовательно,—сухость и безидейность преподаванія заразительны,- а не на оборотъ, какъ это, обыкновенно, толковалось иногда даже изъ зависти къ популярности даровитыхъ и мыслящихъ преподавателей.

* * *

Авторъ замѣтокъ два года пробылъ сначала на математическомъ факультетѣ, хорошо помнитъ преподаваніе различныхъ математическихъ дисциплинъ и какъ онѣ излагаются въ «курсахъ».

Новичка эти «курсы» могли привести въ отчаяніе, хотя бы онъ и обладалъ достаточной подготовкой, въ особенности, когда онъ набрасывался на больше специальные «курсы».

Главнымъ достоинствомъ этихъ курсовъ считалась сжатость изложенія, а сжатость заключалась въ различныхъ *недомолвкахъ*, которыя для новичковъ являлись головоломными загадками, ясными только авторамъ этихъ курсовъ, обыкновенно, крупнымъ математикамъ и лицамъ, привыкшимъ читать математическіе жупелы.

* * *

Жупелизмъ. Повидимому, курсы писались главнымъ образомъ для избранныхъ и объ удобопонятности заботились мало.

Жрецы великой науки, видимо, витали на Олимпѣ, презрительно относились къ обыкновеннымъ смертнымъ, прорицали

какъ пиѳіи, очевидно, полагая, что человѣкъ созданъ для науки, а не наука для человѣка.

Такая манера математическаго сочинительства, такъ сказать, математическій жупелизмъ установились изстари.

Извѣстно, что самъ великій Ньютонъ многія свои открытія обнародывалъ не только безъ всякихъ доказательствъ, но даже безъ всякаго намека на указаніе пути, приведшаго его генія къ этимъ открытіямъ. Пусть молъ, сами смертные догадаются, какъ онъ дошелъ до этихъ открытій.

Можетъ быть, это вызвало подражаніе маленькихъ Ньютоновъ, вошло въ традиціи и заразило преподавателей.

Ньютонъ вообще не любилъ говорить, въ особенности, публично и былъ великимъ молчальникомъ. Такъ въ бытность его членомъ парламента отъ Ньютона слышали только одно слово, состоявшее въ приказѣ швейцару закрыть окно!

* *

«Мене-факелъ-Фаресъ». У насъ былъ преподаватель, который въ этомъ отношеніи перещеголялъ Ньютона. Онъ *иногда* почти совсѣмъ не говорилъ во время лекціи. Бывало, незамѣтно онъ проникалъ въ аудиторію, когда студенты еще шумѣли и азартно между собой спорили. Тогда вдругъ на доскѣ появлялась рука, пишущая нѣчто, вѣрнѣе выводящая различные рисунки, т. е. появлялась картина, близко напоминающая: «Мене факелъ-фаресъ».

Преподаватель не обращалъ никакого вниманія на то, слѣдятъ за нимъ студенты или не слѣдятъ, продолжая свое писаніе.

Написавъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало, онъ отходилъ отъ доски, всматривался въ нее, иногда кое-что поправлялъ, а за тѣмъ бралъ губку, плевалъ въ написанное, стиралъ и продолжалъ опять писать до звонка, когда преподаватель клалъ мелокъ на мѣсто и спокойно, не смотря на студентовъ, выходилъ изъ аудиторіи.

Иногда, впрочемъ, когда, въ особенности, профессору удавалось изображеніе, онъ на мгновеніе останавливался и произносилъ: «Ясно!?» не то спрашивая студентовъ, не то восторгаясь самъ ясностью своего рисунка и снова продолжалъ писать.

Очевидно, это былъ идеальный преподаватель и признавалъ науку во всей ея чистотѣ и неприкосновенности, но за то мы считали его безнадежнымъ!

* *

«Анализъ». Былъ однако у насъ преподаватель другого типа покойный В. Я. Ц., оставившій свѣтлое воспоминаніе въ сознаніи большинства своихъ слушателей. Онъ читалъ намъ дифференціальное и интегральное исчисленіе, такъ называемый «Анализъ», — предметъ въ высшей степени сухой и абстрактный, какъ онъ излагается въ спеціальныхъ курсахъ и,

несмотря на это, В. Я. умѣлъ популяризировать эту сухую матерію и показать намъ съ необыкновенной ясностью и увлекательностью, что «Анализъ» представляетъ собой поразительное и наивысшее проявленіе человѣческаго духа, наивысшее обобщеніе, неопровержимую и вѣчную философію, объясняющую все мірозданіе въ его безконечно малыхъ и безконечно великихъ проявленіяхъ, что безъ знанія «Анализа» нѣтъ и не можетъ быть реальнаго міропониманія, что онъ—ключъ ко всѣмъ тайнамъ природы, ко всякому высшему знанію, что онъ долженъ входить въ систему высшаго образованія и развитія человѣка, какъ кардинальный общеобразовательный предметъ.

Все это доказывалось намъ различными сопоставленіями, иллюстраціями, приложеніями «Анализа» къ изученію мірового процесса, чего мы не могли найти ни въ одномъ руководствѣ, гдѣ, пожалуй, считали бы популяризацію знанія оскверненіемъ чистоты абстрактнаго ученія, но безъ чего юношѣ, непривыкшему еще къ абстракціи и неудержимо стремящемуся къ жизни, къ міропониманію—духовный хлѣбъ представлялся камнемъ.

Безъ иллюстрацій даже самый предметъ «Анализа»—*изученіе свойствъ безконечно малыхъ величинъ* долженъ казаться новичку, живущему среди видимыхъ и осязаемыхъ вещей,—страннымъ и недоступнымъ пониманію.

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ себѣ представить не только билліонную, но и милліоную часть вершка?

Очевидно, это внѣ человѣческихъ силъ, внѣ человѣческаго представленія и потому *изученіе свойствъ* такихъ предметовъ, которыхъ мы и представить—то себѣ не можемъ, можетъ на первыхъ порахъ казаться и, дѣйствительно, казалось нѣкоторымъ совершеннѣйшимъ абсурдомъ и праздной мечтой.

Однако это не такъ и простѣйшая иллюстрація можетъ въ значительной степени приблизить къ существу дѣла.

Тотъ языкъ, который дерзалъ взводить хулу на великое ученіе, тотъ мозгъ, въ которомъ рождалось сомнѣніе въ возможности существованія этого ученія, тотъ организмъ съ его празднословнымъ языкомъ, вѣчно мятежнымъ и сомнѣвающимся мозгомъ, съ его кровью, съ его сердцемъ и другими органами, какъ извѣстно,—состоитъ изъ клѣтокъ, которыя такъ малы и которыхъ столько, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности по отношенію ко всему человѣческому организму можетъ считаться непонятно малой и непредставимой величиной.

А между тѣмъ *свойства* каждой такой клѣтки изучены теперь въ достаточной мѣрѣ!

Значитъ, безконечно малыя величины, при извѣстныхъ аналогіяхъ представимы, и не фантазія, и не фикція, а настоящая, но только тончайшая реальность, гдѣ совершаются всякіе невидимые процессы,—физическіе и химическіе, образующіе въ конечномъ результатѣ видимыя явленія.

Удлиненіе рельса подъ вліяніемъ теплоты, взрывъ бомбы, колоссальный взрывъ газовъ на солнцѣ,—все это конечные результаты невидимаго движенія, т. е. измѣненіе протяженія между атомами, или безконечно малыми частицами вещества, недоступными человѣческому представленію, но въ то же время уже взвѣшанными.

Самая мысль человѣка, творящая въ человѣческомъ обществѣ добро и зло,—не мыслима безъ химическихъ процессовъ, которые сопровождаютъ ее въ мозгу, а химическіе процессы, какъ уже сказано, сводятся къ движенію и перемѣщенію атомовъ.

Значитъ, міровой процессъ во всѣхъ его видахъ есть ничто иное, какъ *Движеніе*, которое все разрушаетъ и все создаетъ, а движеніе подчинено законамъ механики, въ основѣ которой лежитъ «Анализъ» и безъ котораго, слѣдовательно, не можетъ быть точнаго знанія.

И точныя современныя науки, какъ, напр., математическая физика, математическая химія, астраномія уже формулировали многія свои положенія путемъ «Анализа».

Нѣтъ также сомнѣнія, что біологическія и соціальныя явленія, совершающіяся въ живыхъ и среди живыхъ организмовъ, подчиненныхъ физическимъ и химическимъ процессамъ, по сути своей сводятся также къ движенію, хотя и къ болѣе сложному, чѣмъ физическіе и химическіе процессы, но всетаки—къ движенію и, слѣдовательно, рано или поздно будутъ формулированы также—математически.

Послѣ этого, какъ-же не сказать, что «Анализъ» являетъ собой величественный, всесильный, универсальный и единственно точный методъ изученія всѣхъ явленій природы, съ которымъ долженъ быть знакомъ всякій интеллигентный человѣкъ, которому не чуждо стремленіе проникать въ великіе проблемы мірозданія.

Вотъ что внушалъ намъ дорогой нашъ учитель В. Я. Ц., преподавая намъ такую на первый взглядъ сухую матерію, какъ Анализъ.

Однако были нѣкоторые изъ насъ, которымъ эти отступленія не нравились, какъ якобы излишняя философія, приходящаяся, завѣдомо, не по плечу имъ и которымъ больше нравились немудрыя упражненія по сборнику Зонке.

Все это были, между прочимъ, или больше практики или карьеристы, съ раннихъ поръ мѣтившіе или въ профессора или въ инженеры путей сообщенія, которыхъ тогда было сравнительно мало и которые цѣнились высоко и обогощались быстро.

Вообще метода преподаванія В. Я. часто и горячо дебатировалась студентами. Но къ чести студентовъ надо сказать, что большинство горячо отстаивали ее и восторгались ею. Только будущіе путейцы, пародируя Колхаса, говаривали про эту ме-

году: «Все цвѣты и цвѣты.. Слишкомъ много цвѣтовъ!» мечтая, вѣроятно о болѣе существенныхъ въ будущемъ приношеніяхъ подрядчиковъ.

Будущие профессора были скромнѣе и чище. Они говаривали «Сначала азбука науки, а потомъ философія!» на что большинство отвѣчали также кратко «Въ такомъ случаѣ чаще ходите къ Н. А. Л. Онъ васъ научитъ азбукѣ и житейской мудрости!»

* * *

Египетская казнь.

Н. А. Л. читалъ намъ опытную физику, но въ буквальномъ смыслѣ—азбучную физику, едва ли не въ меньшемъ объемѣ, въ какомъ она преподавалась намъ въ гимназіи.

Опытовъ показывалъ онъ намъ мало, да и тѣ часто не удавались, а въ отсутствіе нѣкоего Ив. Ив., преподаватель и совсѣмъ садился на мель.

Тогда на каѳедрѣ происходили диковенныя вещи. Будучи небольшаго роста, профессоръ въ такихъ случаяхъ кружился, скакалъ, порхалъ по каѳедрѣ и трещалъ, какъ разгнѣванный воробей, обвиняя въ неудачѣ опыта всѣхъ и вся только не свою безпечность.

Всѣмъ было ясно, что чтеніе лекцій для этого профессора было не болѣе, какъ отбываніе непріятной повинности и что мысли его далеко витали отъ каѳедры, что душою онъ всегда находился въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и мысленно возлежалъ на лонѣ Каткова или Делянова».

Онъ былъ ихъ тѣнью, превосходнымъ борзописцемъ, исполнителемъ ихъ вожделеній и впослѣдствіи незамѣнимымъ ихъ помощникомъ въ дѣлѣ крушенія стараго университетскаго устава.

Въ своей «Запискѣ о недостаткахъ нынѣшняго состоянія нашихъ университетовъ» онъ оказался палачомъ и предателемъ родного университета и все таки у него хватало смѣлости бывать на факультетскомъ и университетскомъ совѣтѣ, принимать участіе въ дебатахъ, обращаться къ его членамъ съ словомъ «товарищъ», на что огромный, остроумный и находчивый зоологъ С. А. Ус— въ разъ громко крикнулъ ему: —«Гусь, .. гусь я, а не товарищъ Вамъ. Запомните это хорошенько!»

Знаменитый русскій историкъ С. М. С. за предательство называлъ нашего физика—египетской казнью университета.

С. М. С. разсказывалъ, что, будто бы, у древнихъ египтянъ былъ ужасный обычай, по которому за тяжкое преступленіе сына мать присуждалась носить разлагающійся трупъ преступнаго сына на шеѣ.

Наша Alma Mater по отношенію къ своему предателю оказалась имменно въ этомъ несчастномъ положеніи.

Попутно, въ дополненіе къ изображенію преподаванія у насъ опытной физики, а также тогдашняго политическаго кур-

са и къ характеристикѣ огромнаго значенія въ сферахъ ученаго сподвижника и наперсника Каткова, авторъ приводитъ здѣсь двѣ трагикомедіи, *случившіяся уже позднѣе 1875 г.*

* * *

«Гусь». Въ городѣ передавали, что послѣ извѣстнаго комплимента, сказаннаго С. А. У—вымъ г. Л., положеніе перваго стало очень щекотливымъ. Онъ сразу былъ записанъ въ либералы и неблагонадежные. За нимъ стали слѣдить и записывать его поступки въ «книгу живота».

Къ тому же послѣ этой оказіи С. А. пришлось составлять актовую рѣчь. Врагамъ С. А. было это на руку и они предполагали, что его либерализмъ тутъ проявится во всей силѣ, что С. А. попадется и погибнетъ.

Но не тутъ-то было. Несмотря на горячія вожделѣнія враговъ, С. А. оставилъ ихъ при пиковомъ интересѣ.

С. А. взялъ да и описалъ въ своей актовой рѣчи носорога. Такъ онъ и озаглавилъ свою рѣчь: «Носорогъ».

Животное это огромное, упрямое, сильное, свирѣпое и свободолюбивое.

Какъ разъ все это были свойства самого лектора и въ лекціи много и остроумно говорилось о самозащитѣ и нападеніи носорога на враговъ.

Студенты и друзья С. А. отлично поняли все ехидство и замысловатость темы. Весело встрѣтили лектора и смѣялись до упаду. Смѣялся и самъ С. А.

Враги тоже поняли потомъ, надъ кѣмъ смѣются, но подѣлать ничего не могли: очень ужъ была учена и благонамѣренна тема!

* * *

Послѣ У—вской исторіи нашъ незабвенный наставникъ Н. А. Л., столь порадѣвшій для родного университета, къ великой радости послѣдняго былъ взятъ живымъ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ и кончилъ свои безславные дни.

* * *

Можно-ли разсматривать блоху въ телескопъ? Его каѳедра опытной физики перешла въ руки А. Г. Ст., который былъ отцомъ студентамъ математикамъ и злодѣемъ—студентамъ медикамъ.

На экзаменахъ онъ рѣзалъ послѣднихъ какъ виѳлеемскихъ младенцевъ, душилъ ихъ единицами въ огромномъ количествѣ, издѣвался, будто-бы надъ ними, сбивалъ ихъ съ толку якобы странными и обидными вопросами и доводилъ нѣкоторыхъ до чрезмѣрнаго раздраженія, за что иногда и нарывался.

Такъ разъ, доведя студента до седьмого пота, онъ неожиданно спросилъ его: «Можно-ли разсматривать блоху въ телескопъ»?

И тогда тотъ также неожидано для профессора выпалилъ: «Для дураковъ законъ неписанъ, г. профессоръ! и отошелъ отъ стола.

Въ другой разъ, замучивъ студента въ конецъ, профессоръ спросилъ его: «Почему краска на университетѣ покраснѣла?» — «Потому что университетъ имѣетъ такихъ экзаменаторовъ, г. профессоръ!» — былъ отвѣтъ и студентъ тоже не пожелалъ далѣе бесѣдовать съ профессоромъ.

Факты эти сами по себѣ возмутительны, но въ сущности обѣ стороны были не справедливы, хотя въ различной степени.

Студенты хорошо знали, что профессоръ не дуракъ и не такой человѣкъ, за котораго университетъ имѣлъ основанія краснѣть. Они знали, что профессоръ талантливый ученый и чистый жрецъ науки, живишій исключительно интересами науки и дорожившій честью университета.

Съ другой стороны профессоръ не могъ не знать, что всякій экзаменующійся находится въ полной власти экзаменатора, какъ безсильный ягненокъ во власти сильнаго волка, что сильный всегда найдетъ вину въ безсильномъ, если захочетъ, тѣмъ болѣе, что тутъ и искать-то ее не требовалось, потому что она сквозила во всемъ: очень ужъ былъ скуденъ у студентовъ запасъ предварительныхъ свѣдѣній по физикѣ и это невольно должно было раздражать знатока. Медики не знали элементовъ физики.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключалось главная причина скверныхъ конфликтовъ А. Г, съ студентами-медиками.

Въ свое время эти конфликты пятнали А. Гр. но, очевидно, они переоцѣнивались и во всякомъ случаѣ онъ не настолько въ нихъ виновенъ, какъ прежде объ этомъ думали.

Во всякомъ случаѣ А. Гр былъ крупный, искренній и нравственно чистый ученый, превосходный лекторъ и демонстраторъ опытовъ, понимавшій, что будущимъ врачамъ знать физику необходимо былъ по этому требователенъ и не вина А. Гр. въ томъ, что физика давалась медикамъ плохо, хотя онъ и прилагалъ всѣ усилія чтобы быть понятнымъ и полезнымъ своимъ слушателямъ и они могли бы воспользоваться услугами образцоваго преподавателя, если бы понимали важность для нихъ предмета.

Положеніе А. Гр. на экзаменахъ было скорѣе страдательное и онъ непринадлежалъ къ прирожденнымъ злодѣямъ — экзаменаторамъ, которые находятъ наслажденіе въ мукахъ экзаменующагося.

Злодѣйства А Гр. были кажущіяся, предвзято понимавшіеся студентами.

Правда, онъ экзаменовалъ подолгу, гонялъ студента по всему курсу, чтобы имѣть понятіе о знаніяхъ студента, но предлагалъ вопросы элементарные, чтобы выяснить, насколько буду-

щій врачъ развитъ и насколько онъ привыкъ и умѣетъ прилагать свои знанія по физикѣ къ объясненію обыденныхъ явленій.

А. Гр. спрашивалъ, напр., студента: «Почему вода въ котлѣ кипитъ?» и студентъ не могъ объяснить, но раздражался, считалъ этотъ вопросъ издѣвательствомъ, насмѣшкой и вмѣсто того, чтобы сердиться на самаго себя, отвѣчалъ профессору дерзостью, а профессоръ ставилъ студенту единицу и былъ правъ, потому что не имѣлъ времени и считалъ себя не вправѣ объяснять взрослому человѣку нелѣпость его поступковъ.

Конечно, конфликтовъ не было бы, если бы А. Гр., убѣдившись, что медикамъ физика не доступна и не посильна въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее преподавалъ, сталъ-бы относиться къ экзаменамъ халатно, какъ поступалъ предъидущій преподаватель и какъ поступаютъ другіе преподаватели, не желая становиться въ острыя отношенія къ слушателямъ, которымъ вообще требовательные экзаменаторы не нравились и не нравятся, въ особенности, когда послѣдние умѣютъ показать несостоятельность слушателей.

Но что дѣлать, если А. Гр. не умѣлъ относиться халатно ни къ какимъ своимъ обязанностямъ. Въ этомъ заключался его главный недостатокъ —если только это недостатокъ. Онъ незналъ и не терпѣлъ компромиссовъ, хотя бы отъ этого страдали его личные интересы и личное спокойствіе.

Вѣроятно, время, опытъ и зрѣлость уже сгладили непріятное воспоминаніе у бывшихъ слушателей о своемъ строгомъ преподавателѣ, а его крупныя научныя заслуги, его рѣдкій организаторскій талантъ, его отеческое отношеніе къ своимъ многочисленнымъ ученикамъ-специалистамъ уже достойно оцѣнены и поставили его среди украшеній родного университета.

***

Заканчивая свои краткія воспоминанія о математическомъ факультетѣ, авторъ считалъ бы грѣхомъ не вспомнить о Ф. А. Бр—нѣ, о крупномъ русскомъ астрономѣ. Онъ пользовался въ обществѣ большими симпатіями, какъ талантливый популяризаторъ небеснаго пространства и, въ особенности, славенъ былъ своими лекціями о кометахъ, которыхъ онъ называлъ небесными бродягами.

***

Небесные бродяги.

Не смотря на специальность предмета, онъ умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ живой интересъ къ этимъ созданіямъ. Онъ такъ ихъ описывалъ, такъ приковывалъ къ нимъ вниманіе, такъ зачаровывалъ своихъ слушателей описаніемъ строенія этихъ небесныхъ тѣлъ, ихъ движеній, образа ихъ жизни, что они являлись въ зачарованномъ сознаніи слушателей, какъ-бы живыми существами. Онъ умѣлъ одухотворить эти тѣла.

И это производило поразительное впечатлѣніе. Громадная физическая аудиторія съ ея хорами обширными проходами всегда была переполнена сверху-до-низу и замирала подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія.

Это былъ художникъ популяризаторъ и онъ блестяще доказывалъ, что въ наукѣ не можетъ быть сухой матеріи, что въ природѣ все живетъ, что человѣкъ не можетъ не интересоваться этимъ, что талантливый человѣкъ можетъ все одухотворить, всѣмъ заинтересовать, что талантливый человѣкъ долженъ дѣлать науку достояніемъ общества, не зарывать своихъ талантовъ въ землю, а выносить ихъ на общественное торжище и дѣлиться ими съ обществомъ.

* * *

Двухлѣтнее свое пребываніе на математическомъ факультетѣ, когда В. Я. Ц. въ увлекательныхъ формахъ развивалъ передъ слушателями величественный методъ изученія мірозданія и любительскія хожденія на лекціи Ф. А. Бр на, который блестяще читалъ намъ книгу звѣзднаго неба, —что Кантъ называлъ вторымъ совершенствомъ природы послѣ нравственнаго чувства человѣка и помимо которыхъ Кантъ другихъ совершенствъ въ природѣ не зналъ, — авторъ считаетъ счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни, а на переходъ свой на медицинскій факультетъ смотритъ, какъ на нераскаянный грѣхъ молодости.

Какія духовныя радости и какую духовную пищу могла дать тогдашняя медицина математику, который долгое время лакомился такими изысканными деликатесами, какими его питали такіе даровитые маэстро преподавательскаго искусства, какъ В. Я. Ц. и Ф. Б. Бр—хинъ?

Что представляла собой тогдашняя медицина?

Она представляла собой несчастное хаотическое скопленіе громаднаго количества безсвязныхъ фактовъ.

* * *

Доминирующимъ предметомъ на второмъ курсѣ, на который авторъ поступилъ, не бывъ на первомъ, —была практическая анатомія, личное приготовленіе и обязательная сдача студентами препаратовъ, т. е. кощунственное и безобразное кромсаніе труповъ людей, обездоленныхъ жизней, труповъ, о которыхъ даже некому было позаботиться и защитить ихъ отъ посрамленія, труповъ, которые, можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ скрывали въ себѣ трагедію многихъ жизней.

Все въ этихъ занятіяхъ могло внушить свѣжему человѣку отвращеніе. Даже внѣшній видъ и обстановка этихъ занятій были позорны.

* * *

Авгіева конюшня. Анатомическій театръ, —теперь приличное зданіе, —напоминалъ собой старый, каменный, грязный, сырой, заплесневѣлый и облупившійся сарай.

Онъ расположенъ былъ среди полумощеннаго двора стараго университета. Возлѣ анатомическаго театра находился грязный садишко съ тощей и несчастной растительностью, куда многочисленные жильцы стараго университета выбрасывали соръ, выливали помои, выгоняли куръ и другую живность, но которое было сборнымъ мѣстомъ студентовъ медиковъ, гдѣ они отдыхали и искали свѣжаго воздуха послѣ пребыванія въ невозможномъ помѣщеніи анатомическаго театра, тѣснаго, грязнаго, низкаго, вонючаго, безъ всякой вентиляціи, со столами, загаженными трупами и остатками студенческихъ препаратовъ и съ невыразимо грязными полами.

Это былъ не анатомическій театръ, не храмъ науки, но Авгіева конюшня, которую вычистить никто не могъ, даже Геркулесъ и которую потомъ сломали и сравняли съ землей.

* * *

Съ ранней осени и до весны, днемъ и вечеромъ анатомическій театръ переполнялся студентами раздѣленными по группамъ, потому что изъ за тѣсноты помѣщенія, а также по недостатку труповъ, и по другимъ причинамъ одновременныя занятія всѣхъ студентовъ были не возможны.

Появленіе трупа въ анатомическомъ театрѣ было для студентовъ—праздникомъ. Болѣе всѣхъ обыкновенно радовались поповичи.

Только сторожа, обыкновенно, отставные солдаты были вѣчно невозмутимы и носили на себѣ профессіональный отпечатокъ отъ постояннаго обращенія съ трупами и гнилью.

Это были люди хмурые, неповоротливые, грубые, грязные, часто пьяные и до того небрежливые, что пили спиртъ изъ банокъ съ анатомическими препаратами и на ходу жадно иногда лакомились филипповскимъ калачомъ, держа его въ одной рукѣ, а другой, таща препаратъ человѣческую руку или ногу.

Это составляло зрѣлище для свѣжаго человѣка омерзительное и показывало, до какой степени огрубенія можетъ довести человѣка нужда.

Сторожа съ женами и дѣтьми жили тутъ-же подъ поломъ, въ подвальномъ этажѣ, значительно углубленномъ въ сырую и промозглую землю, рядомъ съ холодильникомъ для труповъ и университетская администрація или не знала объ этомъ или считала это положніе служащихъ нормальнымъ.

Съ появленіемъ трупа въ анатомическомъ театрѣ студенты, какъ орлы, набрасывались на него и начиналось его «свѣжеваніе» и «раздѣлка», скорѣи четвертованіе и кромсаніе трупа.

Но это зрѣлище было настолько безобразно и не эстетично, что авторъ, щадя чувства читателей, отказывается изображать его, хотя это и характерно для студенческихъ занятій и медицинской науки.

* * *

Великомученики. Получивъ свою часть, товарищи принимались за препарированіе ея, но оно производилось неумѣло, неопытной рукой, по книжкѣ медленно. Препаратъ портился, гнилъ; части рвались.

Препаратъ выходилъ отвратительный, негодный, непоучительный, нисколько непохожій на тотъ, который профессоръ демонстрировалъ на лекціи и приготовленный опытной рукой

Это бѣсило многихъ, приводило въ уныніе, къ сознанію безполезно потраченнаго времени и къ вопросу: не глупо-ли такое время-препровожденіе?

Въ самомъ дѣлѣ. Препарированіе имѣло своей конечной цѣлью ближайшее ознакомленіе студентовъ съ анатоміей человѣческаго организма, ознакомленіе съ реальнымъ соотношеніемъ различныхъ его частей, что въ гниломъ и испорченномъ препаратѣ въ высокой степени нарушалось и, слѣдовательно, цѣль совершенно не достигалась.

Мало того Это реальное соотношеніе неизбѣжно еще портилось неумѣлымъ препарированіемъ, а руководительства настоящаго не было.

Почти на 150 студентовъ у насъ былъ только одинъ прозекторъ, человѣкъ какой-то деревянный, кажется, больной и жалкій

Что онъ могъ сдѣлать и что можно было взять съ него?

Сообразивъ всю эту безнадежность, нѣкоторые сознательные студенты, махнувъ на все рукой, принимались зубрить препаратъ для сдачи экзаменатору, фантазируя о расположеніи частей препарата по книжкѣ.

Зубрили съ ожесточеніемъ, съ скрежетомъ зубовнымъ. Слышалось: «Лучевой нервъ отходитъ тамъ-то, прободаетъ то-то, развѣтвляется тамъ-то... тамъ-то, то-то, тамъ то. Въ этомъ состояла наука!

— Ахъ, чертъ возьми!—раздражались нѣкоторые.

— Да это совершенно напоминаетъ бурсаковъ Помяловскаго. Это то же, что «стыдъ и срамъ,.. стыдъ и срамъ... потомъ постигли,.. стигли,.. стигли,.. потомъ постигли!»

Это зубреніе тревожило даже вѣчно пьянаго субъ-инспектора, доктора А. М. Б—скаго, характерно изображеннаго Амфитеатровымъ въ его «Восмидесятникахъ».

Услышавъ зубреніе, «субикъ» грузно и часто нетвердой походкой подходилъ къ студенту, облакачивался на грязный столъ, обдавалъ студента спиртнымъ букетомъ, упирался пальцемъ въ гнилой мускулъ препарата и изрекалъ

— Что? Не знаешь?—спрашивалъ онъ студента -глубокомысленно

— Не знаю!. Научи! - отвѣчалъ часто студентъ озлобленно или насмѣшливо.

— Это—musculus... musculus!.. А, ну, тебя къ черту!»— говорилъ ученый и, махнувъ рукой, сконфуженно и съ досадой отходилъ отъ студента.

Это однако вносило оживленіе въ печальныя занятія студентовъ и они умышленно устраивали себѣ нерѣдко такія развлеченія съ пьянымъ начальствомъ.

* * *

Спрашивается теперь, къ чему же вся эта безполезная и неприличная канитель унижающая фактическое знаніе, отнимающая у студентовъ массу времени и здоровья зря, пріучающая ихъ фальшивить, заниматься дѣломъ небрежно, по необходимости, вызывающая у болѣе сознательныхъ раздраженіе и презрѣніе къ нелѣпому преподаванію, когда можно гораздо скорѣе, легче, осмысленнѣе, реальнѣе закрѣпить и упрочить въ памяти научные факты, предложивъ студентамъ хотя бы изучать анатомическіе факты и отношенія по консервированнымъ препаратамъ, приготовленнымъ опытной и искустной рукой, если ужъ по дороговизнѣ нельзя имѣть достаточнаго количества опытныхъ руководителей?

Но и послѣднее едва-ли будетъ вполнѣ цѣлесообразно. Научиться въ одинъ пріемъ, хотя-бы и подъ опытнымъ руководительствомъ, правильно препарировать нельзя.

Для этого требуется навыкъ, который пріобрѣтается порчей многихъ препаратовъ, а препараты выдаются студентамъ только въ одномъ экземплярѣ, иначе не хватитъ ни труповъ, ни времени у студентовъ для порчи препаратовъ.

Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, студентъ, изучая по своему испорченному препарату анатомическія отношенія, видитъ не реальныя отношенія, а изуродованныя имъ отношенія, съ чѣмъ онъ и вступаетъ въ жизнь и когда врачу надобится анатомія, то онъ самъ не вѣритъ своимъ бывшимъ знаніямъ и обращается къ книжкѣ, къ атласу и переучивается.

Очевидно, что существующая система преподаванія составляетъ нелѣпую рутину, поддерживаемую традиціей и, несомнѣнно, должна измѣниться такъ или иначе въ интересахъ дѣла.

* * *

Какова была анатомія, таковъ былъ и преподаватель,— собственно ассистентъ преподавателя, тогда умершаго. Но оба они стоили другъ друга и уже слѣдующій анекдотъ характеризуетъ ихъ достаточно.

Говорятъ, въ бытность свою въ Ниццѣ, въ самый разгаръ сезона нелегкая разъ занесла ихъ въ модный ресторанъ полакомиться чѣмъ нибудь изысканнымъ.

* * *

3 креветки и 30 омаровъ

Долго они разсматривали карточку и зрѣло обсуждали, чѣмъ-бы имъ насытиться и наконецъ потребовали себѣ 3-хъ креветокъ.

А надо сказать, что наши путешественники были оба — мастодонты, вершковъ по 9 каждый и косая сажень въ плечахъ.

Конечно, это удивило гарсона, но сдержанный французъ съ серьезнымъ видомъ всетаки подалъ нашимъ настодонтамъ 3-хъ креветокъ на маленькомъ блюдечкѣ.

Гастрономы сконфузились, однако, скоро нашлись и потребовали себѣ 30 омаровъ.

Гарсонъ встрепенулся и медленно пошелъ въ буфетъ, откуда чрезъ продолжительное время три гарсона, въ предшествіи метръ-дотеля, несли трехъ омаровъ, каждаго на блюдѣ и метръ-дотель извинялся передъ знатными иностранцами, что, благодаря продолжительному опыту, больше трехъ омаровъ въ сутки въ ресторанѣ не держится, но что остальные для любезныхъ посѣтителей будутъ доставлены завтра — на пароходѣ.

Модной публикѣ это было, конечно, интересно и любопытно, въ особенности, когда стало извѣстно въ Ницѣ, что знатные иностранцы — профессора старѣйшаго русскаго университета.

Они стали притчей во языцѣхъ и пришлось бѣжать.

Доблестный ассистентъ, потребовавшій себѣ 30 омаровъ, былъ парень любопытный какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ.

Это былъ, какъ уже сказано — мастодонтъ: огромный, толстый, съ большой головой съ большой лысиной, съ густыми бровями, съ выпученными глазами, съ густыми, черными бакенбардами и съ длиннѣйшими усами, которые во время экзаменовъ и анатомическихъ занятій онъ закладывалъ за уши и которые по величинѣ не уступали усамъ полицеймейстера О—рева, державшагося княземъ В. А. Д—вымъ главнымъ образомъ за эти усы и за свирѣпый видъ, хотя О—ревъ былъ человѣкъ добрый и глупый.

Этотъ ассистентъ имѣлъ страсть учить студентовъ анатоміи, которую онъ любилъ и старался намъ доказать, что это — наука всѣхъ медицинскихъ наукъ, но былъ человѣкъ трусливый, несмотря на свое богатырское сложеніе, очень конфузливъ, не рѣчистъ даже въ анатоміи, и къ несчастью старался выражаться высокопарно и, говоря всегда экспромптомъ, запутывался, краснѣлъ и часто кончалъ тѣмъ, что отсылалъ насъ къ Гиртлю, признаваясь откровенно, что тамъ изложено лучше.

Разъ-же въ годъ, запутавшись и наговоря много галиматьи, раздавалъ свою диссертацію студентамъ, чтобы ихъ умилостивить и доказать, что онъ умный, но студенты этимъ не убѣждались и сжигали диссертацію въ каминѣ, такъ-какъ она была неважная написанная in folio дубовымъ языкомъ и обременительна для ношенія.

* * *

Какъ уже сказано, медицина составляла да еще и теперь составляетъ скопленіе огромнаго количества безсвязныхъ фак-

товъ. Надо только удивляться, какъ голова врача можетъ вмѣстить ихъ.

Стоитъ только взглянуть на таблицы распредѣленія лекцій на различныхъ факультетахъ, чтобы придти въ ужасъ отъ медицинской таблицы, гдѣ значится болѣе 40 предметовъ, и когда, за малыми исключеніями, каждый профессоръ старается нагромоздить какъ можно больше фактовъ, потому что каждый профессоръ считаетъ свой предметъ главнымъ.

Это что-то необъятное и Кузьма Прутковъ вретъ, что необъятное нельзя обнять. Врачи разрѣшаютъ эту задачу!

* * *

Чижико-зеленый цвѣтъ.

Къ счастію у насъ былъ благодѣтель-профессоръ, который хоть немного избавилъ насъ отъ галиматьи въ родѣ фармакологіи и фармакогнозіи, предметовъ исключительно аптекарскихъ, а нынѣ уже теперь спеціальныхъ, которыхъ, все равно, врачъ одолѣть не можетъ, но преподаваніе которыхъ, къ сожалѣнію, обязательно до сихъ поръ по нашему архаическому XIII тому.

Нашъ благодѣтель прекрасно это понималъ и, какъ умный крещеный еврей, находчиво обходилъ историческій пережитокъ XIII-го тома.

Профессоръ не училъ насъ готовить отвары, декокты, спиртъ 40 разбойниковъ, разводить лакричный и ревенный корень. Всего этого онъ касался кратко и сжато, но аптекарей, которые слушали его вмѣстѣ съ нами, отсылалъ къ спеціальнымъ руководствамъ. Къ аптекарямъ былъ требователенъ и строгъ. Намъ-же составилъ къ экзамену краткій и умный конспектъ.

Вмѣсто приготовленія отваровъ и порошковъ профессоръ училъ насъ химіи, химическимъ реакціямъ, показывалъ намъ настоящую науку, гдѣ нѣтъ ничего условнаго, гдѣ дѣйствуютъ вѣчные законы, гдѣ явленія могутъ предсказываться, гдѣ реакціи одинаково совершаются, какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

Вотъ въ чемъ заключаются свойства настоящей науки и чего медицина не имѣла тогда и не имѣетъ теперь!

Но у профессора были свои особенности и «коньки» и этими коньками онъ увлекался чрезъ мѣру.

Онъ любилъ чрезвычайно гармонію цвѣтовъ и, въ особенности, любилъ показывать намъ составленіе сложныхъ цвѣтовъ и переходъ одного цвѣта въ другой.

Бралъ онъ, напр., двѣ трубочки съ различными жидкостями и говорилъ: смотрите: разъ, два! И, переливая одну жидкость въ другую получалъ малиновый цвѣтъ. Продѣлывая тоже съ другими трубочками, чрезвычайно восхищался розовымъ, чижикозеленымъ цвѣтомъ и т. д.

Все это чрезвычайно занимало и радовало профессора. А намъ было потѣшно и смѣшно.

И ничѣмъ нельзя было такъ понравиться профессору, какъ попросить его показать намъ какой-нибудь удивительно сложный цвѣтъ. И этой слабостью профессора студенты пользовались, чтобы отвлечь его отъ корешковъ и отваровъ, когда онъ, забывшись и смотря въ сторону аптекарей, начиналъ являть имъ свое искусство по формакологіи и по формакогнозіи.

Въ послѣдствіи, однако, оказалось, что любовь профессора къ цвѣтамъ была не совсѣмъ безкорыстна: у него былъ красочный заводъ.

*
* *

Надо, впрочемъ, сказать, что эти «коньки» всюду играли не малую роль въ жизни студентовъ и выручали ихъ изъ бѣды.

Эти «коньки» водились больше даже у корифеевъ науки, чѣмъ у рядовыхъ преподавателей и составляли часто не науку, а научный капризъ, злоупотребленіе правомъ сильнаго, проявленіемъ чрезмѣрнаго самомнѣнія и гордыни, избалованнаго славой ученаго.

Однако, практика жизни и сознаніе своего безправія научили студентовъ хитрить, обращать этихъ «коньковъ» въ свою пользу, сѣдлать ихъ вмѣстѣ съ хозяевами и выѣзжать на обоихъ на торную дорогу, минуя разставленныя экзаменаторомъ препятствія, и, въ сущности, дурача экзаменатора, мстя ему за насиліе и осуществляя тѣмъ право слабаго.

Въ самомъ дѣлѣ Сколько поколѣній врачей выѣхали на «груберистикѣ»,—на пустякахъ, созданныхъ извѣстнымъ профессоромъ анатоміи,— Груберомъ.

*
* *

Красный цыпленокъ и цвѣтная капуста. Сколько изъ врачей нашего университета спасены отъ крушеній—«краснымъ цыпленкомъ» и «цвѣтной капустой» старика А. И. П—нина, эквилибристика на которыхъ можетъ служить типичнымъ примѣромъ катанія на профессорскихъ «конькахъ».

Смолоду старикъ, повидимому, занимался экспериментами и между прочимъ кормилъ циплятъ мареной, которыхъ за тѣмъ душилъ и кромсалъ.

Послѣ такого кормленія скелетъ одного цыпленка оказался -краснымъ, а это доказывало, что живая кость пропускаетъ чрезъ себя питательные соки.

Конечно, это привело экспериментатора въ телячій восторгъ и означало побѣду науки надъ неизвѣстнымъ.

До послѣдняго издыханія старикъ носился съ этимъ цыпленкомъ и съ «цвѣтной капустой»,—такъ назывался рѣдкій анатомо-патологическій препаратъ, найденный старикомъ при вскрытіи,—какъ съ писанной торбой.

Онъ ихъ описывалъ въ заграничныхъ медицинскихъ журналахъ, показывалъ ихъ всѣмъ посѣтителямъ его кабинета, съ

юношескимъ жаромъ показывалъ и описывалъ ихъ каждому кусу слушателей и считалъ для себя и для науки величайшимъ оскорбленіемъ, если кто изъ его слушателей не зналъ и не видалъ этихъ рѣдкостей.

Они были его гордостью, дороже и милѣе для него дочки Машеньки.

Старикъ долгое время и безсмѣнно былъ деканомъ факультета и студенты часто для потѣхи приводили его въ величайшій гнѣвъ и раздраженіе, но стоило, бывало, напомнить ему о «красномъ цыпленкѣ» или о «цвѣтной капустѣ», въ особенности, назвавъ ее по нѣмецки —Hühnen—Kohlgeschwulst—, какъ старикъ моментально успокаивался, смягчался, мѣнялъ гнѣвъ на милость и тогда можно было брать его голыми руками и дѣлать изъ него, что хочешь.

Благодаря «красному цыпленку» или «цвѣтной капустѣ», на экзаменахъ происходили не рѣдко въ высокой степени комическія сцены.

Подходитъ, напр., къ старику студентъ—буршъ и начинаетъ городить ему невѣроятную чепуху. Старикъ распаляется. Студентъ невозмутимо продолжаетъ врать. Наконецъ профессоръ теряетъ всякое терпѣніе и ставитъ студенту—единицу или двойку, говоря:

— Вы, господинъ студентъ, ничего не знаете!.. Да-съ!

Студентъ корчитъ отчаянную мину и мрачно говоритъ:

— Не правда, г. профессоръ! Я знаю «краснаго пѣтуха» и «цвѣтную капусту»! На Вашей душѣ останутся грѣхи. Прощайте, г. профессоръ! - говоритъ студентъ и медленно шагаетъ изъ аудиторіи.

— Ку-да-же это Вы, г. студентъ? - говоритъ профессоръ нараспѣвъ, испуганно и теребя себя за шишку на лѣвомъ ухѣ.

— Въ прорубь! - отвѣчаетъ студентъ рѣшительно, а «прорубью» на языкѣ буршей назывался одинъ изъ студенческихъ кабаковъ, чего не знали даже многіе студенты.

— За чѣмъ же-съ, г. студентъ?—вскакиваетъ въ страхѣ старикъ и бѣжитъ за студентомъ.

— Постойте-съ... Или что-что?.. Разскажите-съ объ этихъ рѣдкихъ препаратахъ-съ!—теряется старикъ и умоляетъ студента.

— Поздно!.. Рѣшеніе мое безповоротно!—говоритъ трагическимъ тономъ студентъ, мучая профессора.

— Полноте-съ, г. студентъ!.. Или что-что?.. Одумайтесь. Дѣло поправимое-съ... Или что-что-съ!.. Садитесь!»—умоляетъ старикъ студента, усаживаетъ его и ухаживаетъ за нимъ, какъ за «цвѣтной капустой».

Наконецъ буршъ садится, живописалъ «краснаго цыпленка» словами профессора, чѣмъ вновь потѣшалъ публику, получая четверку и отправлялся затѣмъ съ товарищами въ «прорубь».

гдѣ лихо и весело справлялась побѣда молодежью надъ человѣческой глупостью

Конечно, ничего подобнаго съ Груберомъ не бывало, но существо дѣла, несомнѣнно, было тоже.

Всякій студентъ отлично понималъ, что «коньки» Грубера составляли пустяки, исключенія, часто анатомическія, аномаліи, —т. е. ниже, чѣмъ «красный цыпленокъ»,—которыя имъ установлены, создали ему имя, тѣшили его, льстили его самолюбію и студентъ говорилъ себѣ: «На!, возьми отъ меня эти пустяки, какъ взятку, но за то ты не будешь истязать меня на существенномъ, не будешь ставить мнѣ ловушекъ. Ты этими пустяками подкупленъ и обойденъ мной. Думай, что ты великъ этими пустяками, но я-то понимаю, въ чемъ заключается настоящее величіе человѣка!»

«Коньки» эти, несомнѣнно, составляютъ темную сторону преподаванія и объясняются тѣмъ, что въ преподаваніи еще много келейнаго, замкнутаго, себялюбиваго, гдѣ еще могутъ царить Титъ Титычи различныхъ оттѣнковъ и куда еще рѣдко заглядываетъ критика.

* * *

Юпитеръ. Отъ смѣшного до великаго одинъ шагъ и потому перехожу отъ А. И. П—на къ А. И. Ба—хину, который читалъ намъ гистологію, т. е. ученіе о тончайшемъ строеніи тканей организма.

Это былъ большой ученый съ европейской извѣстностью, большой человѣкъ по своему уму, ораторъ, рѣдкій лекторъ,—краса факультета—и человѣкъ страшный своимъ остроуміемъ и сарказмомъ.

Это былъ факультетскій Юпитеръ и его громовъ и молній боялись всѣ.

Старички и всякая бездарность, безмѣрно завидуя его славѣ, но страшась его немилости, кланялись ему въ поясъ, смотрѣли ему въ глаза, какъ виноватыя собаки, пресмыкались передъ нимъ въ его присутствіи, интриговали и подводили подъ него мины изъ-за угла.

Молодые и начинающіе ученые тянулись къ нему, какъ молодые побѣги къ солнцу, согрѣвались его лучами и тоже трепетали, чтобы не попасть въ плевелы, которые онъ могъ засушить и сжечь.

Всякое начальство онъ игнорировалъ, потому—что по природѣ своей самъ былъ—начальство.

Онъ не искалъ никакихъ милостей, ни наградъ.

За это начальство косилось на него, но покарать его гордыню, несмотря на интриги и подкопы почтительныхъ къ начальству старичковъ,—не могло.

Онъ былъ неприкосновененъ, благодаря своей даровитости и славѣ.

Самъ составлялъ гордость начальства и былъ необходимъ ему на случаи парада и показа еще болѣе высшему начальству и знатнымъ иностранцамъ.

Съ студентами онъ былъ сухъ, иногда насмѣшливъ. Не льстилъ имъ и не билъ на популярность.

Входя въ аудиторію, онъ нетолько не раскланивался передъ студентами, какъ это дѣлали нѣкоторые, но даже не смотрѣлъ на студентовъ, а смотрѣлъ поверхъ ихъ куда-то въ пространство, видимо, занятый своими мыслями.

Видъ у него всегда былъ серьезный и суровый. Онъ нетолько никогда не смѣялся въ аудиторіи, но рѣдко даже нехотя улыбался, когда вся аудиторія дрожала отъ неистоваго смѣха на высказанные имъ остроту или сарказмъ, совершенно случайные, невыдуманные, а легко и по наитію срывавшіеся съ языка и неподражаемо освѣщавшіе и закрѣплявшіе въ сознаніи слушателей какую-нибудь остроумную и глубокую мысль или положеніе лектора.

Многимъ казалось, что онъ свысока смотритъ на всѣхъ и на вся, но это дѣлалось у него само собой не вслѣдствіи высокомѣрія и самомнѣнія, а какъ естественное проявленіе большой силы. Онъ смотрѣлъ на все и велъ себя, какъ взрослый между дѣтьми.

Онъ былъ послѣдовательнымъ реалистомъ и чуждъ всякой сентиментальности

Съ внѣшней стороны онъ былъ выше средняго роста, костистъ, плечистъ, съ суровымъ, некрасивымъ, но умнымъ лицомъ, съ длиной, остроконечной бородой, которой бы позавидовалъ любой старообрядческій архіерей, всегда просто и скорѣй небрежно одѣтый

По складу ума, по взглядамъ на вещи и по другимъ внутреннимъ качествамъ, а также частію и по внѣшнему виду онъ походилъ на большого Базарова и могъ бы служить прекраснымъ оригиналомъ для Тургенева.

Онъ имѣлъ даже своего Аркадія Николаевича Кирсанова въ лицѣ своего ассистента А. Ф. Ш—дера, который былъ ему «безъ лести преданъ» и духовно совершенно подчиненъ и надъ которымъ нашъ профессоръ также трунилъ, какъ Базаровъ надъ А. Н.

Была ли у нашего Базарова своя Одинцова, автору не извѣстно, но едва-ли? потому что нашъ профессоръ не любилъ связывать себя чѣмъ-либо.

Лекціи профессора обставлялись и читались имъ образцово и привлекали массу слушателей даже съ другихъ курсовъ и факультетовъ.

Онъ обращалъ наибольшее наше вниманіе на строеніе и функціи нервной и мышечной системъ, въ которыхъ проявляется наивысшая энергія—психическая: чувство, мышленіе и воля

Показывая намъ тончайшую архитектуру этихъ системъ, профессоръ нестолько гонялся за хвостами и ядрами клѣтокъ, нестолько ихъ пересчитывалъ и переписывалъ, сколько старался показать намъ методъ отысканія этихъ органическихъ построекъ.

Онъ старался показать намъ пути, которыми человѣческая мысль подкрадывалась къ открытію этихъ построекъ и проникала въ тайны этого строительства

Въ дѣлѣ изложенія метода и анализа этого метода профессоръ былъ полнымъ хозяиномъ, тонкимъ знатокомъ и говорилъ, какъ власть имущій.

Съ неотразимой логикой, шагъ за шагомъ, необыкновенно ясно и картино онъ разрушалъ старые миражи и иллюзіи, въ которыхъ человѣческая мысль блуждала какъ въ дремучемъ лѣсу тончайшихъ органическихъ насажденій и показывалъ настоящіе и вѣрные пути къ этимъ насажденіямъ и постройкамъ.

Тутъ главнымъ образомъ доставалось многимъ нѣмцамъ, но и многихъ нѣмцевъ онъ превозносилъ, какъ упорныхъ методичныхъ піонеровъ и искателей въ дебряхъ нервной и мышечной системъ.

Онъ не загромождалъ насъ фактами, но училъ наблюдать факты, какъ это долженъ дѣлать натуралистъ, училъ насъ критически къ нимъ относиться, училъ насъ натуралистическому мышленію, связанному съ опытомъ, чему современная средняя школа не только не учитъ, но и удаляетъ отъ этого.

И мы инстинктивно чувствовали, и это соотвѣтствовало нашимъ естественнымъ влеченіямъ, и мы догадывались, что учитель указываетъ намъ вѣрный путь къ познанію природы.

Такимъ способомъ преподаванія учитель невольно покорялъ насъ, привлекалъ къ нему наши сердца и естественно, безъ всякихъ фокусовъ, а только силою своего ума и таланта онъ возвышался въ нашемъ мнѣніи надъ другими преподавателями.

Къ практическимъ занятіямъ и къ экзаменамъ профессоръ относился также своеобразно и что тоже характеризуетъ его крупный умъ.

Все, что онъ читалъ о различныхъ клѣткахъ и волокнахъ, показывалось тѣнью профессора, его ассистентомъ А. Ф. Ш—ромъ на прекрасныхъ препаратахъ и всякій желающій могъ составить по нимъ ясное представленіе о предметахъ, что, главнымъ образомъ, и требуется врачу.

Приготовленіе же препаратовъ составляетъ спеціальность гистологовъ, но не всѣ же студенты готовятъ себя къ этой спеціальности, а потому въ практическихъ занятіяхъ онъ предоставлялъ полную свободу взрослымъ людямъ заниматься безъ всякаго насилія.

Кто-же интересовался гистологіей особенно, тому были предоставлены всѣ нужныя средства и тотъ могъ научиться практической гистологіи.

Экзамены составляли у него пустую формальность.

Онъ видѣлъ и зналъ, что всѣ слушали его съ благоговѣніемъ, незапомнить и не усвоить, что онъ читалъ,- не могли.

Кто же этого не могъ или не хотѣлъ,—а таковыхъ почти не было, - карать ихъ онъ не считалъ для себя возможнымъ, считалъ для преподавателя неприличнымъ и унизительнымъ быть палачомъ своихъ учениковъ, ибо званіе преподавателя онъ считалъ священнымъ.

День экзаменовъ по гистологіи былъ непріятенъ многимъ только тѣмъ, что онъ былъ послѣднимъ офиціальнымъ днемъ общенія съ любимимъ учителемъ.

И вотъ онъ являлся обычно серьезный, суровый, садился и объявлялъ манифестъ.

Это означало, что кто не хотѣлъ канителить, тотъ безъ бою получалъ удовлетворительно и этимъ манифестомъ пользовалось большинство, зная, какъ учитель относится къ экзаменамъ.

Съ меньшинствомъ же, съ тѣми, кто занимался въ году гистологіей специально и кого профессоръ зналъ хорошо, онъ велъ товарищескую серьезную беседу и это опять превращалось въ великолѣпную и заключительную лекцію для всѣхъ слушателей.

* * *

А. И. Ба—хинъ былъ явно блестящимъ преподавателемъ. Онъ горѣлъ, какъ алмазъ

Но у насъ былъ еще хотя невидный, не такой яркій преподаватель, какъ А. И., но онъ былъ насущнымъ хлѣбомъ для немногихъ, кто умѣлъ раскусить его.

Это былъ А. Д. Бу—скій, читавшій намъ физіологическую химію и руководившій занятіями по аналитической химіи.

Авторъ не будетъ распространяться о физіологической химіи. Предметъ этотъ крайне сложный и трудный. Однѣ формула тянулись во всю доску.

Привлечь этотъ предметъ могъ только любителей химіи и для тѣхъ лекцій А. Д. были интересны и отличались своей дѣловитостью и толковостью. Но не въ этомъ дѣло.

Заслуга А. Д. выражалась въ его руководительствѣ занятіями аналитической химіей. Тутъ онъ былъ чрезвычайно полезенъ и артистически ставилъ опытъ.

Съ величайшей охотой и готовностью, чрезвычайно мягко и деликатно, несмотря на внѣшнюю суровость, онъ училъ своихъ учениковъ, желающихъ учиться,—производить анализъ, старался разъяснить смыслъ явленій, ихъ закономѣрность и легко

улавливалъ склонности и затрудненія своихъ учениковъ, которые серьезно относились къ дѣлу.

Какимъ-то чутьемъ онъ улавливалъ мысли студента, въ чемъ, вѣроятно, ему помогали любовь его къ дѣлу и къ молодой мысли студента, инстинктивно стремящейся освободиться отъ схоластическихъ путъ, въ которыхъ она находилась въ средней школѣ.

Всегда онъ удачно и во время, скромно и незамѣтно подходилъ къ такому студенту, деликатно распрашивалъ о его затрудненіяхъ и путемъ систематическихъ вопросовъ направлялъ мысль студента на вѣрный путь, помогалъ ему производить опытъ, дѣлать изъ этого опыта умозаключенія и пріучалъ его такимъ образомъ къ опытному мышленію, заставляя его строго держаться объективныхъ фактовъ, подавляя фантастическій вымыселъ, не позволяя мысли разбрасываться по сторонамъ и дрессируя такимъ способомъ мысль въ точномъ наблюденіи.

Учитель пояснялъ, что смыслъ занятій аналитической химіей заключается не въ томъ, чтобы перепробывать всѣ растворы въ положенномъ числѣ банокъ и найти въ нихъ путемъ реактивовъ скрытые химическіе элементы, а въ томъ, чтобы путемъ этихъ реактивовъ получить наглядные факты, замѣтить последовательность и постоянство появленія этихъ фактовъ, наглядно увидѣть и убѣдиться, какъ такимъ способомъ выражаются законы природы извѣстнаго порядка, въ чемъ химія даетъ самыя убѣдительныя и очевидныя доказательства.

Учитель училъ, что аналитическая химія, помимо своего спеціальнаго назначенія, имѣетъ для всякаго натуралиста еще большее значеніе, какъ нагляднѣйшій общеобразовательный предметъ, формирующій строгую дисциплину ума, безъ которой натуралистъ не мыслимъ.

Въ такомъ трактованіи аналитической химіи заключается великая заслуга А. Д.

* * *

Отъ свѣта перехожу къ тѣнямъ. Ихъ было столько, что онѣ составляли фонъ жизни. Тѣмъ ярче свѣтили свѣтильники и позволяли яснѣе различать тѣни, изъ которыхъ самой мрачной и уродливой представлялся-- фармакологъ.

* * *

Центральблятный ученый.

Онъ былъ бурсакъ стараго закала. Когда родился Помяловскій бурсака могли уже драть «на воздусѣхъ», если только онъ не принадлежалъ къ «благонравнымъ и преуспѣвающимъ», но во всякомъ случаѣ онъ видѣлъ эти экзекуціи, испыталъ холодъ, голодъ, зубрилъ: «Стыдъ и срамъ ...», испыталъ униженія, испыталъ, какъ систематически въ бурсѣ подавлялись личность, все самостоятельное, живое, оригинальное, какъ все приводилось къ од-

ному знаменателю, какъ во всемъ и надъ всѣмъ царилъ деспотизмъ, произволъ и косность.

Права не было..

Но въ такомъ случаѣ жизнь хитритъ, держится раболѣпіемъ, ложью, фарисействомъ.

Существовала цѣлая іерархія раболѣпства; господствовалъ византіизмъ...

Ректоръ раболѣпствовалъ и лгалъ передъ своимъ начальствомъ; инспекторъ раболѣпствовалъ передъ ректоромъ; учителя раболѣпствовали передъ инспекторомъ; ученики лгали — учителямъ.

И всѣ чувствовали гнетъ, ожесточались, не довѣряли другъ-другу, ненавидѣли другъ-друга, шпіонили другъ за другомъ, рыли другъ-другу яму.

Дѣйствовали врозь и въ разсыпную и противъ системы сдѣлать ничего не могли. Она была всемогуща и засасывала людей, какъ топкое болото.

Средній человѣкъ не могъ выскочить изъ него и чтобы существовать долженъ былъ подчиняться правиламъ и требованіямъ этого болота и при перемѣнѣ положенія долженъ былъ перемѣнить и свое поведеніе соотвѣтственно новому положенію.

Сегодня угнетаемый учитель, сдѣлавшись завтра инспекторомъ, начиналъ угнетать учителей.

Этого требовала во-первыхъ система, а во вторыхъ таившееся и скоплявшееся многіе годы раздраженіе и напряженіе въ нервной системѣ при первой же возможности роковымъ образомъ разряжаются злыми отвѣтными движеніями. Тутъ дѣлается то же, что съ отпущенной пружиной: она бьетъ и разбиваетъ окружающее

Это составляетъ естественное явленіе и порядокъ вещей для средняго живого существа.

Бывшій рабъ при измѣнившихся условіяхъ обыкновенно дѣлается деспотомъ и считаетъ такое превращеніе естественнымъ и нормальнымъ.

Нашъ бурсакъ, не обладая оригинальностью, пропитавшись до мозга костей бурсой, остался и въ университетѣ бурсакомъ, хотя и старался сбросить съ себя внѣшняго «ветхаго человѣка», что однако, большинству бурсаковъ было также трудно, какъ сбросить кожу.

Онъ былъ грубъ, неотесанъ, неуклюжъ, угловатъ, странно жестикулировалъ, во время раздраженія перекашивалъ и передергивалъ плечи и, вѣроятно, невольно подражалъ во всемъ этомъ своимъ бурсацкимъ педагогамъ, что у тѣхъ считалось необходимой принадлежностью необыкновенной учености и премудрости.

Достигнувъ положенія профессора, — превратившись изъ грязи въ князи, — нашъ бурсакъ не могъ не сдѣлаться деспотомъ,

не могъ не возгордиться, не могъ не проникнуться высомѣріемъ и самомнѣніемъ и это сквозило во всемъ.

Въ аудиторію онъ входилъ важно, съ высоко поднятой головой, какъ первосвященникъ, предшествуемый клиромъ, который несъ жертвенныхъ животныхъ, жертвенныя орудія для истязанія живого существа.

Начиналось облаченіе. Его одѣвали въ какой-то клеенчатый кожухъ; ему завязывали поручни. Онъ садился въ особое кресло, приспособленное, будто-бы, противъ геморроя и начиналось священнодѣйствіе.

Прежде всего бурсакъ сморкался громко, по-генеральски и по всѣмъ правиламъ искусства, очистивъ сначала одну ноздрю, потомъ другую, какъ совѣтуетъ Меньшиковъ. Жертвенная собака при этомъ съ испугу иногда визжала, а кроликъ пищалъ.

Затѣмъ первосвященникъ собственноручно и основательно и долго расправлялъ свою рѣдкую бороду, откашливался, какъ пономарь и начиналъ: «Прошлый разъ мы показали вамъ дѣйствіе такого-то средства на нервный аппаратъ сердца собаки, но въ послѣднемъ № Centralblat'a.» и т. д.

Бурсакъ, желая блеснуть передъ невѣжественными студентами своей ученостью и рѣдкой начитанностью, постоянно ссылался на послѣдній № этой тощей нѣмецкой медицинской газетки а уснащалъ ею безъ всякой критики свои лекціи и свое руководство, за что и прозванъ былъ А. И. Ба хинымъ *«центральблятнымъ ученымъ»*.

Манера читать лекціи у бурсака была особенная. Для пущей важности, онъ какъ-то цѣдилъ слова, произносилъ ихъ чрезъ часъ по чайной ложкѣ, какъ будто они составляли бездну премудрости или откровеніе свыше, старался выражаться помудренѣе, ученѣе и для этого втискивалъ въ русскую рѣчь нѣмецкіе обороты, переводилъ нѣмецкія фразы подстрочно.

Подъ конецъ лекціи ученый уже не говорилъ, а скрипѣлъ, какъ надтреснутое дерево и часто ранѣе срока оставлялъ аудиторію, какъ бы отъ изнеможенія отъ чрезмѣрно просыпаннаго своего ученаго бисера передъ свиньями; на самомъ же дѣлѣ бѣжалъ отъ опытовъ, которые ему рѣдко удавались, предоставивъ истязаніе животныхъ своему ассистенту, полуслѣпому «Тютьку» и которому студенты часто говорили: «Брось, не мучь животныхъ зря: все поняли!» и быстро расходились изъ аудиторіи, чтобы не смотрѣть на злодѣйство.

Всю эту безобразную комедію студенты понимали въ совершенствѣ и въ развитіе характеристики бурсака данной ему А. И. Ба хинымъ, называли бурсака старой дешевой кокоткой и того хуже, которая часто ломается, кривляется, картавитъ, коверкаетъ русскую рѣчь по дѣтски, чтобы казаться моложе, а бурсакъ это дѣлалъ, чтобы казаться ученѣй и воображалъ вслѣд-

ствіе непомѣрнаго своего самомнѣнія, что никто не понимаетъ его лицедѣйства и скоморошества

По той же причинѣ бурсакъ смаковалъ свою рѣчь, любовался своимъ кривляніемъ, какъ проявленіемъ своего дутаго величія.

Онъ обожалъ самого себя, поклонялся самому себѣ и требовалъ поклоненія себѣ отъ другихъ И горе было тѣмъ студентамъ, которые не поклонялись ему, а смѣялись надъ его скоморошествомъ!

Во время экзаменовъ бурсакъ проявлялъ во всей красѣ свою бурсацкую душу, бурсацкій деспотизмъ раба, сорвавшагося съ цѣпи.

На экзаменахъ онъ обращался со студентами, какъ варваръ съ побѣжденными. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ давалъ чувствовать студентамъ, что они въ полной его власти, что онъ можетъ ихъ «съ кашей ѣсть и масло изъ нихъ пахтать», можетъ карать и миловать по капризу.

Въ его чтеніяхъ формакологія, хотя и прикладная физіологія, оказывалась наукой крайне сложной и запутанной. Онъ запутывалъ ее, можетъ быть, даже умышленно Centralblat'омъ и приводилъ изъ него массу противорѣчивыхъ мнѣній по одному и тому-же вопросу различныхъ ученыхъ, безъ всякой системѣ и порядка, чтобы показать свою необыкновенную начитанность, которая по рутинѣ считалась признакомъ высшей учености и что не безъ основанія считалъ А. И. Ба—хинъ признакомъ бездарности ученаго, который не умѣлъ разобраться въ противорѣчіяхъ, не умѣлъ брать быка за рога, и чѣмъ доказывалъ свою духовную нищету,—а не ученость.

Одолѣть и повторить во время экзаменовъ объемистую неразбериху, которую успѣвалъ прочитывать бурсакъ, не было физической возможности Понять и усвоить ее составляло праздное мечтаніе Ее можно было только зубрить, какъ лексиконъ, какъ «стыдъ и срамъ...».

Все это давало бурсаку полную возможность куражиться, издѣваться и помыкать студентами по своему капризу, по своей прихоти, чѣмъ онъ широко пользовался и поступалъ, какъ ученый Титъ Титычъ.

То онъ подъ рядъ ставилъ нѣсколькимъ студентамъ пятерки, приведя себя въ хорошее настроеніе основательной чисткой носа,—то, видя приближеніе адмиральскаго часа, возбуждалъ въ себѣ «аппетитный сокъ» пикантными для него единицами,—то, послѣ сытнаго завтрака, чувствуя отяжелѣніе и естественную наклонность къ покойному пищеваренію, въ обидной формѣ объявлялъ манифестъ на тройки и рискованно было отказаться отъ этой унизительной милости, и кто не принималъ ее, то одного на глазахъ товарищей тотчасъ же вытягивалъ въ ленту, обмусоливалъ и проглатывалъ, какъ удавъ кролика и непосред-

ственно за симъ же другому ставилъ пятерку, ехидно прибавляя: «это за отвагу».

Помочь этому злу могла только гласность, но не скандалъ, какъ говорили нѣкоторые въ раздраженіи, потому что зло заключалось въ основаніяхъ всей системы преподаванія

* * *

Этотъ бурсакъ, воплощая въ себѣ, можетъ быть, безсознательно, но очень ярко всѣ отрицательныя стороны тогдашней факультетской жизни, не могъ не быть лидеромъ и коноводомъ всего отсталаго и рутиннаго въ факультетѣ. Мрачное вліяніе бурсака выражалось во многомъ и, въ особенности, онъ оказался большимъ мастеромъ въ каверзахъ, чему благопріятствовала тогдашняя факультетская жизнь.

* * *

Ученые каверзники.

Факультетъ стоялъ тогда далеко отъ жизни По крайней мѣрѣ, для многихъ это составляло даже необходимое условіе личнаго спокойствія и благоденствія.

Многихъ интересовали только личные, служебные и научные успѣхи свои и успѣхи товарищей и кто перегонялъ, тотъ возбуждалъ въ другихъ зависть и недоброжелательство.

Ученые, какъ и литераторы, въ особенности, чувствительны и завистливы къ ученымъ и литературнымъ успѣхамъ товарищей и это имѣетъ свою психологію.

Ученый, открывшій пустякъ, воображаетъ уже, что его открытіе лучше и важнѣе другихъ, какъ всякая мать склонна считать своихъ дѣтей лучше другихъ, завидуетъ успѣхамъ другихъ и злорадствуетъ ихъ неудачамъ

«Красный пѣтухъ» П—на такъ поднялъ его самомнѣніе, что онъ ошалѣлъ и считалъ себя способнымъ вести факультетскую терапевтическую клинику, вмѣсто Захарьина, чѣмъ вызвалъ въ свое время извѣстную П—нинскую исторію, испортивъ жизнь многихъ студентовъ.

Ученые успѣхи товарищей наносятъ тяжелыя раны вздутому самолюбію другихъ и вызываютъ въ послѣднихъ муки зависти, сродныя ревности. Чувство зависти не выносимо для многихъ.

Нашъ бурсакъ влюбленый въ самого себя, боготворившій самого себя, поклонявшійся самому себѣ, конечно, не могъ выносить тѣхъ, кто считался выше его.

При нѣкоторыхъ именахъ онъ зеленѣлъ и искривлялся, какъ демонъ, злословилъ и тогда уже не скрипѣлъ, а говорилъ яростно, ядовито, что ему удавалось не дурно

Какъ рожденный .., у котораго по мѣткой русской пословицы: «Глаза завидущи, а руки загребущи;—онъ впадалъ тогда въ изступленіе и громилъ направо и налѣво.

Конечно, этотъ азартъ, это изступленіе Бурсака привлекали къ нему другія раненыя сердца, формировали вокругъ него скопъ и ставили его въ первую линію.

* * *

Ученые успѣхи товарищей многимъ недавали спать. Зависть и уязвленная гордость, какъ чувства невысокія и неразборчивыя требовали удовлетворенія и опытъ вѣковъ показалъ, что въ подобныхъ случаяхъ цѣль достигается удовлетворительно софизмами, передержками, инсинуаціями, игрой на человѣческой глупости и предразсудкахъ, хотя въ сущности дѣло сводится къ самообману и, главнымъ образомъ, къ обману публики, погрязшей въ предразсудкахъ.

Талантливый трудъ подвергался осмѣянію, чтобы умалить, развѣнчать автора, если ужъ не унизить, то поставить его въ общій уровень въ глазахъ общества. Въ этомъ заключалась главная задача травли ученаго— учеными.

Такъ какъ сущность труда часто бываетъ недоступна для рядовой публики, то она благоразумно обходилась и осмѣяніе касалось внѣшнихъ сторонъ труда, что несравненно легче для завистниковъ и понятнѣе для публики.

Если ученый трудъ былъ написанъ яснымъ и популярнымъ языкомъ, то осмѣяніе и оплеваніе автора упрощалось до чрезвычайности: стоило только сказать, *что трудъ написанъ фельетонно* и авторъ сразу сбивался съ пьедестала.

Тогда и самый трудъ среди публики, даже дипломированной, но привыкшей жить чужими мыслями безъ критики и повторять чужія слова почти также, какъ это дѣлаетъ попугай — прослыветъ за фельетонъ, который вслѣдствіе закоснѣлаго предразсудка и привычнаго человѣческаго недомыслія считается чѣмъто предосудительнымъ, тогда — какъ въ дѣйствительности даже глупый фельетонъ всегда умнѣе серьезной глупости.

Умный же фельетонъ нисколько не ниже другого литературнаго труда и имѣетъ въ настоящее время и будетъ имѣть въ будущемъ огромное общественное значеніе и его не гнушались такіе крупные писатели, какъ Гейне, Берне и др.

Чтобы написать научный фельетонъ о «красномъ пѣтухѣ» помимо знанія непремѣнно требуется еще литературный талантъ и природное остроуміе, тогда какъ чтобы описать «краснаго пѣтуха» научно ничего не требуется кромѣ усердія и усидчивости.

Это можетъ сдѣлать любой ученый труженикъ, обладающій канцелярскимъ слогомъ или дубовымъ нѣмецкимъ слогомъ, на которомъ къ несчастію русскіе заурядные ученые воспитаны и къ которому давно привыкли.

Нѣмецкая тяжеловѣсность, дубоватость и неясность языка считались и до сихъ поръ считаются необходимой принадлежностью учености и серьезности труда и этотъ взглядъ на на-

учныя работы издавна также усвоила дипломированная публика, и шаблонно, и безъ критики проводитъ его въ жизни.

Русская дипломированная публика, привыкшая къ тяжеловѣсности нѣмецкой мысли и языка, часто забываетъ, что даровитые французскіе, а теперь даже и англійскіе ученые ставятъ себѣ въ обязанность писать популярнымъ ясным, а гдѣ полезно, то и остроумнымъ языкомъ.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ можетъ читать и понимать каждый грамотный человѣкъ.

У насъ же это считается чуть не преступленіемъ и назвать трудъ фельетономъ, показавъ въ немъ легковѣсность языка, значить провалить автора вмѣстѣ съ его трудомъ.

Этой человѣческой глупостью и нелѣпымъ предразсудкомъ искустно пользовался, на радость своихъ единомышленниковъ, въ травлѣ ученыхъ нашъ бурсакъ. Да и не только онъ! На этой человѣческой глупости играли ученые и въ другихъ мѣстахъ.

Автору замѣтокъ извѣстенъ одинъ талантливый русскій ученый, который въ свое время гремѣлъ на всю Россію своей блестящей и остроумной популяризаціей знанія, внесъ въ общественную жизнь много полезнаго по своей спеціальности и возбудилъ къ ней въ обществѣ большой интересъ.

Однако это возбудило къ ученому неимовѣрную зависть и злобу товарищей спеціалистовъ и они, только распубликовавъ его фельетонистомъ знанія, быстро и легко обезславили его, подорвали его авторитетъ въ обществѣ, затравили и затерли его, —а теперь замалчиваютъ его труды.

Также поступили въ свое время нѣмецкіе философы съ Шопенгауэромъ, —съ этимъ блестящимъ, яснымъ и остроумнымъ философомъ.

За это товарищи возненавидѣли его и примѣнили къ нему систему замалчиванія и удовлетворительно достигли цѣли.

При жизни Шопенгауэръ былъ мало извѣстенъ,—но оцѣненъ и высоко оцѣненъ только по смерти.

Онъ, конечно, тонко понималъ всю низость своихъ коллегъ и отвѣтилъ имъ презрѣніемъ, говоря: «Для меня легче если черви будутъ ѣсть мое тѣло, чѣмъ если профессора станутъ грызть мою философію».

Такимъ образомъ, ученая коллегія—въ массѣ, несмотря на высокое свое положеніе и призваніе служить «свѣточемъ міру», быть «солью земли», всюду жила во взаимныхъ отношеніяхъ по принципу: «Homo homini—lupus» и была въ нравственномъ смыслѣ нисколько не выше тѣхъ нашихъ мужиковъ, которые недавно, поджигая и разоряя своихъ зажиточныхъ сосѣдей, говорили: «Мы—рвань, пусть рванью будутъ и остальные».

* * *

Хаосъ. Былъ еще у насъ преподаватель, мнѣнія о которомъ расходились діаметрально противуположно. Одни считали его свѣтлымъ, другие наоборотъ—темнымъ тѣломъ въ нашей университетской системѣ. Это былъ—нашъ терапевтъ.

По своему уму и таланту и по своему положенію онъ могъ бы занимать первое мѣсто среди преподавателей, но, повидимому, не былъ понятъ и остался въ современномъ ему обществѣ неразгаданной загадкой.

Достоинства и недостатки перемѣшивались въ немъ въ странномъ хаотическомъ безпорядкѣ.

Говоря о достоинствахъ нашего терапевта, прежде всего надо оттѣнить, что онъ былъ прирожденный врачъ-цѣлитель, что представляетъ собою нѣчто особенное, индивидуальное.

Врачъ-цѣлитель, какъ художникъ и поэтъ—родится, а не дѣлается.

Можно знать медицину теоретически въ возможномъ совершенствѣ и въ то же время быть плохимъ цѣлителемъ точно также, какъ можно знать хорошо теорію музыки и быть плохимъ исполнителемъ.

Это зависитъ отъ того, что медицина въ области леченія, —по словамъ С. П. Б—кина, безпристрастію котораго можно вѣрить безусловно,—относится *къ искусствамъ*, гдѣ творчество и совершенство опредѣляются и зависятъ отъ наитія,—интуиціи,—отъ явленій, хотя и непонятныхъ, но отрицать которыхъ, какъ фактъ,—нельзя.

Нашъ терапевтъ—цѣлитель былъ именно такимъ избранникомъ и любимцемъ природы. Въ дѣлѣ леченія, помимо несомнѣнныхъ его знаній, онъ часто руководствовался очевиднымъ и непонятнымъ наитіемъ.

Часто онъ говорилъ намъ: передъ вами такая-то болѣзнь. При ней назначаются такія-то средства, оказавшіяся на опытѣ полезными, но изъ нихъ въ данномъ случаѣ мы назначимъ «то-то» и это «то-то» помогало, тогда—какъ въ рукахъ его учениковъ при сходныхъ условіяхъ это—«то-то» не помогало.

Очевидно, что сходство въ этихъ условіяхъ было только видимое, ибо различныя реакціи организмовъ къ одинаковымъ средствамъ, назначаемымъ при видимо сходныхъ условіяхъ, даютъ право думать, что въ этихъ условіяхъ были еще невидимые, несходные элементы, составляющіе тонкую индивидуальность различныхъ организмовъ, постигавшуюся нашимъ терапевтомъ даже ему непонятнымъ способомъ, что онъ называлъ неопредѣленнымъ словомъ—*опытъ* и что, очевидно, составляло его *наитіе*, характеризующее рѣдкую и тонкую особенность его дарованія.

Была близкая аналогія въ способахъ назначенія леченія нашимъ терапевтомъ съ дѣйствіями даровитаго художника, который также, не отдавая себѣ отчета, пользуется одинаковыми

съ рядовыми художниками—красками, дающими первому художественное произведение, а послѣднимъ мазню, хотя, можетъ быть, послѣдніе знаютъ краски и лучше, чѣмъ первый

Помимо этого основного дара нашъ терапевтъ обладалъ тонкой наблюдательностью. Отъ его взора не ускользала ни одна мелочь, но это не мѣшало ему быстро разбираться въ явленіяхъ и отличать существенное отъ несущественнаго.

Онъ самъ любилъ и любилъ другихъ учить классифицировать явленія по степени ихъ важности Какъ въ ординаторахъ, такъ и въ слушателяхъ онъ дорожилъ способностью не путаться въ пустякахъ и всегда раздражался, когда видѣлъ иное

Какъ лекторъ онъ былъ также художникъ Рѣчь его отличалась сжатостью. Говорилъ онъ мѣтко, картинно, часто остро, но къ мѣсту и безискусственно. Любилъ освѣщать свою мысль яркими примѣрами, схваченными прямо изъ жизни

Его аудиторія всегда была переполнена слушателями и всѣ слушали его съ захватывающимъ интересомъ Онъ никогда не импровизировалъ лекцій, но они всегда были глубоко продуманы, отличались практическимъ характеромъ.

Онъ не терпѣлъ теоретическихъ разглагольствованій, избѣгалъ спорныхъ вопросовъ, сообщалъ только строго установленное клиническимъ наблюденіемъ, въ особенности, что касалось дѣйствія лекарствъ, рѣзко заявлялъ, что «собачья» физіологія, какъ называлъ онъ фармакологію,— не указъ клиникѣ и безъ клиническаго подтвержденія ничего для нея не стоитъ.

Онъ училъ насъ не гоняться особенно за новыми средствами безъ клинической провѣрки солидными терапевтами, клеймя даже обиліе новыхъ средствъ гешефтмахерствомъ дрогистовъ и другихъ пріобрѣтателей.

Онъ училъ насъ практическимъ пріемамъ въ назначеніи леченія. Онъ совѣтывалъ намъ дѣлать эти назначенія всегда точно и опредѣленно безъ всякихъ колебаній и оговорокъ, выкинуть изъ обихода слово «возможно», а говорить всегда «должно», чтобы не заронить въ душу больного сомнѣнія, совѣтывалъ поддерживать въ немъ всегда бодрое настроеніе, надежду и вѣру въ леченіе.

Онъ вѣровалъ въ несомнѣнное вліяніе человѣческаго духа на человѣческое тѣло и придавалъ огромное значеніе правильному режиму больного, упорядоченіе котораго ставилъ въ непремѣнную обязанность врачу, считая правильный режимъ важнѣйшимъ условіемъ успѣха леченія.

Какъ преподаватель практической медицины онъ былъ неподражаемъ и незамѣнимъ

* * *

Насколько были ярки и привлекательны свѣтлыя стороны нашего терапевта, настолько же были странны и своеобразны

другія его стороны, обойдти которыя къ сожаланію нельзя, такъ какъ онѣ оставили извѣстный слѣдъ въ обществѣ

При всей своей даровитости нашъ терапевтъ былъ нервенъ, раздражителенъ, капризенъ и причудливъ, какъ истерическая женщина. Говорятъ даже, что въ пылу раздраженій съ нимъ бывали какіе-то припадки.

Можетъ быть, онъ былъ дегенерантомъ высшаго порядка, что не мѣшаетъ однако такимъ людямъ играть выдающуюся роль, вносить въ окружающую жизнь оригинальное, часто мятежное, нарушающее золотую середину и застой жизни, гдѣ они бываютъ часто ферментомъ.

Онъ былъ грозой въ своей семьѣ, среди ординаторовъ, среди болтливыхъ барынь и купчихъ и иногда среди больныхъ. Всѣ остерегались его, какъ бомбы, заряженной чрезвычайно взрывчатымъ веществомъ.

Несомнѣнно, что все это усугублялось и распущенностью, созданной въ немъ его успѣхомъ и удачами въ жизни и тамъ, гдѣ онъ ожидалъ сильнаго противодѣйствія и отпора и гдѣ ему было выгодно, онъ бывалъ сдержанъ, терпѣливъ и обворожителенъ. Съ высокопоставленными лицами которые могли облагодѣтельствовать его чинами и орденами и почему-то съ тудентами онъ велъ себя отмѣнно хорошо и корректно

Своихъ же ординаторовъ публично бранилъ дураками, стучалъ на нихъ палкой, что бывало, положимъ, и подѣломъ, но удовлетворялъ ихъ потомъ въ гражданскомъ порядкѣ, давая имъ за оскорбленіе на словахъ богатую практику, что, повидимому, ихъ совершенно успокаивало.

Несомнѣнно, они были незвыскательны, покладисты и принадлежали къ тому счастливому типу людей, для которыхъ «брань на вороту не виснетъ» и «стыдъ—не дымъ, глаза не ѣстъ». Было бы только сытно; но всетаки они трепетали передъ нимъ и боялись его какъ огня

Не легко было ихъ положеніе, какъ въ кабинетѣ,—въ этомъ логовищѣ льва, такъ и въ аудиторіи, гдѣ студенты держали его на цѣпи.

Бывало, блѣдные или зеленые стоятъ ординаторы у дверей аудиторіи, переполненной слушателями, смотрятъ въ окно и ждутъ пріѣзда своего владыки со страхомъ и трепетомъ.

Обыкновенно, левъ подъѣзжалъ къ клиникѣ на старой и смирной кобылѣ, чтобы не разнесла и не растрясла его. Тогда между прислугой, фельдшерами и ординаторами сначала подымалось общее смятеніе.

Ординаторъ Ч—овъ,—очень напоминавшій собой «молодца» изъ ножевой линіи старавшійся подражать хозяину въ его жестахъ, въ манерѣ говорить и держаться и возведенный впослѣдствіи хозяиномъ, вѣроятно, за усердіе и долготерпѣніе въ профессора провинціальнаго университета,—всегда при этомъ вскри-

кивалъ глухимъ, сдавленнымъ отъ волненія голосомъ: «Идетъ! Тише!»

И вотъ съ шумомъ и настежъ открывались входныя двери и двери аудиторіи, и всѣ подвластные вытягивались въ струнку, и левъ высокій, хмурый и грозный, въ поношеной шубѣ, въ поношенной шапкѣ, въ дорожныхъ валеныхъ сапогахъ, грузно и медленно, стуча палкой и опираясь на нее, продвигался въ кабинетъ, откуда иногда слышались отдаленные раскаты львинаго рыканія, въ чемъ нѣкоторые умѣли различать: или распеканіе служителей за неумѣлое раздѣваніе льва или разносъ ординаторовъ.

Въ аудиторію же, на лекцію левъ являлся всегда спокойнымъ, иногда съ веселымъ лицомъ, съ яснымъ челомъ, садился въ кресло непремѣнно съ рѣшетчатымъ сидѣньемъ и непремѣнно возлѣ небольшаго круглаго столика, облакачивался на него и начиналъ блестящую лекцію. Рѣчь лилась ровнымъ потокомъ необыкновеннаго дарованія.

Только иногда вдругъ лицо оратора омрачалось. Это означало, что онъ замѣтилъ, какъ студенты въ первомъ ряду стульевъ болтаютъ ногами. Тогда ораторъ останавливался, откидывался на спинку кресла, скрещивалъ руки на груди и произносилъ взволнованнымъ тономъ: «не могу!.. Не выношу!. Прошу васъ, гг. не качайте ногами»! и гг. тотчасъ же прекращали свое легкомысленное занятіе, такъ безпокоившее высокаго оратора.

Затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, лекція продолжалась также блестяще, какъ прежде.

Еще одно обстоятельство сильно возмущало на лекціи даровитаго профессора, когда лѣнивый, а еще болѣе когда безталанный студентъ читалъ исторію болѣзни нескладно и главное не по плану профессора написанную. Это коробило и передергивало преподавателя.

Слушателямъ видно было, что ему стоило невѣроятныхъ усилій сдерживать себя и не обрушивать свои громы на студента и, тогда, махнувъ только на послѣдняго рукой, онъ набрасывался на ординатора и разноситъ его въ дребезги за какія нибудь по данному случаю упущенія. Тутъ онъ «свѣжевалъ» и раздѣлывалъ» ординатора, какъ мясникъ тушу и взрывалъ себя, какъ бомбу.

Въ этомъ только выражалось чрезмѣрная раздражительность и нездержанность преподавателя въ присутствіи своихъ учениковъ, которыхъ онъ, повидимому, щадилъ.

Но за то совершенно распускался среди болтливыхъ дамъ и въ особенности капризничалъ и чудилъ среди именитаго купечества.

Онъ тонко зналъ купеческую душу, укладъ купеческой жизни, умѣлъ говорить съ замоскворѣцкими купчихами не хуже Островскаго. Говорятъ, онъ зналъ наизусть биржевую стои-

мость тузовъ московскаго коммерческаго міра, зналъ, какъ ихъ зовутъ, какъ по отечеству величаютъ и соотвѣтственно биржевой цѣнѣ каждаго возвышалъ и себѣ цѣну въ случаѣ купеческой въ немъ надобности. Говорятъ, онъ велъ дѣла съ финансистами, былъ самъ финансистъ и игралъ на биржѣ не хуже дѣльнаго биржевика.

Онъ любилъ деньгу, цѣнилъ деньгу, видѣлъ въ ней огромную реальную силу и, не будучи марксистомъ, видѣлъ въ капиталѣ кристаллизованный трудъ человѣка и старался загребать капиталъ въ свои руки, чтобы чувствовать себя сильнѣе и самостоятельнѣе среди окружающаго его общества, хотя сравнительно съ купцами и фабрикантами ему перепадали только крохи и эти крохи становились ему поперекъ горла, безславили его, какъ врача, отъ котораго русское общество по установившемуся издревле обычаю требуетъ безсребренничества.

Но нашъ терапевтъ, благодаря своей сильной индивидуальности, благодаря врожденному нитцшеянству становился въ разрѣзъ съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ, считалъ его предразсудкомъ, странной сентиментальностью, даже насиліемъ надъ личностью, предъявленіемъ со стороны общества сверхмѣрныхъ требованій къ отдѣльной личности, чего нигдѣ въ культурныхъ государствахъ уже не наблюдается.

Своимъ примѣромъ, рѣзко и дерзко онъ бросилъ вызовъ главнымъ образомъ интеллигентному обществу и требовалъ отъ него признать во врачѣ только представителя извѣстнаго труда, а не филантропа, какъ смотрѣло на врача интеллигентное общество и къ тому же этотъ филантропъ долженъ былъ безпрекословно исполнять всѣ капризы общества, убѣждаясь въ то же время ежедневно и ежечасно, *что то же общество смотритъ на врача, какъ на своего безотвѣтнаго холопа, и бросаетъ врача, какъ негодную тряпку, когда онъ становится безсиленъ и немощенъ, полагая, что оно совершенно исполнило по отношенію къ врачу свой долгъ, подавая врачу гроши, какъ нищему въ руку*

Нашъ терапевтъ первый въ Москвѣ возсталъ съ свойственной ему рѣзкостью и натискомъ противъ такого холопства и унизительнаго положенія врача.

Оно возмутило его гордую и сильную душу и онъ объявилъ безпощадную войну обществу, закоснѣлому въ своихъ предразсудкахъ.

Онъ бросился въ бой съ азартомъ, сталъ ломать и разрушать рутину свирѣпо, мстить обществу зло: —око за око, но въ азартной борьбѣ потерялъ чувство мѣры, зарвался, пересолилъ и сталъ въ свою очередь превращать общество въ своего холопа.

Эта борьба нашего терапевта съ общественными предразсудками носила чисто партизанскій характеръ. Онъ дерзко и смѣло выступилъ противъ всего общества—*одинъ* и только потомъ помогали ему его «молодцы», слѣпо ему подчиненные.

Эта борьба велась въ такихъ своеобразныхъ формахъ, что она въ концѣ концовъ приняла видъ легендарный.*) *Про нее передаютъ чудовищныя вещи.*

Говорятъ, что помимо высокой таксы, недоступной бѣднымъ и введенной нашимъ терапевтомъ въ Россіи впервые, чѣмъ онъ объявилъ, что онъ не филантропъ, а представитель утонченнаго и дорогого труда, которымъ не всѣ могутъ пользоваться, что противоположное требованіе — нелѣпо и не соотвѣтствуетъ теперешнимъ дѣйствительнымъ отношеніямъ жизни, — что помимо этого въ пріемной нашего терапевта царилъ особый чинъ, какъ въ строгомъ скиту.

Всѣ ходили тамъ на цыпочкахъ, говорили шопотомъ, запрещалось даже чихать, сморкаться, кашлять и предлагалось больнымъ уходить для этихъ операцій въ отдаленную переднюю.

За всѣмъ этимъ строго слѣдили образцово вышколенные «молодцы», чтобы не нарушить драгоцѣнный покой и стройность мышленія великаго цѣлителя для пользы тѣхъ же больныхъ, ожидающихъ чудеснаго изцѣленія.

Всѣмъ съ благоговѣніемъ внушалось, что тамъ - въ кабинетѣ, за толстыми дверями, закрытыми толстой занавѣской, совершаются великія таинства и чудеса, откуда однако слышались иногда взрывы яростнаго гнѣва цѣлителя, возмущеннаго неугомонной болтовней какой нибудь дамы или непозволительнымъ качаніемъ ногъ какого-либо кавалера или неудачнымъ отвѣтомъ ординатора и недостаточнымъ присмотромъ за своимъ паціентомъ.

Побочно эти кабинетскіе скандалы внушали, конечно, спасительный страхъ и ожидающимъ своей очереди.

Изслѣдованіе больного всегда было длинное и утомительное. Все равно, нужно оно было или не нужно и больной выходилъ изъ святилища потныи, какъ изъ бани. Производилось оно всегда съ необыкновенной серьезностью, методичностью, всегда по опредѣленному плану и производило впечатлѣніе, дѣйствительно, какого-то священнодѣйствія или таинства.

Эта процедура, какъ своего рода культъ, всегда поражала какъ необразованнаго, такъ и образованнаго паціента, возвышала въ его мнѣніи великаго врача — цѣлителя, поселяла въ его паціентахъ безграничное къ нему довѣріе.

Въ сущности говоря, эта процедура составляла косвенное внушеніе, чѣмъ въ свое время чудеса производили жрецы въ храмѣ Эскулапа и гдѣ сложный культъ составлялъ все, такъ какъ въ порошкахъ и въ другихъ средствахъ жрецовъ ничего, кромѣ гнили не было.

---

*) Послѣдующее изображеніе написано по разнымъ легендамъ. Возможно что въ нихъ было и много гиперболическаго, но эти легенды все таки очень характерны для Гр. Ант.

Понималъ-ли это великій цѣлитель научно, авторъ не знаетъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ врожденнымъ ему чутьемъ постигалъ всю великую силу внушенія, ибо самъ намъ говорилъ объ огромномъ вліяніи настроенія человѣческаго духа на человѣческое тѣло, самъ былъ великимъ мастеромъ косвеннаго внушенія и постоянно имъ артистически пользовался.

Всѣ причуды и капризы великаго цѣлителя, которыми онъ допекалъ, пугалъ и обращалъ общество въ своего холопа,—помимо боевого значенія,—развѣ не имѣютъ значенія того-же косвеннаго внушенія?

Смотрите, что онъ выдѣлываетъ съ именитымъ купцомъ, который обращается къ Григорію Антоновичу, какъ къ послѣднему уже прибѣжищу.

Посылается къ Гр. Ант. съ покорнѣйшей просьбой пожаловать къ такому-то самый ловкій и оборотистый «молодецъ», который можетъ провести и вывести любого хозяина.

Молодецъ подвергается предварительнымъ мытарствамъ, которымъ подвергается человѣческая душа при нисхожденіи въ адъ.

Наконецъ врата ада отверзаются и душа предстоитъ передъ лицемъ сатаны вмѣстѣ съ Іудой. Душа трепещетъ и думаетъ, что теперь начнутся настоящія адскія муки

Не тутъ-то было. Сатана улыбается и вмѣсто мукъ говоритъ даже: «садись, душа!»

Начинается обстоятельный коммерческій разговоръ и оказывается, что сатана не дурно знакомъ съ дѣлами фирмы.

Удивляется душа и думаетъ себѣ: «не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ!»

Бесѣда кончается благополучно.

«Лети, душа, къ хозяину», говоритъ сатана.– «Возьми съ собой Іуду. Онъ же похожъ на тебя и укажетъ вамъ порядокъ. Кланяйся хозяину и скажи ему: пріѣздъ мой стоитъ 500 руб. и буду у васъ въ пятницу, въ два часа ночи».

Ай, да чертъ. Когда же онъ спитъ? думаетъ себѣ душа.

Въ домѣ коммерсанта всѣ ждутъ душу съ нетерпѣніемъ и страхомъ.

Прилетѣла душа.—«Ну, что? спрашиваетъ купецъ душу нерѣшительно, съ трепетомъ ожидая рѣшенія своей участи.

— «Ничего-съ!» торжествующе отвѣчаетъ душа.– Пронесло-съ... Богъ-съ милостивъ.. Видѣлъ черта.. Веселый чертъ! Надо полагать, изъ купцовъ, потому больно здорово о коммерціи говоритъ. Наши дѣла у него вотъ-съ, какъ на ладонкѣ... Хоть за прилавокъ сажай-съ и цѣну себѣ знаетъ: 500 руб. загнулъ. Ни гроша-съ дешевле... Дороже себѣ, говоритъ... Кланяться приказалъ-съ и Іуду прислалъ-съ... Обѣщалъ-съ пріѣхать въ пятницу, въ два часа-съ ночи!»

— «Да, вѣдь, въ два часа Иверская будетъ. Какъ же они вмѣстѣ обойдутся?» замѣтила со страхомъ бойкая купчиха.

Отмѣнить Иверскую. . Вишь: человѣка на расхватъ рвутъ!» солидно проговорилъ купецъ, пожалѣлъ Гр. Ант., увидѣлъ въ назначеніи такого ранняго часа расположеніе его къ себѣ, увѣровалъ въ него еще больше,—что и требовалось доказать.

Съ своей стороны Іуда продолжалъ развивать культъ и усугублять внушеніе. Прежде всего онъ распорядился перевести купца изъ тѣсной комнаты въ просторную и провѣтренную комнату, сначала велѣвъ перемѣнить богатыя и пыльныя занавѣски на простыя и чистыя, удалить всякую мягкую мебель, поставить простую кровать по срединѣ комнаты, положить матрасъ по правиламъ, указаннымъ Гр. Ант., все вычистить, затемнить одни окна, освѣтить другія и пр. и пр., придавая всему крайне важное значеніе, произведя полнѣйшую революцію *въ домашнихъ порядкахъ, ставъ сразу полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ дома*, поставивъ всѣхъ на ноги, не давая никому покоя и говоря, что весь этотъ кавардакъ производится по приказу Гр. Ант. въ интересахъ больного, возвеличивая тѣмъ Гр. Ант. и развивая внушеніе дальше и больше.

Но это еще цвѣтики. Ягодки достаются купцу. Іуда подвергаетъ его великому искушенію и посрамленію въ немъ купеческаго достоинства и степенства. Онъ оголяетъ купца совсѣмъ, по правиламъ науки, осматриваетъ его и измѣряетъ его статьи, какъ статьи лошади, колотитъ его молоткомъ, мнетъ его, какъ тѣсто, ворочаетъ его съ боку на бокъ, какъ бревно, заставляетъ его поднимать и опускать руки и ноги, какъ крылья вѣтренной мельницы, скакать на одной ногѣ, засматриваетъ въ зубы и во всѣ отверстія. Нужно это или не нужно, но для такъ называемой полноты изслѣдованія

Посрамленіе производится долго, утомительно, съ перерывами, повторно. При этомъ лице посрамителя мрачно, иногда грустно. Иногда онъ покачиваетъ головой, издаетъ замысловатыя междомѣтія.

Это озадачиваетъ больного. Онъ задаетъ своему мучителю трудные вопросы. Получаются отвѣты неопредѣленные, уклончивые, чтобы не проврагься и не получить отъ Гр Ант. соотвѣтствующей таски.

Все это производитъ на больного странное впечатлѣніе, но въ тоже время онъ видитъ, что принимаются всѣ мѣры къ его спасенію, т. е. продолжается и громоздится тоже внушеніе.

О самомъ Гр. Ант. Іуда тоже не забываетъ. Ему отводится особое помѣщеніе, приличное его званію и положенію. Оно устраивается непремѣнно по вкусу Гр. Ант. Ему ставится непремѣнно жесткая кушетка для отдохновенія и глубокихъ размышленій о больномъ. Ему выписываются конфекты непремѣнно отъ Флея, зернистая икра непремѣнно отъ извѣстной и притомъ русской фирмы, выписываются калачи непремѣнно филипповскіе. Изъ дома изгоняются собаки, кошки, выносятся крикливыя ка-

нарейки; на площадкахъ лѣстницы ставятся стулья непремѣнно вѣнскіе.

Наконецъ наступаетъ желанный часъ. Всѣ домочадцы въ сборѣ и не спали всю ночь. Еще разъ выясняется, все ли въ порядкѣ.

Хозяйка красивая, крупичатая, сдобная,— кровь съ молокомъ,— разодѣта въ пухъ и прахъ. Командуетъ безпокойно, властно. Много говоритъ. Это страшитъ и коробитъ Іуду, но укротить купчиху онъ не въ силахъ.

Всѣ напряженно ждутъ Гр. Ант., но онъ не ѣдетъ. Умышленно заставляетъ ждать. Но вотъ и онъ, только суровый, грозный, раздраженный, потому что покойный любитъ спать. На поясные поклоны «молодцевъ» нолъ вниманія. Тяжело подымается на лѣстницу.

Хозяйка кокетливо и спѣшно спускается съ лѣстницы, на ходу привѣтствуетъ дорогого гостя, засыпаетъ его комплиментами.

Дорогой гость, хотя и знаетъ хозяйку, но, указывая на нее палкой, громко и рѣзко спрашиваетъ Іуду: — «Кто это»? — «Хозяйка!» тотъ отвѣчаетъ, слегка и ехидно улыбаясь.

— «Что Вы трещите, какъ сорока? Кто васъ спрашиваетъ? Замолчите! Ступайте кверху! Простудитесь... Съ Вами рѣчь впереди!» кричитъ на хозяйку дорогой гость. Первый скандалъ.

Всѣ ошеломлены. У всѣхъ поджилки трясутся.

Испуганная хозяйка, какъ покорная овечка, опустивъ головку, машинально подымается кверху.

Дорогой гость, медленно, съ остановками подымается на лѣстницу. Ворчитъ, вваливается въ залу въ шапкѣ, въ шубѣ и въ дорожныхъ валеныхъ сапогахъ. Останавливается и дѣлаетъ глубокіе вздохи. Два «молодца» съ благоговѣніемъ и страхомъ берутся за рукава шубы, чтобы помочь дорогому гостю снять ее.

— «Что это за болваны? Развѣ они не знаютъ, что я раздѣваюсь всегда самъ» кричитъ и стучитъ теперь палкой на Іуду дорогой гость.

Молодцы какъ ошпаренные кипяткомъ отскакиваютъ отъ дорогого гостя... Второй скандалъ!

Дорогой гость медленно раздѣвается, медленно самъ складываетъ и укладываетъ свою старую шубу на вѣнскія стулья, зная хорошо силу и значеніе ожиданія. Садится, протягиваетъ ноги. Молодцы въ страхѣ недоумѣваютъ, какъ приступить къ операціи снятія сапогъ и стоятъ въ нерѣшительности.

— «Чего вы дураки испугались? Развѣ вы не понимаете, что старый человѣкъ не можетъ самъ снять сапогъ?» еще больше раздражается и еще громче кричитъ дорогой гость... Третій скандалъ!

Операція сниманія валеныхъ сапогъ на радость всѣхъ присутствующихъ кончается всетаки благополучно.

Дорогой гость встаетъ и осматривается кругомъ и о, ужасъ! видитъ гдѣ-то клѣтку съ канарейкой. Боже мой! что тогда происходитъ. Подымается Содомъ. Дорогой гость дрожитъ, скрежещетъ зубами, въ отчаяніи опускается на стулъ и неистово кричитъ на всѣхъ: «что вы, разбойники, дѣлаете со мной? Вы хотите меня живого въ гробъ загнать!.. О, дьяволы! кричитъ и чуть не плачетъ дорогой гость... Четвертый скандалъ.

Гроза однако скоро стихаетъ и наступаетъ благодатная тишина.

Всѣ эти скандалы больной слышитъ ясно. Имъ овладѣваетъ страхъ. Вотъ онъ слышитъ уже приближеніе къ нему чудовища, онъ предчувствуетъ уже свой смертный часъ; ему представляется уже смерть,., смерть съ косой и съ оскаленными зубами и вдругъ... вмѣсто смерти передъ больнымъ является ясный и благодатный ангелъ доброты и ласки и обращается съ больнымъ, какъ нѣжный отецъ или братъ.

-- «Почетъ Сидору Поликарповичу! ласково и сердечно, по русскому обычаю прямо на «ты» обращается нашъ кудесникъ къ больному и протягиваетъ ему обѣ руки.

— Чего это ты, братъ валяешься? Аль станокъ попортился? Не бойся! Авось, Богъ милостивъ, починимъ Вотъ мой «молодецъ» лазилъ въ твой станокъ и говоритъ: ничего! Дѣло поправимое... Теперь я самъ разберу и развинчу твой станокъ по частямъ, а тамъ съ Богомъ и за ремонтъ примемся. . Наладимъ станокъ Защелкаетъ исправнѣе прежняго!»

Все это: сердечное обращеніе, родственная простота, задушевность, колоритный родной языкъ сразу обезоруживаютъ и зачаровываютъ всѣхъ окружающихъ купца.

Всѣмъ кажется, что Гр. Ант. всѣмъ родной, никогда съ ними нераставался, жилъ съ ними одной жизней, интересовался одними интересами, только былъ всѣхъ умнѣе.

Все это успокаиваетъ и примиряетъ всѣхъ съ Гр. Ант. и сразу всѣхъ настраиваетъ на веселый ладъ и больше всѣхъ, конечно, больного.

Гр. Ант. согрѣлъ его душу, влилъ въ нее спасительный бальзамъ, далъ ему надежду и вѣру въ изцѣленіе.

Развѣ это не артистическая игра на человѣческой душѣ? Гр. Ант. игралъ на ней, какъ Паганини — на скрипкѣ, зачаровывалъ больныхъ, гипнотизировалъ ихъ и всецѣло овладѣвалъ ихъ душой, что имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ леченія.

Гр. Ант. былъ прирожденный кудесникъ и чудотворецъ.

Пріемы Гр. Ант. были двусторонни. Во первыхъ, они имѣли неподражаемое гипнотическое значеніе, столь важное въ терапіи, а во вторыхъ, какъ уже сказано, играли въ его рукахъ роль оригинальнаго боевого оружія въ его азартной борьбѣ съ общественными предразсудками.

Хотя она имѣла на первый взглядъ и характеръ личной борьбы, но въ тоже время онъ завоевалъ и расчищалъ дорогу для правильной постановки труда врача вообще, выводя врача изъ унизительнаго холопскаго положенія и сумѣлъ достигнуть этого. Онъ возвысилъ врача.

Но это было не понято и не достаточно оцѣнено даже врачами.

Слишкомъ безпримѣрно и оригинально было его оружіе!

Оно разрушало и ломало давно установившуюся традицію съ которой люди сжились и привыкли считать нормой, а онъ на каждомъ шагу осмѣивалъ и издѣвался надъ ней.

Этого требуетъ тактика всякаго радикальнаго новаторства Оно не терпитъ, какъ показываетъ исторія, никакихъ компромиссовъ и сентиментальности и считаетъ ихъ нелѣпостью и человѣческой глупостью.

Какъ всегда и всюду новаторство Гр. Ант. встрѣтило также рѣзкій отпоръ со стороны всего стараго и всего, что носитъ характеръ душевной нищеты. Къ этому опять-таки, какъ всегда и всюду, присоединилась зависть къ чрезвычайной славѣ борца, какъ удивительнаго врача.

Пошли сплетни, интриги и подкопы подъ Гр. Ант.

Всякій его промахъ и особенно рѣзкій поступокъ, хотя бы онъ былъ совершенно послѣдователенъ и согласовался съ тактикой борьбы, вызывали злорадство враговъ, ихъ торжество, принимались ими за манну небесную и давали поводъ злословить и безсловить борца.

Такихъ примѣровъ была масса но авторъ замѣтокъ приведетъ особенно характерный показывающій еще разъ, какъ все въ жизни можно извратить, преувеличить и загрязнить.

Многіе врачи, въ силу изрѣченія, что «несть пророка въ отечествѣ»,—явились злѣйшими врагами Гр. Ант. *въ сущности за то, что онъ былъ ревностнымъ поборникомъ свободы врачебнаго труда и классовыхъ интересовъ.*

Такая врачебная тупость, недальновидность и черная неблагодарность не только кровно обидѣли Гр. Ант., но и взбѣсили его и онъ объявилъ, что незнакомыхъ врачей у себя на дому въ качествѣ больныхъ не принимаетъ.

Въ этомъ объявленіи онъ былъ послѣдователенъ и правъ, какъ представитель свободнаго труда и какъ хозяинъ дома.

Однако и послѣ этого всетаки нашелся такой больной врачъ, который затесался къ Гр. Ант. въ домъ.

Тутъ, очевидно, уже крылись или глупость или наглость. Гр. Ант. распорядился съ такимъ врачомъ кратко и рѣшительно: онъ его выгналъ моментально.

Но врачъ былъ каверзникъ. Онъ пустилъ въ газетѣ слезливую мелодраму, начиненную всевозможными жалкими словами, имѣющими цѣну на общественномъ рынкѣ.

Каверзникъ запрегъ эти слова, какъ старыхъ, испытанныхъ клячь и поплелся на нихъ жаловаться обществу на Гр. Ант.

Поднялся шумъ и гвалтъ... и пошла писать губернія.

Всѣ обрадовались случаю поохотиться на краснаго звѣря. Началась облава и травля его по всѣмъ правиламъ искусства.

Всякая шавка старалась ущипнуть его, всякая старая гончая старалась запустить въ него свой тупой клыкъ.

Но Гр. Ант.,—мощный духомъ, своей несокрушимой славой великаго врача и всѣмъ, чѣмъ онъ предусмотрительно и обильно вооружился для борьбы въ сущности *за классовое дѣло*, - во имя котораго заграничные врачи иногда бастуютъ и это не считается тамъ безнравственнымъ—не испугался азартной, но беззубой травли.

Съ ней онъ опять распорядился кратко, рѣшительно и презрительно: травлю онъ назвалъ глупостью и сердитымъ безсиліемъ, чѣмъ они и были въ дѣйствительности по современнымъ воззрѣніямъ, а хулителей своихъ—Крыловскими собаками, которые, молъ, «полаютъ да отстанутъ», что и случалось на самомъ дѣлѣ.

Все было въ Гр. Ант. особенно и, несомнѣнно, онъ былъ настолько крупной и загадочной величиной, что требуетъ еще спеціальной исторической и психологической переоцѣнки.

Онъ не былъ ни темнымъ тѣломъ, ни пятномъ университета, а наоборотъ онъ скорѣе былъ чѣмъ-то яркимъ, что слишкомъ жгло и ослѣпляло современное ему общество!

* * *

Что сказать объ остальныхъ преподавателяхъ, которые учили нашъ выпускъ, а не о тѣхъ, которые начали свою преподавательскую дѣятельность позже семидесятаго года?

Послѣдніе были тогда только слабыми цыплятами, крѣпли и оперялись еще

Наши же преподаватели, за небольшими исключеніями, каждый въ отдѣльности не представляли собой ничего оригинальнаго, выдающагося и составляли сплошной и неважный фонъ, на которомъ впрочемъ выдѣлялось небольшое сѣроватое пятнышко и то сдѣлавшееся таковымъ впослѣдствіи.

* * *

Сѣрое пятнышко.

Это былъ небольшой, жиденькій человѣчекъ съ мѣщанскимъ внѣшнимъ видомъ и съ мѣщанской душой: трусливый, нерѣшительный, тугоумный, узкій, но хитрый, крайне эгоистичный, думавшій всегда только о своемъ благополучіи и спокойствіи, завистливый, боявшійся всегда какъ бы не ошибиться и не сѣсть въ лужу, уклончивый, устроивавшій себѣ всюду лазейки для отступленія.

Это—была воплощенная «умѣренность и аккуратность», безпримѣрная благонадежность, короче: неподражаемая «золотая

середина», всегда загребавшая жаръ чужими руками и сдѣлавшаяся сѣрымъ пятнышкомъ, благодаря своимъ выдающимся ученикамъ, посланнымъ ему Богомъ неизвѣстно за что, создавшимъ себѣ славу солидныхъ ученыхъ безъ всякой его помощи, создавшимъ наоборотъ ему славу, показавшимъ ему настоящую науку, которой онъ до нихъ не зналъ,—и выдвинувшимъ его въ замѣтные люди.

И странная вещь, несмотря на свое очевидное убожество, въ которомъ безъ своихъ рѣдкихъ учениковъ, правильнѣе безъ своихъ учителей,—онъ остался бы до смерти, онъ давилъ ихъ, какъ кошмаръ, давилъ солидное ученое общество, созданное не имъ, а сложившееся въ сущности случайно благодаря собравшимся вокругъ его каѳедры солидныхъ ученыхъ.

Авторъ полагаетъ, что въ этомъ странномъ явленіи дѣйствовалъ общественный инстинктъ ученыхъ, для которыхъ каѳедра и сидящій на ней служили для нихъ какъ-бы ульемъ и пчелиной маткой, которую медоносныя и трудолюбивыя пчелы берегутъ, заботятся о ней и кормятъ ее до смерти, хотя-бы матка была и худосочная.

* * *

Два слова о студенческой жизни. Студенческихъ исторій въ наше время небыло. Была тишь да гладь, а благодать была въ насъ самихъ.

Медики сравнительно были завалены скучной и утомительной работой. Много зубрили. Одолѣвали медицинскую премудрость больше памятью. Много сдавали экзаменовъ. У усердныхъ положительно не хватало и не могло хватать времени на саморазвитіе; но усердныхъ сравнительно было мало.

Въ бѣдствіяхъ студенты были тверды и переносили ихъ легко.

Нѣкоторыхъ давила бѣдность. Такіе жили въ Ляпинкѣ и въ разныхъ трущобахъ. Тамъ больше пили, чѣмъ ѣли, потому что это дешевле и веселѣй.

Кто былъ поисправнѣе, тѣ посѣщали раекъ Большаго и Малаго театра, грѣлись тамъ, потому что въ квартирахъ было холодно.

Нѣкоторые грѣлись у Саврасенкова, на Тверскомъ бульварѣ, а другіе пили и пѣли у Божко тамъ же и пѣли молодецки и среди нихъ пѣлъ несравненный потомъ басъ Петербургской казенной оперы, нашъ товарищъ Миша Карякинъ,—кристальная душа и золотое сердце,—какимъ онъ остался до гробовой доски, рано его закрывшей.

* * *

Чистые сердцемъ.

Авторъ не можетъ обойдти молчаніемъ слѣдующій эпизодъ, вполнѣ опредѣляющій рѣдкое сердце нашего товарища и, можетъ быть, мало извѣстный другимъ товарищамъ и обществу.

Разъ Миша, бывшій уже въ то время въ апогеѣ своей артистической славы, но всегда нуждавшійся въ грошахъ вслѣдствіе своей широкой и чисто христіанской благотворительности, сѣлъ случайно въ кафе на Невскомъ рядомъ съ незнакомымъ ему господиномъ съ крайне удрученнымъ и печальнымъ видомъ.

Чуткое и чистое сердце Миши подсказало ему, что тутъ кроются бѣда и отчаяніе.

— «Что съ Вами?» невольно спросилъ Миша своего сосѣда и тотъ повѣдалъ ему свое великое горе.

Миша, не имѣя при себѣ достаточно денегъ, но незадумываясь и тотчасъ же, предложилъ бѣднягѣ прямо съ руки свой драгоцѣнный перстень, Царскій подарокъ.

— «Какъ же такъ? Вы меня не знаете и такихъ, какъ я, много насъ», сказалъ удивленно бѣдняга.

— «Но за то Вы меня знаете и въ случаѣ надобности Вы найдете меня», отвѣчалъ Миша и не обманулся въ діагнозѣ и прогнозѣ своего удивительнаго сердца.

Чудный голосъ былъ у Миши и еще лучше того была у него душа, съ которой можетъ сравниться только другая великая душа нашего товарища профессора С. С. Корсакова, тоже рано погибшаго отъ болѣзни сердца, слишкомъ много сострадавшаго чужому страданію!

Но не все же товарищи зубрили, пили и пѣли.

Были и такіе, что интересовались своимъ духовнымъ саморазвитіемъ, читали много научнаго, увлекались Добролюбовымъ и въ особенности Писаревымъ, читали его запоемъ, проникались его здоровымъ реализмомъ, читали и «Что дѣлать!» Чернышевскаго, интересовались соціальными вопросами, но только теоретически, дѣятельной же политикой, сколько помнитъ авторъ, никто не занимался, за исключеніемъ одного Н. С., который съ 4-го курса бросилъ университетъ, порвалъ все съ прошлымъ, даже съ семьей, съ братьями, людьми замѣтными въ свое время въ Москвѣ—и погибъ въ 80-хъ годахъ подъ именемъ На—цкаго, какъ писали тогда въ газетахъ.

* * *

Заключеніе При бѣгломъ чтеніи этихъ замѣтокъ покажется, что студенчеству было скучно и темно. Но это не такъ.

У насъ были свое яркое солнце, свой пламенный и мощный хаосъ.

Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы освѣтить и согрѣть нашъ духовный міръ, пробудить и окрылить нашу мысль, сообщить ей строго реалистическое направленіе и тѣмъ открыть намъ путь къ дальнѣйшему саморазвитію, къ критическому отношенію къ совершающимся явленіямъ и фактамъ.

У насъ были молодость, здоровье, здоровыя чувства, бодрая и дѣятельная мысль, дѣятельная воля, вѣра въ собственныя силы, чистыя сердца, товарищество

Это давало намъ счастье и веселье и это счастье мы носили внутри насъ, независимо отъ внѣшнихъ условій.

Это было счастье—юнаго бодраго существованія. Оно было такъ велико и таково, что въ жизни болѣе не повторяется и потому составляетъ и вѣчно будетъ составлять для каждаго драгоцѣннѣйшее воспоминаніе о студенческой жизни, какъ о времени наивысшаго разцвѣта нашихъ физическихъ и духовныхъ силъ!



Общественныя картинки былого.

—

Въ приволжскомъ губернскомъ городѣ N, на пароходной пристани въ Вербное воскресенье 188... случилось необыкновенное происшествіе.

Разливъ Волги въ ту пору былъ въ полномъ ходу. Крупный ледъ уже прошелъ; неслось мѣстами только «сало». Волга-матушка, полноводная красавица, могуче и величаво катила свои волны

Луговая сторона сплошь залита была разливомъ на огромномъ пространствѣ и границъ разлива не видно было съ самыхъ высокихъ мѣстъ города, даже изъ губернаторскаго дома.

Видъ на Волгу во время ея половодья съ губернаторской «вышки», какъ называлось мѣсто резиденціи начальника края— былъ восхитительный.

Онъ бодрилъ даже дряхлыхъ стариковъ, кружилъ головы молодежи, будилъ въ ней мысли о волѣ, о широкомъ раздольѣ, о могуществѣ сплоченной массы, будилъ и другія «завиральныя» идеи, выражающіяся въ волжскихъ пѣсняхъ.

Картина, должно быть, была настолько внушительна и поразительна и пѣсни такъ съ ней гармонировали, что самъ начальникъ края, сидя на своемъ балконѣ за занавѣской, часто слушалъ ихъ снисходительно. впрочемъ, только тогда, когда онѣ пѣлись тихо и смирно.

— Зачѣмъ горланить? говорилъ старикъ. -«Крикъ портитъ только мотивы. Они прекрасны. Въ нихъ слышится родное, русское а слова, чортъ знаетъ, какія глупыя и задирательныя!.. Нельзя горланить: полиція можетъ подслушать да переловить мальчишекъ и дѣвченокъ Потомъ возись съ ними Доказывай, что мальчишки горланятъ по глупости и неразумѣнію. Не всѣ, вѣдь, съ этимъ согласятся... Такъ-то-съ!..

— И все это дѣлаетъ «вышка», природа жизнь, продолжалъ мудрствовать старикъ,—Претъ природа. Ничего съ ней не подѣлаешь!

— Развѣ, вотъ, срыть «вышку» да запрудить Волгу? Но тогда, пожалуй, за эти мысли посадятъ въ сумасшедшій домъ.

— Такъ ли я говорю, молодой другъ? иронизировалъ старикъ.

— Охъ! грѣшенъ.. самъ грѣшенъ я! каялся старикъ.—Самъ былъ молодъ. Самъ вѣровалъ. Люблю мололежь... Бѣдная, бѣдная молодежь! Много ей придется хватить горя! пророчествовалъ старикъ.

— Тьфу, тьфу эта «вышка», это половодье, эти пѣсни! плевался старикъ, отмахиваясь какъ-бы отъ какого-то наважденія, медленно всталъ и печальный и смущенный ушелъ съ балкона... А пѣснь продолжалась...

Вотъ, что могъ производить видъ на Волгу въ день необыкновеннаго происшествія. И день съ утра былъ прекрасный, солнечный.

Весеннее солнце ласкало и миловало красавицу-Волгу и сообщало ей феерическое освѣщеніе. Въ воздухѣ чувствовалась живительная весенняя теплота.

День былъ праздничный и публика—старый и малый, богатый и бѣдный—валомъ валила на Волгу, чтобы полюбоваться на свою кормилицу и встрѣтить первый пароходъ, который ожидали сверху и что обыкновенно сопровождалось нѣкоторой торжественностью: музыкой, радостными привѣтствіями, реверансами капитана, его удалымъ и ловкимъ причаломъ парохода и пр.

Съ каждымъ часомъ публика росла непомѣрно. Все было переполнено: пристань, набережная, всѣ террасы «губернаторской «вышки», всѣ уступы горнаго берега. Публика издали казалась колоссальнымъ пчелинымъ роемъ. Онъ постоянно копошился, гудѣлъ.

Настроеніе публики было веселое, жизнерадостное, даже сатирическое. Слышались: смѣхъ, остроты, мѣткія реплики и характеристики.

Въ особенности доставалось разряженнымъ и откормленнымъ женамъ именитыхъ купцовъ и фабрикантовъ, ихъ тысячнымъ рысакамъ, ихъ закормленнымъ кучерамъ. Застоявшіеся жеребцы визжали, бѣсились и ржали.

По этому поводу на каждомъ шагу сыпались ѣдкіе сарказмы и комментаріи. Публика тѣшилась и гоготала.

Временами устраивались ложныя тревоги—«Ванька, не балуй!»—кричитъ бойкая и стиснутая бабенка.—«Пароходъ прозѣваемъ!»—«Гдѣ?.. Гдѣ?..»—слышатся голоса.—«Здѣсь!»—отвѣчаетъ Ванька и опять принимается за свое весеннее развлеченіе. Слышится здоровый раскатистый смѣхъ. По своему весело и беззаботно развлекалась простая публика въ ожиданіи парохода.

Чистая публика вела себя чинно, но скучно. Хорошій тонъ запрещалъ нѣкоторымъ даже отвѣчать смѣхомъ на неистощимый и неподражаемый народный юморъ.

Одни лицемѣрили, другіе притворно негодовали, третьи презрительно гримасничали. Но въ основѣ всего этого лежали,

конечно, безсознательная зависть, что она, —чистая публика— не умѣетъ веселиться, не можетъ стать въ уровень съ природой, въ которой разлиты были радость и веселье.

Среди чистой публики многіе ожидали съ первымъ пароходомъ изъ Петербурга важную мѣстную «персону», съ которой и приключилось необыкновенное происшествіе.

I

Вельможа, мужикъ и казнь

Она—эта персона не занимала никакого офиціальнаго положенія, но имѣла огромныя связи, имѣла бѣлые штаны, мундиръ, массу орденовъ, была очень породиста, была чрезвычайно богата: ей только въ мѣстной губерніи принадлежалъ почти цѣлый лѣсной уѣздъ, въ городѣ она имѣла огромный родовой домъ, держала для господъ дворянъ открытый столъ; высоко держала дворянское знамя, водило знакомство только съ дворянами, не терпѣла никакихъ мезальянсовъ; состояла въ оппозиціи къ правительству; называла всѣ великія реформы Александра II—«катастрофами», въ особенности отмѣну крѣпостного права, со времени которой «персона» умыла руки, отрясла прахъ отъ ногъ своихъ, оставила демонстративно высокій постъ въ Петербургѣ, разобидѣлась и навсегда поселилась въ родномъ гнѣздѣ и стала фрондировать, ненавидѣла чиновниковъ-исполнителей реформы, начиная съ губернатора, злорадствовала по поводу всякихъ ихъ промаховъ и всякія общественныя нестроенія объясняла послѣдствіемъ «катастрофы».

— Иначе и не могло быть. Я это предвидѣлъ. Я это предсказывалъ,—глубокомысленно замѣчала персона.

Къ земству и новымъ судамъ «персона» относилась съ ненавистью, называла ихъ чумой и язвой, грозила Россіи всѣми бѣдствіями, къ которымъ, по мнѣнію «персоны», должны привести въ будущемъ эти учрежденія.

— Я увѣренъ, что въ нихъ кроятся злые корни величайшаго общественнаго разврата и государственнаго развала! грозно прорицала «персона», величественно поднявъ десницу кверху, прищуривъ глаза, смотря впередъ и какъ-бы мысленно уносясь въ таинственную даль.

Съ бывшими крестьянами «персона» обращалась довольно любопытно, устраивала съ ними поучительныя развлеченія и всегда въ присутствіи своихъ прихлебателей.

— Добро пожаловать, дорогіе сосѣди! Такъ начиналась бесѣда. Чѣмъ могу служить вамъ, государи мои?

«Государи» по старому, конечно, кланялись барину въ ноги.

— Какъ вы теперь поживаете, касатики, на волѣ?.. Вѣдь, теперь, у васъ воля... воля, братики?.. Богъ вамъ далъ волю. . Вы просили и вотъ Господь по неизреченной своей милости по-

слалъ волю, ...да, волю, волю Господь послалъ,—долбилъ фрондирующій сановникъ—волю, какъ дятелъ долбитъ дерево и въ особенности упиралъ на то, что Господь послалъ волю.

— Охъ, батюшка-баринъ! Прогнѣвали мы Создателя. Воля то намъ стала теперича замѣсто неволи, чесались, мотали головой и уныло отвѣчали барину «государи».

— Что вы? Что вы, братики? Можно-ли роптать на Господа Бога!.. Это ве-ли-кій грѣхъ! укорялъ баринъ «государей».

— Вы должны денно и нощно благодарить Создателя перво-на-перво за то, загибая мизинецъ, резонировалъ баринъ,—что помѣщики-злодѣи... Они, вѣдь, злодѣи, ...злодѣи?.. Да? допытывался баринъ,—теперь васъ не порютъ, не казнятъ.

— Что же изъ этого? Они сами себя порютъ теперь! расталкивая толпу и выступая впередъ, говорилъ старый дворовый, - пенсіонеръ Андреичъ, типичный «вѣрный холопъ до гроба». Онъ тонко понималъ своего господина и зналъ, чѣмъ ему потрафить.

— За что-же они порятъ сами себя, Андреичъ?—вопрошалъ баринъ своего вѣрнаго слугу, смотря на него съ удовольствіемъ, зная хорошо, что теперь реплики пойдутъ проворнѣе и бойчѣе.

— Ахъ, батюшка, кормилецъ нашъ! Этакимъ манеромъ они выкалачиваютъ другъ у друга подати,—какъ бы съ прискорбіемъ отвѣчалъ Андреичъ.

— Куда же идутъ эти подати, Андреичъ? умышленно-наивно спрашиваетъ господинъ своего слугу.

— Въ земство, въ земство съ, батюшка. Объявилась такая прорва-съ... Все провалится въ нее, сколь не вали!

— Не заблуждаешься-ли ты, Андреичъ? Я слышалъ, что земство строитъ школы, больницы, проводитъ дороги и проч.

— Очки этимъ втираютъ земцы, батюшка.. Это съ: улита ѣдетъ, да когда то будетъ, а, можетъ, и совсѣмъ не прибудетъ... Да съ, кормилецъ! А покуда-съ земцы выколачиваютъ только подати-съ, да загребаютъ большія жалованья... Вотъ-съ..

— Да откуда же мужичекъ беретъ деньги на подати?

— Продаетъ-съ коровенку, лошаденку и прочую живность.. Разоромъ разоряютъ свое хозяйство.. Да съ!

— Да зачѣмъ же мужичекъ продаетъ коровенку? Онъ трудиться долженъ. И въ манифестѣ сказано: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, Мой православный народъ, и призови благословеніе Божіе на свой свободный трудъ, какъ залогъ будущаго твоего благоденствія!» Вотъ, какъ тамъ великолѣпно сказано,—закончилъ баринъ, и въ голосѣ звучала ѣдкая иронія.

— Эхъ, батюшка-баринъ!. Трудиться!? Какъ-же мужичокъ трудиться будетъ, когда у него никакой живности не осталось? Продалъ мужикъ лошаденку и пропалъ человѣкъ! И не подняться ему и поднять его некому.

Теперь не старое время, когда во блаженномъ успленіи и вѣчный покой подай, Господи, вашему папенькѣ и вашей маменькѣ, они выручали мужичка изъ всякой напасти..

Падала, къ примѣру, у мужичка лошадка,—баринъ давалъ лошадку. Пала коровушка,--на тебѣ коровушку. Посѣтилъ Господь,— покойный вашъ папенька давалъ мужику лѣску на хатку... И жилъ мужикъ у вашего папеньки, какъ у Христа за пазухой.. А теперь что?.. Земство?.. Да оно само норовитъ свести у мужика послѣднюю савраску и буренушку.

Нѣтъ теперь у мужика заступника и покровителя, заливался горькими слезами новоявленный златоустъ и валился къ ногамъ барина, а за нимъ и «государи».

— Довольно, довольно! Встаньте!.. Ты, Андреичъ, постоянно со своими глупостями! говорилъ баринъ взволнованнымъ голосомъ и влажными отъ слезъ глазами.

— Зачѣмъ эти несчастные? тыча пальцемъ въ «государей», нетерпѣливо спрашивалъ баринъ Андреича.

— Ихъ Богъ посѣтилъ, печально отвѣчалъ Андреичъ.

— Въ такомъ случаѣ пусть они знаютъ, что пока я живъ, у меня все будетъ по старому, а по смерти пусть... на себя пеняютъ, протяжно цѣдилъ благодѣтель.—Вы старики можете теперь ѣхать домой. Все для васъ будетъ сдѣлано,—слышите: по старому!

— Да смотрите: не грабить меня! А то я васъ.. вдругъ стиснувъ зубы и покраснѣвъ до ушей, прохрипѣлъ благодѣтель —и зашагалъ широкими шагами во внутренніе покои.

За нимъ прослѣдовали прихлебатели.

* * *

Comedia la finita! Фрондеръ внутренно остался ею очень доволенъ.

Она казалась ему поучительной и доказательной и потому, быстро повернувшись къ гостямъ, онъ изрекъ: «такъ вотъ-съ, господа! Вы видѣли народъ, слышали голосъ народа. И судите: правъ-ли я былъ, когда говорилъ, что несвоевременныя и скороспѣлыя реформы не поведутъ къ добру. Очевидность теперь говоритъ сама за себя. Но.. Но разумѣйте языцы и... и покоряйтесь!» многозначительно и красивымъ жестомъ заключилъ свою сентенцію высокородный фрондеръ

* * *

Въ городѣ звали нашего фрондера «персоной» и «лордомъ».

Длинный, сухопарый, съ большими руками и ногами, съ небольшой головой на длинной шеѣ и узкихъ плечахъ,съ узкимъ лбомъ, съ маленькими рыбьими и глубоковпалыми глазами, съ большимъ носомъ, большими ушами, большимъ ртомъ, съ выдающейся верхней челюстью, съ гнилыми зубами—онъ не походилъ ни на «персону», ни на «лорда» и имѣлъ фигуру каррикатурную, но за то все у него было по англійскому.

Онъ носилъ англійскій проборъ, монокль, брилъ усы, подбородокъ, носилъ маленькіе бачки, одѣвался по англійскому журналу, носилъ англійское бѣлье, обувь, по часамъ чистилъ и холилъ ногти, обѣдалъ во фракѣ, за столомъ молчалъ, хотя по природѣ былъ болтливъ. Лошади были у него англійскія, сбруя и экипажи — тоже англійскіе, у лакеевъ — англійскія ливреи, англійская выправка...

Ходилъ онъ широкимъ шагомъ спортсмэна. Носилъ почти всегда цилиндръ и только лѣтомъ на короткое время замѣнялъ его соломенной шляпой образца «здравствуй и прощай»!

Видъ имѣлъ спесивый и надменный. На всѣхъ смотрѣлъ свысока. Былъ щепетиленъ. Не терпѣлъ фамильярности. Былъ со всѣми холодно вѣжливъ. Ничему не удивлялся. Былъ хранителемъ «хорошаго тона». Позволялъ себѣ вольности и шутки только на спектакляхъ съ крестьянами. Тогда же, да еще только во время разглагольствованій о «катастрофѣ», терялъ сдержанность, сбрасывалъ съ себя броню, замурованность и бывалъ натураленъ. Въ другое же время онъ держалъ себя, какъ дрессированный англійскій догъ.

Все англійское онъ боготворилъ. Это составляло его слабость. Рисковалъ даже вступать въ компромиссы, чтобы привлечь на свою сторону въ городѣ все, что пахло Англіей и за это вотъ какъ разъ жестоко поплатился.

Болѣя часто даже болѣзнью англійской и при томъ аристократической — сплиномъ, «лордъ» часто обращался къ врачамъ и и составлялъ для нихъ доходныя статьи, потому что платилъ по-царски. Но, узнавъ о пріѣздѣ въ губернскую больницу молодого врача, который читалъ англійскія медицинскія книжки, съ грѣхомъ пополамъ даже объяснялся на англійскомъ языкѣ, — «лордъ» въ восторгѣ, легкомысленно забывъ справиться о «кровяхъ» этого врача, немедленно пригласилъ его къ себѣ домашнимъ врачомъ и былъ имъ очарованъ. По цѣлымъ часамъ задерживалъ его у себя въ домѣ, удостаивалъ его продолжительной съ собой бесѣды, терпѣливо поправлялъ англійское произношеніе врача, восторгался скорыми его успѣхами въ этомъ варварскомъ дѣлѣ.

Съ каждымъ днемъ «лордъ» находилъ въ этомъ врачѣ все новыя и новыя англійскія качества и, наконецъ, снизошелъ до того, что, бросивъ всякую чопорность, сталъ угощать врача великолѣпными англійскими винами, портеромъ, элемъ, гаванскими сигарами и сталъ напиваться совмѣстно съ нимъ по-англійски.

Въ одну изъ такихъ попоекъ, когда лордъ, бросивъ всякія церемоніи, предложилъ прямо и безъ всякихъ околичностей приступить по-англійски къ какому-то сногсшибательному англійскому рому, и когда врачъ перепилъ «лорда» — хоть и тотъ былъ здоровъ пить, — «лордъ» въ восхищеніи воскликнулъ и уже по-русски:

— Да, вы—аристократъ, чертъ возьми!

Но, вмѣсто подтвержденія, услышалъ, что врачъ—сынъ мужика...

— Shocking! *)—вскрикнулъ лордъ, какъ ужаленный, отскочилъ отъ врача, какъ отъ гадины, зашатался, упалъ на полъ и разбилъ себѣ носъ вдребезги.

Положеніе «лорда», дѣйствительно, было ужасно: онъ—браминъ и унизилъ себя до панибратства съ паріемъ: сидѣлъ съ паріемъ, пилъ съ паріемъ, велъ себя съ паріемъ на распашку. Развѣ это не ужасно!?

И съ тѣхъ поръ тю тю! Навсегда отлетѣли отъ неосторожнаго врача первосортныя гаванскія сигары, великолѣпный портеръ, эль, рѣдкостныя вина и несравненный ромъ «лорда».

«Лордъ» охладѣлъ къ врачу. Всякой короткости насталъ конецъ. Остались только дѣловыя отношенія и то по молчаливымъ съ обѣихъ сторонъ тактическимъ соображеніямъ. Напивался теперь «лордъ» одинъ, по-англійски запершись въ кабинетѣ.

Таковъ былъ нашъ «лордъ», представитель «хорошаго тона». И его-то почитатели ожидали съ первымъ параходомъ изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ, собственно говоря, для приведенія своего носа въ окончательную исправность.

Пароходъ, однако, сильно запоздалъ. Въ толпѣ замѣчались утомленіе и нетерпѣніе. Погода стала мѣняться къ худшему. На небѣ стали показываться клочковатыя облачка. Появился подозрительный вѣтерокъ.

Но ни природа, ни люди не ожидали еще бѣды, а она была близка. Она уже, какъ ястребъ, парила надъ «лордомъ»..

Наконецъ, изъ закругленія показался пароходъ американской системы, разукрашенный по случаю Вербнаго воскресенья флажками и выбѣленный заново. Онъ блестѣлъ на солнцѣ, плылъ быстро и плавно, какъ бѣлый лебедь..

Публика встрепенулась. Грянуло «ура» и раскатилось сверху до низу. Заиграла музыка...

Пароходъ подходилъ все ближе и ближе. На «мостикѣ» показался солидный и выхоленный капитанъ въ сопровожденіи, вѣроятно, по праву бывшаго флотскаго офицера—«лорда».

«Лордъ» былъ въ новой англійской парѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ высокомъ цилиндрѣ, съ моноклемъ, въ высокихъ воротничкахъ, съ краснымъ галстукомъ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ, въ красныхъ англійскихъ перчаткахъ, въ красныхъ штиблетахъ. Держался онъ прямо, какъ мачта. Имѣлъ по-прежнему видъ суровый и чопорный.

Капитанъ смѣлымъ аллюромъ, красиво, какъ изящная жен-

*) Выраженіе большого презрѣнія, ужаса и гадливости, непередаваемое однимъ словомъ.

щина отбрасываетъ свой шлейфъ, отбросилъ корму парохода—и тихо и плавно причалилъ пароходъ къ пристани.

Быстро положены были сходни; также быстро полиция «честью» очистила на пристани проходъ для пріѣзжихъ, и «лордъ» внезапно появился во всей своей красѣ впереди всѣхъ.

Обычнымъ флотскимъ маршемъ зашагалъ онъ смѣло по сходнямъ, чинно и холодно отвѣчая на привѣтствія знакомыхъ, но... тутъ случилась оказія, новый shocking, нѣчто ужасное и безобразное!

Внезапно, какъ изъ земли, выросъ и предсталъ передъ «лордомъ»—огромный, широкоплечій босякъ, грязный, оборванный, хохлатый, съ подбитымъ глазомъ, полупьяный.

Предсталъ, загородилъ «лорду» дорогу, растопыривъ огромныя руки, вытаращилъ на него пьяные глаза, икнулъ ему въ лицо и прорычалъ свирѣпымъ пьянымъ басомъ:—Стой!

Затѣмъ не безъ дѣланной граціи насмѣшливо поклонился публикѣ и заговорилъ:..

— Прошу слова. Буду краток. Сегодня Господь Іисусъ Христосъ въѣхалъ въ Іерусалимъ на ослѣ. Всѣ мы грѣшны и не достойны поклониться Господу, но поклонимся вотъ этому— Его ослу, рычалъ босякъ, тыкая въ «лорда» грязнымъ пальцемъ.

— Смотрите на него, православные. Развѣ онъ не оселъ? —говорилъ босякъ, отступая къ одной сторонѣ, показывая на «лорда» обѣими руками и презрительно осматривая его съ ногъ до головы..

— Ха, ха, ха!—гремѣлъ босякъ, и его свирѣпый смѣхъ какъ эхо передался «нечистой» публикѣ - и воздухъ задрожалъ отъ неистоваго смѣха толпы.

А «лордъ» стоялъ одинъ по срединѣ пристани въ костюмѣ арлекина, открытый для всѣхъ, оцѣпенѣвшій, со стиснутыми и оскаленными зубами, зеленый и злой, какъ Василискъ.

Все это, вѣроятно совершилось въ нѣсколько секундъ, но для нѣкоторыхъ почитателей «лорда» онѣ показались вѣчностью. Наконецъ, повидимому, небо сжалилось надъ «лордомъ». Полилъ сильный дождь и отвлекъ вниманіе толпы отъ «лорда». Почитатели тоже пришли въ себя, окружили «лорда», подхватили его подъ руки, довели до кареты и спрятали его тамъ. Благодарныя и умныя англійскія лошади, видимо, и они поняли весь позоръ и ужасъ своего господина,—ловко лавируя въ толпѣ благополучно доставили его домой.

II.

Босякъ. Чрезъ день послѣ этой оказіи второй земскій молодой психіатръ, обходя вечеромъ мужское отдѣленіе, пораженъ былъ видомъ одного больного. Онъ лежалъ въ особой комнатѣ, на койкѣ, въ чемъ мать родила, навзничь и вытянувшись во весь свой огромный ростъ. Голова его упиралась въ изголовье кровати, а ступни заходили за спинку кровати.

Богатая, волнистая и съ значительной просѣдью шевелюра покрывала большой черепъ больного. Обрамленное нерѣдкой и также съ просѣдью бородой, лицо больного, испещренное глубокими складками, говорящими о томъ, что этотъ человѣкъ когда-то долго и напряженно мыслилъ,—было правильно, энергично и красиво. Вся голова больного напоминала голову льва. Грудь была высокая. На ней сложены были руки. Огромные мускулы на плечахъ и ногахъ выдѣлялись крупными валиками и свидѣтельствовали о необыкновенной силѣ больного

Все тѣло больного во многихъ мѣстахъ покрыто было кровоподтеками недавняго происхожденія и казалось мраморнымъ. Больной лежалъ съ закрытыми глазами, тяжело дышалъ и, повидимому, дремалъ.

При приближеніи доктора онъ открылъ глаза, внимательно на него посмотрѣлъ и пробасилъ:

— Однако, вы, докторъ, ловко воспользовались замѣшательствомъ толпы, спрятали «осла» въ карету и велѣли рыжему англичанину поскорѣй убрать этого противнаго урода съ глазъ толпы .. Что за чудныя лошади у этого анаѳемы. Онѣ умнѣе его и унесли его, какъ птицы.

По моему, пожалуй, съ вашей стороны была излишня эта предосторожность. Вы видѣли, что толпа была въ моей власти, а я ничего не хотѣлъ для этой гадины, кромѣ позора...

— Но что за лошади!—восторгался больной.—Я—знатокъ лошадей и любитель!.. Рекомендуюсь: Пастуховъ, бывшій потомственный почетный гражданинъ г. N., а теперь босякъ и сумасшедшій. Прошу любить и жаловать.

Не бойтесь: я фальшивый сумасшедшій, хотя и не по своей надобности, но и мнѣ не безвыгодно. Я здѣсь неоднократно проживаю и не разъ изъ-за этого дурака...

— Да садитесь, докторъ, вотъ сюда,—поворачиваясь на бокъ, прикрываясь одѣяломъ и очищая мѣсто на кровати, говорилъ больной по-неволѣ.

— Не стѣсняйтесь. Сегодня я въ ударѣ, болтливъ и могу разсказать много полезнаго для вашего ума и для сердца. Вамъ это пригодится, можетъ быть, для экспертизы, а можетъ быть, и для чего нибудь другого.

— Впрочемъ, судиться со мной «лордъ» не будетъ и на дуэль не вызоветъ, иронически улыбаясь, говорилъ больной. Что съ дурака взять? Самъ дуракъ будешь. Такъ, безъ сомнѣнія, объясняютъ блюдолизы «лорду» мое похожденіе, а за угломъ смѣются...

Охъ, какъ подлъ человѣкъ! Есть-ли что подлѣе человѣка докторъ?.. Можетъ-ли онъ сравниться въ честности съ лошадью?.. Ахъ, милыя!.. Милыя красавицы, разумницы! И эти чуд-

ныя созданія Божьи возить такую гадину,—вдругъ дико пробасилъ богатырь, всплеснулъ руками, закрылъ глаза и замолчалъ.

* * *

Дикій возгласъ больного былъ страненъ и подозрителенъ.

Но вскорѣ больной опять открылъ глаза и какъ-то недоумѣнно спросилъ врача

— А не видали-ли вы, докторъ, какъ сію минуту тутъ промчался табунъ*) чудныхъ лошадей съ мышами въ гривахъ?

— Нѣтъ!--отвѣтилъ докторъ.

— Въ такомъ случаѣ—начинается! Это— черти, г. докторъ. Я начну теперь съ ними воевать. Я очень часто воюю или съ чертями, или съ «лордомъ». Съ «лордомъ»—насмѣшками, а съ чертями—поворотомъ мыслей на другую линію.

-- То-есть, отвлеченіемъ вниманія—пояснилъ докторъ.

Вотъ, вотъ! Правильное слово, г. докторъ!—обрадовался больной —Теперь у меня въ головѣ начнутъ роиться черти и гудѣть по пчелиному. Это всегда такъ бываетъ у меня послѣ перепоя.

Посидите пожалуйста, докторъ. Помогите мнѣ дать чертямъ первое сраженіе. Они терпѣть не могутъ презрѣнія, т. е. какъ вы выражаетесь: отвлеченія вниманія. Стоитъ, напримѣръ, мнѣ завести разговоръ съ кѣмъ-нибудь, и черти прекращаютъ свои шутки..

Охъ проклятые! Какъ они иногда надоѣдаютъ и пугаютъ, подлые!

— А скажите, г. Пастуховъ: какіе черти васъ побили такъ?—вдругъ оборвалъ больного врачъ, чтобы отвлечь его отъ чертей и поставить его на реальную почву.

— Ха, ха, ха! весело забасилъ больной —Самъ.. самъ избилъ себя въ изступленіи ума! какъ говорятъ черти, которые такъ размазали меня... Ну, да и имъ досталось на орѣхи Будутъ помнить Пастухова до новыхъ вѣниковъ!.. Почетнаго гражданина надо вести въ сумасшедшій домъ съ почетомъ, а не съ побоями,—иронизировалъ больной.

— Сколько разъ внушалъ я это дуракамъ, вотъ этимъ,—показывая свой огромный кулакъ, говорилъ больной.—Многихъ изувѣчилъ и все неймется!

.. Не жалуетъ меня полиція, а я къ ней всей душой!—саркастически шутилъ богатырь, но вдругъ остановился, лицо омрачилось и поблѣднѣло.

— Да... шутомъ считаютъ Пастухова.. Шутомъ онъ сталъ!—печально заговорилъ богатырь.—Что жъ? Пожалуй, люди правы, потому что Пастуховъ тѣшитъ почтеннѣйшую публику, скоморошествуетъ,—медленно тянулъ богатырь и какъ-бы бичевалъ себя.

---

*) Характерныя галлюцинаціи „бѣлой горячки", большею частью множественныя и часто мѣняющіяся въ содержаніи.

— Какъ вамъ, напримѣръ, нравится, г-нъ докторъ, слѣдующее свинство Пастухова? — быстрѣе и презрительнымъ тономъ заговорилъ богатырь. Есть здѣсь женскій монастырь. Есть въ немъ настоятельница, матушка М. Была она красавицей. Большая умница, породистая.

Была петербургской львицей, прожигательницей жизни, погубила много людей дѣльныхъ и не дѣльныхъ и, наконецъ, такъ проштрафилась, что ее сослали сюда въ монастырь.

Теперь она съ виду кающаяся Магдалина, но «озлобленіе плоти» еще продолжается у нея и она укрощаетъ ее .. съ умомъ.

Я это доподлинно знаю, но монашекъ держитъ она крайне строго и зло преслѣдуетъ въ нихъ «тѣлесное озлобленіе», конечно, изъ зависти къ молодости и красотѣ.

Это фарисейство и злодѣйство озлобило меня, и я придумалъ штуку оскандалить Магдалину и ожесточить ея «тѣлесное озлобленіе»· Я знаю ея вкусы.

Я сметалъ себѣ изъ разноцвѣтныхъ полосъ балахонъ, съ небольшими между ними промежутками, грѣшное вымазалъ себѣ тѣло и лицо красной краской, убралъ ноги и голову разноцвѣтными перьями, какъ это дѣлаютъ американскіе краснокожіе, и раненько, въ храмовой праздникъ прокрался, закутавшись въ пальто, — въ церковь и спрятался тамъ за дрова, за печкой.

Сижу и жду, пока церковь наполнится богомольцами. Вижу: собрались власти, знать, и Магдалина заняла свое мѣсто.

Тогда я съ быстротой дикаря шасть впередъ и вытянулся передъ Магдалиной во весь свой ростъ.

Началъ молиться на нее, низко ей кланяясь и говоря: «богиня моя, радость моя, владычица моя, все возвышая голосъ, — свѣтъ очей моихъ! Не отвергай моей любви! Полюби меня!»

Вы думаете: растерялась, сконфузилась? Ни мало! Встала, выпрямилась, стала такая стройная, пышная, гордая, нахмурила свои брови соболиныя; глаза заискрились, окинула меня уничтожающимъ взоромъ и сказала тихо и рѣзко окружающимъ монахинямъ: «убрать!»...

А я остолбенѣлъ, смотрѣлъ на нее удивленно, дрожалъ и почувствовалъ въ ней дѣйствительно богиню властную и мощную...

Двѣ рясофорныя монахини взяли меня подъ руки и вывели меня, какъ несчастнаго ягненка, вонъ изъ церкви ..

Такого стыда я больше никогда не чувствовалъ... Вотъ баба! Такихъ бабъ я не видывалъ больше . Король-баба!...«Медвѣдица», — съ восхищеніемъ потрясая головой, пробасилъ богатырь и замолчалъ.

— Ахъ, подлые! . Опять! возвышая голосъ, сказалъ больной, во что-то испуганно всматриваясь. — Видѣли? видѣли? Пролетѣла стая пестрыхъ птицъ съ кривыми носами. Это они!..

Нѣтъ, дудки. Теперь имъ не одолѣть меня. Это они дѣлаютъ партизанскій наскокъ. Въ открытый бой не посмѣютъ вступить. Я чувствую, что хмѣль изъ меня выходитъ, и я углубился въ себя...

Отъ чертей не отдѣлаешься ни крестомъ, ни перстомъ, а развѣ критикой, что-ли, докторъ,—улыбаясь, спрашиваетъ богатырь.

— Не оставляйте меня, докторъ, одного. Сдѣлайте такую Божескую милость. Это вамъ зачтется на небеси. Позвольте мнѣ продолжать съ вами разговоръ и тѣмъ побѣдить чертей.

Позвольте мнѣ-хотя-бы продолжать рѣчь о моемъ шутовствѣ, говорилъ съ горечью богатырь, и объяснить вамъ мои похожденія съ «лордомъ».

Вы знаете эту фитюльку. Самъ Богъ заклеймилъ его, какъ Каина. А сколько гордыни, сколько презрѣнія къ людямъ! И онъ показываетъ его во всемъ. Онъ заставляетъ чувствовать всѣхъ это презрѣніе своими перчатками, штиблетами, лакейскими ливреями, своими собаками...

Зачѣмъ и за что? По какому праву?

Чтожъ? Его мать родила его иначе, чѣмъ моя родила меня? Ходитъ онъ на головѣ? Ѣстъ... золото?—сурово бичевалъ богатырь «лорда». Уменъ онъ? Пригожъ? Оказалъ заслуги отечеству, человѣчеству? продолжалъ свирѣпѣть богатырь.

— Отнимите у него богатство, что останется отъ него? Знатность? Но этому товару цѣна на биржѣ—грошъ ломаный!

«Лордъ» по природѣ своей—ничтожество! А сколько гордыни, спеси, презрѣнія къ людямъ!

За это всѣ его ненавидятъ, даже прихлебатели, конечно, и я больше всѣхъ, и по праву сумасшедшаго—я его судья и палачъ!

И вы видѣли: публика признала за мной это право и одобрила меня.

...И я его изведу *). Пусть гноятъ меня въ сумасшедшемъ домѣ. Такъ угодно начальству и Богу.

И, можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ—сумасшедшій. На меня находятъ такія ужасныя состоянія, что я топился, давился и все неудачно. Можетъ быть, Богу нужны мои мученія.

Вы, докторъ, любите дѣтей? вдругъ печально оборвалъ свою рѣчь больной.

И не любите, не заводите привязанностей, иначе сдѣлаетесь босякомъ!..

---

*) И извелъ. Вскорѣ послѣ злополучнаго Вербнаго Воскресенія „лордъ" уѣхалъ за границу. Быстро ликвидировалъ почти за безцѣнокъ свои имущественныя дѣла въ Россіи. Отказался отъ нея, отказался даже отъ вѣры, принявъ католичество, сдѣлался ханжой и іезуиты потомъ обобрали его почти до нитки.

Знаете-ли, какъ я сдѣлался босякомъ? Нѣтъ? Такъ слушайте, вы видѣли внизу шестиэтажную мельницу? Это была — моя мельница. Самъ ее выстроилъ и оборудовалъ. У меня было десять буксирныхъ пароходовъ съ сильнѣйшими машинами.

У меня были въ городѣ лучшіе дома, лучшіе рысаки, лучшій выѣздъ. Мои красавцы и красавицы брали на бѣгахъ призы, — видимо, съ любовью вспоминалъ богатырь о послѣднихъ.

Я былъ городскимъ головой, губернскимъ гласнымъ, и меня слушали не только въ городской думѣ, гдѣ вахлаки, но и въ губернскомъ собраніи, гдѣ бывали умные и образованные господа. Въ затруднительныхъ случаяхъ смотрѣли на меня, и я часто вязалъ и развязывалъ. Я говорилъ съ министрами, съ Царемъ. Самолично и собственноручно я писалъ докладныя записки. И все у меня выходило ладно и складно.

А вѣдь я пришелъ въ городъ лапотникомъ, почти ребенкомъ, носилъ у хозяина сначала лоханки, чистилъ ему сапоги, но съ лѣтами приноровился былъ имъ къ дѣлу, на мельницѣ; двадцати двухъ лѣтъ имѣлъ отъ хозяина-старика полную довѣренность, на зло старымъ приказчикамъ, улучшалъ хозяйское дѣло не по днямъ, а по часамъ. Все и вся держалъ въ уздѣ.

Зналъ хлѣбное дѣло въ лучшемъ видѣ. Работалъ какъ волъ: днемъ на мельницѣ, на биржѣ, а вечеромъ занимался самообразованіемъ. Изучалъ со студентомъ грамматику, у каллиграфовъ учился каллиграфіи, читалъ затѣмъ классиковъ, зналъ наизусть Пушкина, Лермонтова, зачитывался Бѣлинскимъ, слѣдилъ за текущей литературой и толстыми журналами, говорилъ и спорилъ со студентами до головокруженія; изучалъ книжки о народномъ богатствѣ и о распредѣленіи богатствъ, изучалъ финансовое право, изучалъ литературную рѣчь. И все у меня спорилось и ладилось.

Старику внушилъ я завести буксирные пароходы, доказывалъ ему всю ихъ для дѣла выгоду, внушилъ завести на мельницѣ новыя машины. Вскорѣ бездѣтный старикъ, привязавшійся ко мнѣ, какъ къ сыну, взялъ меня къ себѣ въ компанію.

Распускался и цвѣлъ я какъ маковъ цвѣтъ. Женился я на красавицѣ по любви, съ удивительнымъ и преданнымъ сердцемъ и не на безприданницѣ. Родились у насъ дѣтки, — красная парочка: баранъ да ярочка. Они росли, крѣпли, хорошѣли и радовали наше сердце.

Сынъ первымъ кончилъ въ Московской практической академіи. Два года изучалъ коммерческое дѣло за границей и возвратился серьезнымъ образованнымъ коммерсантомъ съ широкимъ размахомъ. Сталъ правой моей рукой, дѣльнымъ коммерсантомъ въ огромномъ дѣлѣ, которое старикъ давно продалъ мнѣ въ собственность и которому я давно до конца своей славы все выплатилъ до копеечки. Во всемъ везло мнѣ непомѣрно.

Сынъ во всемъ меня радовалъ. Составлялъ мою высшую утѣху, посланную мнѣ Богомъ. Я не могъ наглядѣться на него. Онъ съ полуслова меня понималъ и угадывалъ мои мысли. Я всюду его выдвигалъ и онъ блестяще оправдывалъ мои надежды. Онъ составлялъ мою гордость и славу.

Я поручалъ ему биржевыя дѣла и онъ быстро въ нихъ разбирался и ни разу не дѣлалъ промаху, а наоборотъ, шире охватывалъ дѣло, чѣмъ я.

Всегда серьезный, скромный и благовидный онъ удивлялъ стариковъ своей коммерческой смекалкой.

Мы гремѣли по Волгѣ и я былъ тузъ въ коммерческомъ мірѣ. Меня уважали и наше слово цѣнили на вѣсъ золота.

Но вдругъ, стопъ машина! и фортуна повернулась ко мнѣ хвостомъ...

* * *

— Сперва заболѣла сыпнымъ тифомъ жена, — продолжалъ богатырь. — Дочь не отходила отъ матери ни днемъ, ни ночью. Не пила, не ѣла, не спала. Ходила высокая, стройная, молчаливая, съ неподвижнымъ взглядомъ, блѣдная, какъ лунатикъ. Никого не слушала: ни отецъ, ни братъ не могли уговорить ее отдохнуть... Сама заболѣла тѣмъ-же тифомъ и свалилась... Мать не вынесла и умерла...

Охъ, тяжелъ былъ ударъ! Но вынесъ его мужественно, какъ подобаетъ такому дюжему мужчинѣ, какъ я..

Но бѣда неприходитъ одна. Умерла и дочка моя...

Помню: лежитъ она въ гробу вся въ цвѣтахъ, сама чудная, какъ бѣлая лилія. Лицо такое строгое, покойное.

— Лежитъ она, бѣлая, цѣломудренная голубка моя, — живописалъ больной блѣдный, какъ полотно, судорожно дыша и едва удерживаясь отъ рыданій.

Этого уже не могъ я вынесть. Душа моя застыла. На сердцѣ лежалъ тяжелый камень. Весь отяжелѣлъ я и ослабъ, какъ малый ребенокъ. Чувства притупились. Я смотрѣлъ, слушалъ, а понималъ мало..

Не помню, какъ хоронили дочку. Не помню сколько лежалъ я, какъ пластъ, какъ дерево. Тупо я относился къ ласкамъ, слезамъ, къ отчаянію моего милаго, сердечнаго сына.

Наконецъ очнулся я. Руки и ноги какъ-бы размягчились. Чувствовать я сталъ острѣе и больнѣе.

Но появилась тоска. Ухъ какая лютая и злая!

Я сталъ ѣздить на могилы моихъ покойницъ. Ложился тамъ ничкомъ, вылъ бѣлугой, рылъ землю, смачивалъ ее слезами, цѣловалъ ее, цѣловалъ цвѣты и мнѣ становилось легче. За мной слѣдили неотступно сынъ и старикъ хозяинъ.

Старикъ утѣшалъ меня, напоминалъ мнѣ судьбу Іова и предлагалъ молиться вмѣстѣ съ нимъ древнимъ угодникамъ.

— Молись, отецъ, молись! — поддерживалъ сынъ.

И старикъ увозилъ меня въ свою моленью. И тамъ, запершись, мы молились передъ складнями святыхъ мучениковъ, угодниковъ Божіихъ и въ присутствіи изображеній великихъ страдальцевъ и поборниковъ «древляго благочестія», горячо молились, крѣпко Душа моя отрѣшалась отъ всего земного.

Начетникъ читалъ выразительно удивительныя, трогательныя молитвы. Онѣ согрѣвали мою душу, поселяли въ ней миръ и отраду. Я отдыхалъ, успокаивался и, наконецъ, успокоился и примирился съ неизбѣжнымъ и неотразимымъ.

Сынъ, видимо, тоже тяжело страдалъ но никому не показывалъ вида. Онъ только похудѣлъ, поблѣднѣлъ, сталъ еще серьезнѣй.

Не говоря другъ съ другомъ о нашихъ чувствахъ, мы съ азартомъ, съ ожесточеніемъ бросились въ дѣло, чтобы какъ-либо забыться, чтобы, по вашему, «отвлечь вниманіе», —проговорилъ больной съ горькой улыбкой.

Мы все расширяли и расширяли дѣло, наладили его съ заграничными фирмами и года полтора со времени нашего несчастія начали съ ранней весны надстраивать шестой этажъ мельницы,—проклятый этажъ! Онъ былъ нашей гибелью и окончательнымъ моимъ крушеніемъ! Сынъ, осматривая постройку, свалился съ лѣсовъ и разбился на смерть!..

— Когда объ этомъ мнѣ сказали, отъ ужаса я сначала присѣлъ, какъ перепуганная птица, а когда увидѣлъ я страшные смертныя останки сына, во мнѣ вдругъ что-то порвалось, перевернулось. Я ошалѣлъ, въ меня втерся какой-то бѣсъ разрушенія, злорадства.

Я дико хохоталъ, бѣсновался, богохульствовалъ, кричалъ: все рушь, все уничтожай, жги мельницу! Перебилъ всѣхъ окружающихъ.

Въ конторѣ произвелъ полный разгромъ: перебилъ столы, конторки, шкафы, перервалъ счета, перепортилъ и разбросалъ книги.

Потомъ вскочилъ безъ шляпы на рысака, бѣшенно погналъ его домой, всю дорогу понукалъ и билъ кучера по спинѣ.

Какъ бѣшенный ворвался въ домъ, разрушилъ въ немъ все цѣнное, злорадно уничтожилъ портреты—жены, дочери, сына, свой собственный, раскрылъ несгораемый шкафъ, перервалъ въ немъ цѣнныя бумаги, документы, всѣ наличныя деньги и сжегъ все въ каминѣ..

Какъ-будто немного полегчало, но бѣсъ еще сидѣлъ во мнѣ, подмывалъ и гналъ меня куда-то. Я вышелъ изъ дому и побѣжалъ пѣшкомъ на пристань. Взошелъ на стоявшій тамъ мой буксиръ, велѣлъ разводить пары и все торопилъ. скорѣй и скорѣй!

Не могъ посидѣть на мѣстѣ. Все ходилъ и ходилъ по палубѣ. Внутри было какое-то волненіе, нетерпѣніе. Что-то нудило меня дальше и дальше. Что-то и куда-то меня гнало.

Видно, я былъ таковъ, что никто не смѣлъ спросить меня о сынѣ и его похоронили безъ меня... съ честью.

Наконецъ, буксиръ приготовили.

— «Куда?» - спросили.

— «Полнымъ ходомъ въ Нижній!»—отвѣтилъ я...

Какъ шальной я бѣгалъ по палубѣ и все понуждалъ.

— «Скорѣй! Не жалѣй дровъ!»

— Буксиръ трясся всѣмъ корпусомъ и летѣлъ, какъ только могъ.

Матросы и капитанъ испуганно смотрѣли на меня, а я командовалъ.

— «Скорѣй и скорѣй! Вали дровъ!.. Не жалѣй хозяйскаго добра!»

Какъ не разорвало буксиръ и какъ онъ не наскочилъ ни на что,—я не знаю!

И я желалъ этого. Бѣсъ разрушенія во мнѣ внушалъ мнѣ: «рушь, уничтожай все! Бѣги и бѣги скорѣй, впередъ и впередъ»! Бѣсъ злорадствовалъ.

Прибыли въ Нижній. Досталъ шляпу. Нетерпѣніе, когда откроютъ биржу, меня мучило. Я метался по палубѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Наконецъ, пришелъ на биржу притворно удрученнымъ. Солгалъ, что похоронилъ сына, и объявилъ, что ликвидирую дѣла и ухожу въ монастырь, что мнѣ надо немного и пусть, кто хочетъ, покупаетъ у меня мои буксиры, мельницу и за что хочетъ, что всѣмъ обязанъ коммерческому міру и все ему уступаю.

Для проформы потужили, поохали и поахали. Но случаемъ поспѣшили воспользоваться тузы. Быстро подсчитали балансъ и предложили мнѣ цѣну безсовѣстную. Я не торговался и желалъ только скорѣе получить деньги, чтобы ихъ уничтожить, извести. А бѣсъ зудилъ:

— Рушь, уничтожай все, что тебя связываетъ съ прошлымъ.

Сердце мое ожесточилось, наполнилось злорадствомъ, окаменѣло. Я проклиналъ себя, сына, покойницъ, Бога. . А бѣсъ зудилъ.

- Такъ, такъ! Они недостойны тебя!.. Никого и ничего не жалѣй! Все рушь, все уничтожай! Не жалѣй самого себя!.. Скандалъ, позоръ самого себя!.. Срами свое общество, смѣйся надъ всѣми, попирай все! И ты будешь выше всѣхъ и тебѣ будетъ лучше и легче!..

И я запродалъ все имущество, получилъ задатокъ. И меня потянуло къ вину, къ разврату, о чемъ я прежде не имѣлъ понятія, что презиралъ... И бѣсъ потянулъ меня не въ мона-

стырь, а въ... И я пилъ тамъ день и ночь, не могъ напиться, скандалилъ, билъ зеркала, бросалъ деньги пачками, ходилъ по притонамъ, по игорнымъ домамъ и тамъ проигрывалъ деньги безъ счета. Окружилъ себя жуликами, кокотками и сорилъ деньги направо и налѣво злорадно...

Такъ начался мой первый запой... А мои прежніе товарищи, коммерческіе тузы, услышавъ о моихъ скандалахъ, о моихъ кутежахъ, говорили, что я справляю — «мальчишникъ» передъ уходомъ въ монастырь замаливать свои грѣхи и не понимали, что приходитъ мой конецъ; учитывали, можетъ быть умышленно и неумышленно, мои векселя, а я сорилъ деньги, бросалъ ихъ пачками «нашарапъ» въ Волгу... Я злорадно хохоталъ и мнѣ было весело смотрѣть, какъ люди ныряли за своимъ счастьемъ.

И никому въ голову не приходило, что я сумасшедшій. Маніакъ, вѣроятно, г. докторъ?

И вотъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда оформилась ликвидація моего дѣла, я остался голъ, какъ соколъ..

Меня даромъ отвезли на старое пепелище. Дали на дорогу тысячу рублей .. на бѣдность, а я ихъ бросилъ въ Волгу.

Въ родномъ городѣ приняли меня купцы жалостливо и теперь продолжаютъ относиться жалостливо: даютъ мнѣ деньги на водку, кормятъ, одѣваютъ и обуваютъ меня, выручаютъ меня изъ бѣды, посѣщаютъ въ сумасшедшемъ домѣ, а я пью временами запоемъ, который всегда начинается у меня страшной тоской, во время которой топился и давился и не могу умереть *).

Такъ закончилъ больной свой разсказъ.

— Теперь я выздоровѣлъ, г. докторъ! — прибавилъ больной — Благодарю васъ за участіе, но для предосторожности дайте мнѣ хлоралъ, да двойную порцію, а то не дѣйствуетъ. Не бойтесь! Опытомъ въ этомъ убѣдился! — иронически улыбнулся больной

— Не примите мой разсказъ за хвастовство. Это только «отвлеченіе вниманія», способъ леченія «бѣлой горядки» указанной мнѣ продолжительной личной практикой! — иронизировалъ больной.

III

Коленька и Митенька.

Разъ молодой психіатръ, проходя по городскому бульвару въ будній день, увидѣлъ на боковой дорожкѣ подъ развѣсистой липой мѣстнаго стараго начальника. Онъ сидѣлъ на невзрачной ветхой скамейкѣ въ поношенномъ ватномъ пальто, въ поношенной фетровой шляпѣ съ широкими полями, немного сдвинутой на затылокъ. Онъ сидѣлъ,

*) Однако, слѣдующей зимой сумѣлъ замерзнуть по дорогѣ къ кладбищу, и купцы похоронили его рядомъ съ сыномъ, что, вѣроятно, было послѣднимъ желаніемъ бѣдняги.

согнувшись и задумчиво выводилъ простой, толстой и крючковатой палкой вензеля на пескѣ.

Умное лицо старика было озабочено и грустно.

На привѣтствіе доктора старикъ поднялъ голову, ласково и оживленно улыбнулся и заговорилъ обычной своей грубоватой скороговоркой:

— А, здорово, докторъ! Давно не видались. Каково поживаешь!—Садись сюда!—шлепая всей пятерней по скамейкѣ и указывая возлѣ себя мѣсто доктору, говорилъ ласковымъ тономъ начальникъ.—Будь сосѣдомъ . Потолкуемъ!..

— Слышалъ, слышалъ! Преуспѣваешь! Дамы отъ тебя безъ ума!—шутилъ старикъ.

— Говорятъ, что пріятно лечишь нервы,—коварно посматривая на своего фаворита, балагурилъ генералъ. Ну, что нервы «лорда»?

— А, впрочемъ, какой чертъ, это лордъ? Онъ скорѣе Донъ-Кихотъ, да еще глупый и подлый доносчикъ, чего въ Донъ-Кихотѣ Сервантеса не было»,—презрительно махнулъ рукой генералъ

— «Вотъ, комиссія, Создатель!», ударяя себя по бедрамъ, съ досадою говорилъ генералъ.—Придется, видно, обоихъ держать для общественнаго спокойствія въ сумасшедшемъ домѣ:— «лорда» за глупость, а Пастухова за сумасшествіе! Вѣдь Пастуховъ—сумасшедшій? Какъ ты думаешь?—вдругъ поставилъ вопросъ генералъ.

— Да!—отвѣтилъ докторъ. И даже крайне интересный!—прибавилъ онъ и сталъ подробно и живо излагать похожденіе и жизнь Пастухова въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Старикъ, понуривъ голову, внимательно слушалъ доктора и временами вставлялъ: «да,.. да!.. Все это было, все это правда!» Затѣмъ зашепталъ онъ скороговоркой.

— Я всегда считалъ Пастухова сумасшедшимъ... Не можетъ здоровый человѣкъ такъ поступать! Его поступки всегда были такъ странны, необычны, неожиданны, что всегда заставляли здоровыхъ людей теряться,.. исключая, конечно, матушки М

Ее ничѣмъ не сразишь, ничѣмъ не удивишь!.. Ухъ какъ опытна, умна и оборотиста, шельма!—прибавилъ генералъ съ паузой, коварно улыбаясь и какъ бы что-то припоминая

— Странное положеніе себѣ создалъ этотъ Пастуховъ!—разводя руками и качая сѣдой головой, продолжалъ генералъ

— Ему не мѣсто ни въ тюрьмѣ, ни въ сумасшедшемъ домѣ, ни въ обществѣ! вдругъ остроумно и мѣтко опредѣлилъ человѣка старикъ.

— Пойдемъ ко мнѣ чай пить!—продолжалъ старикъ, вставая и ухвативъ доктора за рукавъ... На балконѣ! Тамъ у меня хорошо... Тамъ даже вольныя мысли раждаются! ехидно, грозя доктору пальцемъ и улыбаясь, говорилъ старикъ.

Старикъ зашагалъ своей развалистой и небрежной походкой, нагнувши нѣсколько впередъ свою большую голову, заложивъ свои некрасивыя руки на спину и вертя въ нихъ свой крючекъ, не поправивъ своей шляпы, не застегнувъ своего поношеннаго пальто и не походя совсѣмъ на начальника.

Шелъ онъ задумавшись, не обращая ни на что вниманія и, видимо, желалъ чтобы и на него не обращали вниманія, отвѣчая на привѣтствія, прикладывая руку къ своей неважной шляпѣ и нерѣдко перекидываясь съ докторомъ шутливыми репликами.

Наконецъ, достигли балкона начальника, гдѣ по времени давно его ожидалъ большой самоваръ, такой-же неказистый и простой, какъ хозяинъ, — но привѣтливо кипѣвшій.. Сѣли. Самъ начальникъ запросто, по студенчески налилъ два стакана чаю.

— «Вотъ,—сахаръ, сухари, сливки, ромъ», подавая все это доктору, заговорилъ хозяинъ.—Не такой мудренный. какъ у лорда, но быка свалить, — подливая рому, себѣ и доктору смѣло и на глазъ, рекомендовалъ свой напитокъ старикъ.

— Ты это хорошо сдѣлалъ, что не разболталъ исторію о носѣ лорда... Молодецъ! Не по-мужицки поступилъ—вдругъ расхохотался старикъ.—Я то знаю эту исторію... Все долженъ знать!—ласково хлопая по плечу доктора, говорилъ старикъ

— Посмотри-ка, какъ у меня тутъ хорошо Хоть Царю жить!—показывая на Волгу, на луговую ея сторону, на виднѣющіеся вдали лѣса противоположнаго берега Волги, на пристань, съ ея человѣческимъ муравейникомъ съ восторгомъ говорилъ старикъ.

Внизу птички поютъ, соловьи щелкаютъ.. Прежде молодые люди и дѣвицы пѣли, да теперь, должно-быть ихъ распугали,—съ ироніей прибивилъ—старикъ.

— И вотъ все это надо оставить, забрать мундиръ, бѣлье, штаны, треуголку и ѣхать въ Питеръ... Да, черта-ли въ немъ хорошаго лѣтомъ? сердился старикъ.

— Да, нельзя ли Питеръ по боку?—попадая въ тонъ, спросилъ докторъ.

— Нельзя... никакъ нельзя!—отвѣчалъ старикъ. - «Митенька» вызываетъ —Ты, говоритъ, купчихъ щупаешь.

Это, говоритъ, не губернаторское дѣло!.. Травосѣяніемъ не занимаешься ..

У тебя всходы плохи...

Ты, говоритъ:—лежебока!.. Обязанностей своихъ не исполняешь...

Вотъ, что пишетъ Митенька!. Непремѣнно, говоритъ, пріѣзжай!.. Покалякать надо, да и старину вспомнить! пишетъ Митенька.

А «Митенька» былъ не кто иной, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д А Толстой, всесильный тогда министръ,

другъ и пріятель начальника, однокашникъ его по лицею и самый близкій товарищъ его дѣтства.

По словамъ начальника, оба они отличались отъ всѣхъ своихъ товарищей по характеру и по отношенію къ занятіямъ. «Краткія» науки, которыя имъ преподавались, по словамъ начальника,—они углубляли и расширяли.

Толстой всегда отличался, по словамъ начальника, необыкновенной серьезностью, глубиной характера, своей прямолинейностью и въ чемъ разъ убѣждался, своротить его никто не могъ до тѣхъ поръ, пока самъ не разубѣждался. На товарищей онъ имѣлъ подавляющее вліяніе въ особенности въ старшихъ классахъ. Никто не смѣлъ въ его присутствіи говорить объ оргіяхъ, объ амурныхъ приключеніяхъ, карьерѣ. - Его всѣ боялись за его ѣдкій языкъ и сарказмы. Рѣдко онъ съ кѣмъ сходился, но къ кому привязывался, защищалъ того до послѣдняго издыханія, хотя-бы въ томъ и обнаружились впослѣдствіи недостатки.

Къ такимъ товарищамъ относился и нашъ генералъ. Въ лицеѣ ихъ сблизило серьезное отношеніе къ научнымъ знаніямъ. Толстой съ старшихъ классовъ съ головой окунулся въ исторію. Начальникъ много занимался словесностью и соціальными науками и думалъ пойти по ученой части, какъ его старшій братъ И. Е. А., извѣстный профессоръ с.-петербургскаго университета и общественный дѣятель.

Общность занятій сблизила молодыхъ людей до чрезвычайности, но впослѣдствіи нашъ генералъ сталъ большимъ буршемъ и скептикомъ, началъ перецѣнивать всѣ цѣнности и осмѣивать ихъ, но обладалъ умомъ крупнымъ острымъ и критическимъ. И все-таки «Коленька и Митенька» остались нѣжными друзьями до гробовой доски, цѣнили и понимали другъ друга до тонкости.

Вскорѣ, собравъ пожитки, т. е захвативъ съ собой на всякій случай: мундиръ, бѣлье, штаны и треуголку, «Коленька» поѣхалъ къ «Митенькѣ».

Пробылъ онъ въ Питерѣ что то долго и «умышленно», чтобы пропустить «періодъ травосѣянія», какъ говорилъ начальникъ впослѣдствіи обычному своему собесѣднику молодому психіатру, къ которому, повидимому, былъ привязанъ и съ которымъ былъ нараспашку.

— Ты, говорилъ старикъ,—мужикъ острый, проницательный, начитанный и безъ предразсудковъ; всякую штуку понять можешь. Съ тобой душу можно отвести и молодость свою вспомнить. Это вѣдь чрезвычайно дорого. Послѣ самъ объ этомъ вспомнишь, когда старикомъ будешь...

— Вотъ, былъ я въ Питерѣ,—задумчиво продолжалъ старикъ. Видѣлъ «Митеньку»... Обрадовались мы другъ-другу до чрезвычайности... А вѣдь, что насъ соединяетъ?—Пролетѣвшая

молодость! —Соскучился по тебѣ и выписалъ, благо провинился, смѣялся «Митенька».

— А, ну-ка, ваше превосходительство объясните мнѣ: какъ вы купчихъ щупаете въ своей губерніи? «Вздоръ!» — говорю я. «Какъ вздоръ?» —говоритъ Митенька. У меня, говоритъ, бумага есть, подписанная многими дворянами во главѣ съ тайнымъ совѣтникомъ С. Хочешь? Покажу!

Господа дворяне возмущаются твоимъ амикошонствомъ съ купцами, пишутъ, что у купцовъ справляешь именины, крестины, родины, похороны, что ты на свадьбѣ именитаго купца поцѣловалъ очень ужъ яровитую купчиху, что ты разъ преосвященнаго назвалъ «молодцомъ», что ты разъ замѣшкавшемуся хору крикнулъ: «что вы, дурачье? Валяй!

— Да вѣдь это подлый и гнусный доносъ написанный С. и его прихлебателями! — вскричалъ я.

— И я то-же думаю,— замѣтилъ «Митенька». - И въ этой «подлости и гнусности» доноса заключается твое спасеніе! Государь не терпитъ такихъ доносовъ и я не буду Ему докладывать объ этомъ доносѣ, если только доносъ не дойдетъ до Него инымъ путемъ.

* * *

Въ сущности говоря, факты въ доносѣ изображены были въ большинствѣ случаевъ вѣрно.

Начальникъ держалъ себя вольно, не терпѣлъ никакихъ церемоній, не признавалъ «хорошаго тона», «валялъ» всегда прямо и рѣзко, рубилъ правду съ плеча и былъ всегда оригиналенъ.

Выводилъ невѣждъ и спесивыхъ дураковъ на чистую воду остроумно и безъ пощады. Былъ всѣмъ чрезвычайно и равно доступенъ.

Не вмѣшивался ни въ какое общественное дѣло, видѣлъ даже въ этомъ главное свое достоинство и говорилъ, что жизнь умнѣе и знаетъ больше его.

Но нельзя сказать, чтобы онъ сторонился отъ жизни. При открытіи губернскихъ земскихъ собраній всѣ назрѣвшіе вопросы жизни онъ ставилъ смѣло, освѣщалъ ихъ широко и съ свойственными и ему мягкостью и остроуміемъ.

За презрѣніе и пренебреженіе къ «хорошему тону» дворянство не любило его, но уважало его умъ и дѣловитость. Зато купечество и низшіе слои души въ немъ не чаяли за его доброжелательство, за полезныя указанія и начинанія и за всегдашнюю готовность помочь людямъ дѣломъ, словомъ и своимъ высокимъ вліяніемъ.

Съ земствомъ онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, оказывалъ ему покровительство. И въ земствѣ онъ видѣлъ залогъ общественнаго развитія.

IV

Общественные вопросы и высокія клизмы. Общественной жизни, какъ она понимается въ культурныхъ странахъ, въ г. N. не было, какъ ея нѣтъ почти нигдѣ и теперь у насъ. Большинство общественныхъ группъ не знало общественныхъ вопросовъ да и не знало, какъ къ нимъ приступить. Въ обществѣ не было вкусовъ и достаточной подготовки для рѣшенія этихъ вопросовъ.

Общественные вопросы были въ руцѣхъ Божіихъ.

Они были забронированы и составляли да и составляютъ, пожалуй, до сихъ поръ запретный «табу»

Всякая группа говорила себѣ: «моя хата съ краю,—я ничего не знаю». Такъ было, конечно, спокойнѣе Всякій заботился только о себѣ и замыкался въ свою скорлупу, какъ улитка.

Была глубокая вѣра въ Провидѣніе, вѣра, что Господь за всѣхъ позаботится, все провидитъ и что все само образуется.

Адвокаты горячо спорили о сенатскихъ рѣшеніяхъ, изловчались въ казуистикѣ, хотя никто не стоитъ такъ близко къ жизни, какъ они.

Врачи въ своемъ обществѣ до хрипоты спорили, какъ лучше лѣчить насморкъ, старались подсидѣть другъ друга, по обыкновенію, много спорили о врачебной этикѣ и судили другъ друга третейскимъ судомъ.

Вынужденная разрозненность связывала интеллигенцію по рукамъ и ногамъ, заставляла людей мельчать, сплетничать и ломать копья изъ-за мелкаго самолюбія и изъ-за выѣденнаго яйца.

Въ клубѣ, какъ всегда, до одуренія играли въ карты, главнымъ образомъ, въ классическій винтъ. Ни винта «съ прикупкой», ни винта «съ болваномъ» тогда еще не знали.

До винта и послѣ винта за столомъ въ столовой велись оживленные споры и шелъ обмѣнъ мнѣній о бывшихъ комбинаціяхъ. Тутъ были свои виртуозы, но высшій авторитетъ въ этомъ принадлежалъ губернатору. Онъ охотно посѣщалъ клубъ, лучше всѣхъ игралъ въ винтъ и, не смотря на свое добродушіе, въ игрѣ былъ горячъ, жестокъ и безпощадно громилъ за ошибки своихъ партнеровъ, обыкновенно—прокурора, предсѣдателя суда, и военнаго генерала.

Въ отличіе отъ теперешнихъ клубовъ, можетъ быть, вслѣдствіе однородности населенія, а можетъ быть и по другимъ причинамъ клубъ былъ безсословнымъ и въ него ходили, начиная съ высшихъ чиновъ до дѣтей включительно во время вечеровъ.

Карты объединяли всѣхъ такъ великолѣпно и такъ всѣхъ захватывали, что мѣшали даже сплетничать и давали поводъ думать, что русское общество не совсѣмъ безнадежно, что оно склонно къ объединенію, когда есть предметъ объединенія, и когда онъ приходится по плечу общества.

Знатныя и незнатныя дамы, были также большія картежницы. Нѣкоторыя даже спозаранку, отпуская кухарокъ на базаръ, посылали пригласительныя записки солиднымъ партнершамъ, перебивали ихъ другъ у друга и рѣзались въ винтъ съ утра и до утра, оставляя нерѣдко мужей безъ обѣда, что, однако, не нарушало семейнаго мира, а давало мужьямъ лишь достаточное основаніе идти обѣдать въ клубъ и въ свою очередь пораньше засѣсть въ винтъ.

Ни къ какимъ революціямъ и общественнымъ смутамъ такое времяпрепровожденіе, конечно, не приводило Оно вызывало только у обывателей боль въ поясницѣ и запоры, вслѣдствіе чрезмѣрно сидячей жизни.

Врачамъ это, однако, было на руку. Эти недуги отличались хроническимъ теченіемъ. Лѣченіе возможно было только паллiативное. Радикальное лѣченіе было невозможно вслѣдствіе непреоборимыхъ соціальныхъ условій жизни, т. е. -- винта.

Стало быть, боль въ поясницѣ и запоры обывателей доставляли врачамъ постоянный кусокъ хлѣба—и заставляли многихъ врачей горячо спорить между собой и доказывать преимущество въ этихъ случаяхъ высокихъ клизмъ передъ употребленіемъ внутреннихъ слабительныхъ, что аптекарямъ, конечно, не нравилось.

Такъ какъ указанные недуги были часты и многочисленны, то споры о высокихъ клистиряхъ носили, несомнѣнно, характеръ общественныхъ вопросовъ и дѣлили общество на двѣ враждебныя партіи: одна хвалила клистиры, другая превозносила внутреннія слабительныя.

Аптекари, конечно, интриговали въ пользу врачей, прописывающихъ залежавшіеся у первыхъ слабительные порошки. Клистирники, конечно, несли отъ этого очевидный матеріальный ущербъ, но утѣшались тѣмъ, что врачебная этика у нихъ выше, чѣмъ у аллопатовъ, считали послѣднихъ шарлатанами, а шарлатаны привлекали клистирниковъ къ третейскому суду за неправильное отношеніе первыхъ къ спорнымъ научнымъ вопросамъ.

Такой общественный—modus vivendi—нарушался только земскими и дворянскими собраніями и то не во всѣхъ общественныхъ группахъ. Солидные люди говорили: «что интереснаго въ этихъ собраніяхъ и прилично-ли бонтоннымъ дамамъ слушать, какъ земцы препираются между собой о «земскихъ» жеребцахъ, о просвѣщеніи мужиковъ, о призрѣніи сумасшедшихъ и подкидышей, о больничныхъ рукомойникахъ, о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и пр.?»

Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ было интереснаго для дамъ?

Интересныхъ земцевъ было мало. Развѣ, что Н. П. К., извѣстный публицистъ, много работавшій въ «Вѣстникѣ Европы» по вопросамъ земскаго и городского самоуправленій. Но онъ былъ

уродъ, всегда нечесанный, грязный, говорилъ хриплымъ голосомъ, хотя говорилъ всегда пикантно, остроумно и могъ сдѣлать даже интереснымъ больничный рукомойникъ.

Но Н. П былъ женофобъ, большой насмѣшникъ, постоянно оскорблялъ святыя чувства бонтонныхъ дамъ и самонадѣянныхъ кавалеровъ... Короче это былъ «моветонъ» и пара губернатору.

V

Вѣдьма и Слово о полку Игоревѣ.

Могъ-ли этотъ грязный человѣкъ нравиться дамамъ? А между тѣмъ одна дама изъ общества боготворила его. Она была богата, стара, дурна, какъ смерть, молодилась, красилась, мнила себя умной и либеральной и преслѣдовала, какъ тѣнь, бѣднаго Н. П., большого почитателя изящнаго и оставившаго послѣ себя большую коллекцію дорогихъ и изящныхъ картинъ.

На земскихъ собраніяхъ она демонстративно не сводила съ него своихъ влюбленныхъ глазъ. Останавливалась въ однихъ съ нимъ номерахъ и разъ сдѣлала такъ, что ихъ номера помѣщались въ одномъ корридорѣ, имѣвшемъ одинъ общій входъ. Этой продѣлки своей преслѣдовательницы уже не могъ перенести Н. П., и затѣя стоила ей чуть не жизни.

У Н. П. былъ породистый сенъ-бернаръ,—сука по кличкѣ «Вѣдьма», которую онъ всюду съ собой возилъ. Н. П. всегда посѣщало много народу и публика знала его несчастіе. Вдругъ осѣнила его мысль и онъ въ отсутствіе своего «предмета» наклеилъ на входной двери записку съ надписью: «Вѣдьма и К—ъ».

Обожательница въ сопровожденіи бонтонныхъ пріятельницъ, которыя, конечно, между собой смѣялись надъ ней и перемывали ея косточки,—вернувшись взглянула на картинку, почувствовала всю ядовитость надписи, всю силу оскорбленія преданному сердцу, ахнула и упала какъ бы замертво.

Возмущенныя дамы такъ яростно напали на Н. П., что едва не выцарапали ему глазъ но онъ на всѣ ихъ ядовитыя обвиненія небрежно отвѣтилъ и въ то-же время оскорбилъ ихъ святыя чувства, сказавъ, что подъ «Вѣдьмой» онъ разумѣлъ не свою обожательницу, а—суку, что, въ свою очередь, заставило нѣкоторыхъ дамъ продѣлать истерическій припадокъ и на это «злодѣй» тоже не обратилъ вниманія, оставивъ дамъ въ корчахъ.

Такая безчувственность и закоснѣлость заставила дамъ потерять всякое самообладаніе, и онѣ сгоряча, по дамски написали и подали жалобу на Н. П. губернатору, называя Н. П. злодѣемъ, ловеласомъ и убійцей. Но губернаторъ на этотъ разъ галантно отвѣтилъ дамамъ, смѣясь себѣ, конечно, въ усъ, что онъ, губернаторъ, не судья этому злодѣю, ловеласу и убійцѣ и для потѣхи направилъ ихъ къ прокурору, но и тотъ по своему

безсердечію не нашелъ состава преступленія въ поступкахъ Н. П.

Такъ безрезультатно кончилась яростная дамская аттака на Н. П., въ которой бонтонныя дамы желали отомстить и сердце сорвать на злодѣѣ за всѣ его по совокупности оскорбленія ихъ святыхъ чувствъ.

Въ другой разъ онъ чуть не уложилъ въ гробъ директора классической гимназіи, заядлаго филолога бывшаго высокаго мнѣнія о своихъ дарованіяхъ и знаніяхъ, человѣка со связями и ставшаго впослѣдствіи попечителемъ казанскаго округа.

Во время одного изъ губернскихъ собраній этотъ директоръ вздумалъ отвлечь земцевъ отъ «земскихъ» жеребцовъ и познакомить земцевъ со «Словомъ о полку Игоревѣ», полагая, по своему мнѣнію, что эта тема дастъ больше уму и сердцу, чѣмъ больничные рукомойники.

Читалъ лекторъ свою лекцію высокопарно, посвящая слушателей въ необыкновенныя филологическія тонкости, восторгаясь красотами этого литературнаго памятника и глубиной своихъ филологическихъ соображеній и догадокъ. Читалъ онъ два часа безъ перерыва. Утомилъ всѣхъ и надоѣлъ всѣмъ до невозможности.

Присутствовалъ въ первыхъ рядахъ на этой лекціи и Н П. Вскорѣ онъ началъ безпокойно возиться, чесаться, потомъ засопѣлъ. Его стало неудержимо клонить ко сну, но онъ чрезъ силу сдерживался. Другіе-же давно уже спали.

Наконецъ, лекторъ кончилъ .. Непріятная пауза... Затѣмъ запоздалые апплодисменты; но тутъ вскочилъ Н. П , сталъ апплодировать и неистово кричать: «bis», браво, bis, bis!.. Мало!.. Послѣ чего, конечно, раздался гомерическій хохотъ.

* * *

Такъ—потѣшался Н. П. К., самый образованный, самый даровитый и зрѣлый гласный мѣстнаго губернскаго собранія. Конечно, это происходило отъ скуки, отъ отсутствія захватывающихъ интересовъ, которые замѣщала, тогдашняя—«вермишель», что прекрасно понималъ Н. П., сознававшій всю тщету перескочить эту вермишель. Силы прорывались наружу, направлялись и тратились на пустяки.

Были силы помоложе Н. П. Онѣ ретивѣе набрасывались на жизненные вопросы, но разбивались объ стѣну. Въ особенности памятна автору трагическая судьба одного предсѣдателя уѣздной земской управы.

Прежде онъ былъ товарищемъ прокурора мѣстнаго окружного суда. Имѣлъ большую протекцію и ему улыбалась блестящая будущность. У него были хорошія способности; у него былъ хорошо привѣшанный языкъ; онъ былъ молодъ, трудолюбивъ и хорошо образованъ; но темпераментъ имѣлъ пылкій и увлекающійся.

Онъ вообразилъ, что въ качествѣ земскаго дѣятеля можетъ принести огромную пользу мѣстному населенію. Какъ мѣстный мелкій землевладѣлецъ и по довѣренности богатой своей жены, онъ баллотировался въ гласные. Его выбрали и онъ вскорѣ показалъ себя съ лучшей стороны. Его выбрали предсѣдателемъ уѣздной управы.

Онъ обнаружилъ кипучую дѣятельность. Онъ взглянулъ въ корень вещей, заботился о развитіи школьнаго дѣла, устраивалъ ссудо-сберегательныя товарищества, артели въ своемъ уѣздѣ, гдѣ давно и въ большомъ ходу былъ кустарный промыселъ, но влачилъ скудное существованіе, вслѣдствіе несорганизованности этого промысла.

На первыхъ порахъ молодой, энергичный, способный и увлекающійся предсѣдатель сумѣлъ всѣхъ соблазнить и обворожить. Его полюбилъ и ему покровительствовалъ сильный своимъ вліяніемъ старый губернаторъ Н. Е. А., но какъ неисправимый скептикъ, смотря на благіе порывы и затѣи молодого предсѣдателя, говорилъ: «хороша Маша, да не наша... Широко шагаетъ, разорится, вылетитъ въ трубу и останется съ разбитымъ корытомъ... Предчувствую: не хорошо кончитъ, зарывается. И ничего я съ нимъ не подѣлаю: упрямъ, порывистъ... Возжа подъ хвостъ попала!»

Губернаторъ оказался пророкомъ. Кулаки, разные Колупаевы и Разуваевы скоро пришли въ себя, поняли и почувствовали, что затѣи предсѣдателя бьютъ ихъ сильно по карману. Всѣ они загалдѣли...

Начались интриги, подвохи, подкопы, грабежъ въ ссудосберегательныхъ кассахъ.

Женины средства, неосторожно затраченныя предсѣдателемъ на организацію этихъ учрежденій, таяли не по днямъ, а по часамъ... Нашли и крамолу, подрывъ «устоевъ»... Всѣ возстали противъ него, стали клевать его со всѣхъ сторонъ... Бросила его собственная жена по навѣтамъ тещи; поѣдомъ доѣдала его теща, злая, властная старуха баба—крѣпостникъ, опутавшая его векселями.

Друзья и пріятели бросили его. Всѣ мечты его разбились въ прахъ... Повѣсилъ голову человѣкъ, потерялъ вѣру въ людей, растерялся, пріунылъ и... застрѣлился.

VI

Сперанскій. Что сказать о губернской управѣ?

Есть безцвѣтныя вещи, возлѣ которыхъ какъ ни ходи, онѣ не оставляютъ впечатлѣнія и не останавливаютъ на себѣ никакого вниманія. Къ такимъ предметамъ относилась и мѣстная губернская управа.

Автору этихъ замѣтокъ довольно часто приходилось бывать въ управѣ и онъ помнитъ только, что въ управѣ всегда было много бумагъ, управа постоянно писала, переписывала, со-

ставляла реестръ исходящихъ и входящихъ, много отписывалась. Гнулись спины земскихъ чиновниковъ, перья скрипѣли усердно и неукоснительно.

Въ этомъ дѣлѣ царилъ и, какъ рыба въ водѣ, купался строгій и аккуратный секретарь, бывшій семинаристъ и консисторскій чиновникъ.

Онъ былъ человѣкъ тонкій, ласковый и обходительный со всѣми, за исключеніемъ своихъ подчиненныхъ. Съ ними онъ былъ безпощаденъ и крутъ.

Онъ получалъ 1,500 руб. жалованья, но имѣлъ солидный домъ, выѣздъ, велъ открытый образъ жизни, ѣлъ вкусно, пилъ сладко, игралъ въ карты, велъ знакомство съ богатыми людьми и въ домѣ его была полная чаша.

Откуда все это бралось,—составляло неуловимую тайну. Злые и завистливые люди говорили, что онъ былъ ласковъ и обходителенъ съ подрядчиками, поставщиками, съ смотрителемъ больницы, что для нихъ онъ устраивалъ особые вечера для дѣловыхъ переговоровъ, чтобы за чашкой чаю и за стаканомъ добраго стараго вина удешевлять земскіе заказы... Иногда, впрочемъ, онъ игралъ съ этими лицами въ стуколку и игралъ большею частью счастливо.

Такимъ образомъ, онъ умно мѣшалъ дѣло съ бездѣльемъ безъ вреда для себя и для земства. Завистливые наговоры и навѣты составляли, можетъ быть, вздоръ. Прямого отношенія къ поставкамъ и подрядамъ секретарь не имѣлъ и, слѣдовательно, все было законно.

Такъ, повидимому, смотрѣли на дѣло и многіе земцы и считали секретаря умнымъ, полезнымъ и расторопнымъ человѣкомъ. И больше ничего. А что брехали злые и завистливые люди, то «на всякое чиханье не наздравствуешься». Это было очевидно и давно установлено практикой жизни.

Предсѣдатель не чаялъ души въ секретарѣ и, благодаря ему, всегда стоялъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и безъ всякихъ хлопотъ. Къ тому-же онъ былъ человѣкъ лѣнивый, баричъ привыкшій загребать жаръ чужими руками и по старинѣ не умѣвшій обходиться безъ фактотума и няньки

Нянька была аккуратна, дальновидна, хлопотлива, рабски заботилась о своемъ барчукѣ и не подводила его Подряды и поставки выходили дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Чего-же больше было желать?

По письменной части секретарь былъ большой дока. Писалъ и отписывался быстро, толково и обстоятельно Къ губернскому собранію составлялъ и писалъ для предсѣдателя доклады —щегольски и литературно. Это ему давалось легко Не даромъ въ семинаріи онъ слылъ «Сперанскимъ» Онъ умѣлъ развить вопросъ и облупить его, какъ яичко. Оставалось только разжевать и проглотить его.

И въ этомъ секретарь помогалъ предсѣдателю, но всегда дипломатично и тонко. Передъ собраніемъ, передъ докладомъ секретарь такъ умѣлъ настрочить предсѣдателя и нафаршировать его, что послѣднему казалось, что эти мысли и фаршъ давно находились въ его головѣ.

Предварительная тренировка предсѣдателя была необходима, потому что онъ былъ не рѣчистъ, лѣнивъ, не любилъ думать и изъ юнкерскаго училища ничего, кромѣ шагистики, не вынесъ, но говорилъ всегда громко, не мямлилъ, съ апломбомъ, самоувѣренно, имѣлъ видъ внушительный, былъ высокъ ростомъ, строенъ; у него были большие и строгіе глаза, густые брови, красивый носъ, огромные холеные усы, закрученные по военному, какъ у рака; онъ любилъ дисциплину и субординацію.

Объясненія докладовъ проходили у него складно и ладно и секретарь смотрѣлъ любовно на своего фаворита, но иногда морщился, когда предсѣдатель увлекался и перескакивалъ грани, указанныя ему секретаремъ, и боялся, какъ бы въ этихъ случаяхъ предсѣдатель не споткнулся и не угодилъ въ лужу, что, однако, бывало рѣдко.

Бывало даже и такъ, что предсѣдателю иногда апплодировали и Н. П. К. иронически замѣчалъ сосѣдямъ: «какъ, чортъ возьми, что значитъ военная выправка и что значитъ имѣть умнаго ментора и умѣть подчиниться субординаціи во время!» и самъ онъ, Н. П., апплодировалъ предсѣдателю и это значило почти все,—и положеніе предсѣдателя было прочно.

На выборахъ предсѣдатель проходилъ блестяще. Это такъ его радовало и льстило его самолюбію, что въ порывѣ увлеченія онъ не забывалъ цѣловать публично въ обѣ щеки секретаря и Н. П., хотя послѣднее было и не безопасно.

Временами секретарь прихварывалъ, не бывалъ въ управѣ и тогда машина пошаливала и не дѣйствовала такъ исправно, какъ при секретарѣ. Злые люди говаривали, что эти прихварыванія и недомоганія секретаря происходили отъ перепоя.

Можетъ быть, это было и справедливо. Говорили, что секретарь временами любилъ «урѣзать» серьезно, не шутя по-семинарски съ избранными своими товарищами, однокашниками по семинаріи—съ редакторомъ мѣстнаго «Листка Объявленій», съ соборнымъ протодьякономъ и другими священослужителями.

Товарищи бражничали, веселились, вспоминали старину, прекрасно пѣли духовныя и свѣтскія пѣсни, такъ какъ прежде принадлежали всѣ къ архіерейскому хору, и пили, не жалѣя себя, такъ, что многіе ослабѣвали и ложились костьми.

Собутыльниковъ приходилось развозить по домамъ, отливать холодной водой, отпаивать кислыми щами, огуречнымъ разсоломъ, а кто былъ понѣжнѣй и деликатнѣй, тотъ пилъ сельтерскую и содовую воду, прикладывалъ на голову холодные компрессы и горчишники на затылокъ.

Къ послѣднимъ собутыльникамъ принадлежалъ и нашъ незабвенный секретарь. Онъ поправлялся дома и не ходилъ въ управу нѣсколько дней, потому что имѣлъ видъ зазорный, чувствовалъ слабость и ломоту во всѣхъ костяхъ.

При извѣстномъ возрастѣ,—а секретарь былъ уже въ солидныхъ лѣтахъ,—эти развлеченія не проходятъ даромъ и не всегда безопасны.

Въ одну изъ такихъ попоекъ описываемаго секретаря хватилъ ударъ, послѣ чего онъ на всегда остался калѣкой.

Это было крупнымъ несчастіемъ предсѣдателя и началомъ конца его правленія Управская машина окончательно испортилась, и начался управскій развалъ...

Палъ жрецъ, и померкла слава оракула. Онъ былъ повергнутъ въ прахъ и замѣненъ новымъ!

Старшій членъ управы былъ тоже парень особенный. Онъ отличался необычайной тучностью и крупнымъ ростомъ, страдалъ постоянной одышкой, имѣлъ безобразное бабье лицо, звался «мармеладкой», безъ которой не могъ заснуть и которую въ дѣтствѣ клала ему подъ подушку нянька, а въ зрѣломъ возрастѣ—жена; считался патріотомъ и больше всего на свѣтѣ любилъ рѣдьку и ѣлъ ее во всѣхъ видахъ.

Въ управѣ онъ бывалъ рѣдко, а если и бывалъ, то развалившись въ широкомъ креслѣ, только сопѣлъ, икалъ и осѣнялъ свой ротъ крестнымъ знаменіемъ Чѣмъ онъ занимался въ управѣ, автору неизвѣстно, но почтенный земецъ имѣлъ большое родство и кумовство среди гласныхъ-дворянъ.

Насколько былъ крупенъ первый членъ управы, настолько былъ малъ и невиденъ второй членъ управы, но нагулялъ все таки значительное брюшко, былъ вертлявъ и болтливъ, умѣлъ и любилъ разсказывать пикантные анекдоты былъ большой циникъ, любилъ собакъ и охоту; все лѣто ботанизировалъ и сдѣлалъ много для изученія мѣстной флоры, былъ секретаремъ дворянскаго собранія. Чѣмъ онъ занимался въ управѣ, —автору тоже неизвѣстно

VII

Больничный реформаторъ и клопы.

Третій членъ управы былъ изъ породы карьеристовъ.

Маленькій, тоненькій, худенькій съ острой лисьей мордочкой съ бѣгающими, хитрыми лисьими глазками, съ пышной красноватой шевелюрой—онъ ходилъ осторожной, вороватой походкой и производилъ на многихъ отталкивающее впечатлѣніе

Въ выраженіи лица его было что-то жестокое, безсердечное, хищное и кровожадное.

— Будь онъ выше ростомъ,—говорилъ Н. П. К.,—онъ походилъ-бы на Искаріота.

Повидимому, многое въ немъ было наслѣдственнымъ. У него былъ родственникъ,—чуть ли не родной дядя,—крупный сановникъ въ Петербургѣ. Этотъ родственникъ смолоду былъ ярымъ радикаломъ, ходилъ въ поддевкѣ, въ красной рубахѣ, въ смазныхъ сапогахъ. Съ виду походилъ на Стеньку Разина. Началъ онъ рѣчь съ «народа» и кончалъ «народомъ». Съ его языка не сходили—топоръ, вилы, кровь,—но потомъ онъ такъ великолѣпно исправился, что достигъ очень крупнаго поста и сталъ извѣстнымъ извратителемъ реформъ Александра II. Въ Петербургѣ онъ слылъ большимъ фарисеемъ, лицемѣромъ, но очень изворотливымъ и способнымъ чиновникомъ. Ему давали «серьезныя» порученія и назначали предсѣдателемъ многихъ крушительныхъ комиссій.

Нашъ герой былъ также крайне фальшивъ и двуличенъ. На земскихъ собраніяхъ онъ либеральничалъ, отстаивалъ земскіе интересы, говорилъ просто, всюду выдвигалъ напоказъ свою кажущуюся дѣловитость и освѣдомленность. На дворянскія-же собранія являлся въ дворянскомъ мундирѣ или фракѣ, горой стоялъ за сословные интересы и прерогативы, грассировалъ и поддерживалъ «хорошій тонъ»

На всѣхъ путяхъ онъ хитро подкапывался подъ предсѣдателя управы, компромитировалъ своихъ товарищей и воображалъ, что его не понимаютъ; но его понимали; въ особенности гласные-дворяне понимали, куда онъ мѣтитъ, и Н. П. К. говаривалъ: «Пока я живъ, такому жулику предсѣдателемъ не бывать»!

И это рѣшеніе у земцевъ было безповоротное.

Нашъ герой завѣдывалъ губернской больницей и тутъ онъ обнаружилъ всѣ свойства Іудушки Головлева. Прежде всего онъ развилъ шпіонство и доносы и тѣмъ развратилъ служащихъ и отравилъ ихъ существованіе.

Благодаря» шпіонству и анонимнымъ доносамъ, онъ скоро вообразилъ, что онъ находится среди каторжниковъ и бездѣльниковъ. Начались допросы и сыски. Прежде всего началось истязаніе конторы хозяйственной части и администраціи. Тутъ онъ былъ безцеремоненъ, грубъ и жестокъ. Многихъ выжилъ и посадилъ своихъ—льстецовъ и подхалимовъ.

Мучилъ себя и другихъ внезапными и продолжительными ревизіями, обставляя эти ревизіи большой торжественностью чтобы всѣ видѣли, какой онъ усердный и дѣятельный, но чаще всего гора рожала мышь.

Въ больницу онъ забѣгалъ врасплохъ, какъ лиса въ курятникъ, любилъ даже ловить клоповъ. Въ случаѣ удачи онъ завертывалъ ихъ въ бумажку и побѣдоносно приносилъ ихъ въ собраніе врачей, гдѣ серьезно ставилъ вопросъ о клопахъ.

Говорилъ по этому поводу много, ехидно, понося смотрителя, но и стараясь всякаго укусить незамѣтно. Говорилъ въ

такихъ случаяхъ вкрадчиво, осторожно, иногда ласково, и въ словахъ его слышался Іудушка Головлевъ съ его: «милый другъ мой, маменька!» за что маменька, какъ извѣстно, неоднократно хотѣла проклясть Іудушку, и его всѣ проклинали.

Іудушка вводилъ реформы Въ конторѣ онъ завелъ нѣсколько лишнихъ книгъ, увеличилъ число чиновниковъ, увеличилъ переписку, завелъ столоначальниковъ, швейцара одѣлъ въ форменный кафтанъ, разсыльныхъ -въ синіе пиджаки съ мѣдными пуговицами, дворникамъ привѣсилъ бляхи, ключи отъ шкаповъ занумеровалъ, завелъ субординацію, чиночаліе и низкопоклонство.

Прежняго смотрителя выжилъ и посадилъ на его мѣсто дальняго своего родственника, захудалаго дворянина. Тотъ ходилъ постоянно въ дворянской фуражкѣ—гордо, какъ индюкъ, громко кричалъ на подчиненныхъ, но дѣла и хозяйства совершенно не понималъ и допекалъ управу нелѣпыми прожектами, съ одобренія, конечно, Іудушки.

Тамъ смѣялись и въ особенности секретарь, который со смѣной смотрителя отъ больницы совершенно отказался—и все стало дороже и хуже. Секретарь умѣлъ дѣйствовать и дурачить выскочекъ.

Расширяя свое административное воздѣйствіе, Іудушка потихоньку да полегоньку добрался и до врачей и до средняго медицинскаго персонала. Сталъ производить негласныя по доносамъ дознанія о томъ, хорошо ли врачи обращаются съ больными, какія и кому прописываютъ лекарства, заглядывая для этого иногда въ скорбные листы, сталъ дѣлать замѣчанія фельдшерамъ и фельдшерицамъ, подвергая ихъ ехиднымъ и продолжительнымъ допросамъ, вторгаясь иногда въ ихъ частную жизнь и доводя нерѣдко женскій персоналъ до слезъ.

Тутъ уже врачи не выдержали и пригласили Іудушку на частное собесѣдованіе, которое завершилось тѣмъ, что онъ былъ обозванъ однимъ врачомъ «хамомъ».

Вышелъ крупный скандалъ. Іудушка сгоряча вызвалъ этого врача на дуэль, но когда тотъ, несмотря на свое плебейское происхожденіе, поставилъ очень строгія условія, то Іудушка струсилъ и поджалъ хвостъ.

Врачи, конечно, оставили больницу, но и Іудушкѣ не поздоровилось Дворянамъ въ особенности не понравилось отношеніе Іудушки къ дуэли. Онъ оказался не на высотѣ положенія и скомпромитировалъ сословіе. Іудушка вынужденъ былъ оставить не только земскую службу, но и мѣстное дворянство, занявъ впослѣдствіи по протекціи своего сановнаго родственника гдѣ-то мѣсто предсѣдателя казенной палаты, гдѣ сдѣлался мелочнымъ, придирчивымъ бюрократомъ, что и соотвѣтствовало его природѣ.

VIII

Врачъ-скоморохъ и волшебный нарывъ.

Изъ жизни губернской земской больницы въ памяти автора запечатлѣлся типичный примѣръ того, какъ благодаря губернской больницѣ, врачи дѣлаются знаменитостями и главнымъ образомъ хирургами.

Фактъ имѣетъ немалое житейское значеніе для всякаго времени и мѣста, и будетъ не лишнимъ привести его.

Въ X—ской губернской больницѣ былъ старшимъ врачемъ вначалѣ нѣкто X., грекъ по происхожденію. Его выписали изъ Москвы, гдѣ онъ былъ скромнымъ и незамѣтнымъ акушеромъ при родильномъ отдѣленіи воспитательнаго дома, имѣлъ скудную практику, прозябалъ и перебивался изъ хлѣба на квасъ, но, пріѣхавъ въ г. X. онъ освоился, раскусилъ и понялъ свое положеніе, сбросилъ съ себя скромность, напустилъ на себя необыкновенную важность, сталъ говорить докторальнымъ тономъ, набрался непомѣрной амбиціи, ходилъ важно, какъ вселенскій патріархъ, всякое свое медицинское рукодѣйствіе окружалъ культомъ; больницу визитировалъ не иначе, какъ въ сопровожденіи ординаторовъ и средняго персонала, каждое его слово было неоспоримымъ закономъ, командовалъ онъ пальцемъ руки, кабинетъ его составлялъ святое святыхъ, куда допускались только избранные и то по докладу.

Всѣ эти превращенія совершались, конечно, не по щучьему велѣнію, какъ у Овидія, но развивались параллельно съ ростомъ X., какъ знаменитаго хирурга и врача.

Но этотъ ростъ шелъ шаблонно и тѣмъ-же путемъ, какъ формируются и формировались губернскіе знаменитые хирурги, которые обыкновенно являются и являлись со скудными хирургическими знаніями, но съ большой смѣлостью и дерзостью.

Нашъ грекъ въ Москвѣ производилъ только простѣйшія операціи—дѣлалъ «повороты», сверлилъ мертвыя дѣтскія головки, накладывалъ щипцы. Другихъ хирургическихъ знаній онъ не имѣлъ. Но, занявъ губернское мѣсто, онъ смѣло принялся за серьезнѣйшія гинекологическія операціи.

Объектомъ его экспериментовъ была, по обыкновенію, безотвѣтная русская деревенская баба, такъ трагически изображенная Вересаевымъ.

Операціи производились сначала довольно таинственно при помощи способнаго и расторопнаго фельдшера и смѣтливой и оборотистой фельдшерицы.

Кровь лилась, какъ на бойнѣ, и X. скоро набилъ руку.

Тогда онъ осторожно началъ упражняться на городскихъ женщинахъ, выбирая легкіе случаи. Операціи проходили счастливо, и благодарныя паціентки славили имя хирурга по городу.

Этимъ X., однако не ограничился. Онъ отбилъ больничную практику у своего наперсника фельдшера и сталъ вскры-

вать у мужчинъ нарывы, рвать зубы и дѣлать мелкія операціи. Завоевалъ такимъ образомъ и мужчинъ, тѣмъ болѣе, что хирургическія побѣды имѣютъ огромное обаятельное и побѣдоносное вліяніе на публику, въ особенности невѣжественную.

Тутъ помогаетъ хирургу особая психологія человѣка.

Здоровье есть самый драгоцѣнный даръ природы и высшее счастіе человѣка, и кто спасаетъ ему это счастіе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ большимъ довѣріемъ проникается человѣкъ къ своему спасителю.

Невѣжественный человѣкъ, избавленный однимъ или нѣсколькими взмахами ножа хирурга отъ адской боли или отъ смертельной опасности, естественно, видитъ въ хирургѣ нѣчто божественное, проникается благоговѣніемъ къ его знаніямъ и искусству, дѣлается покорнымъ его рабомъ, которымъ хирургъ можетъ руководить по своей прихоти во всемъ, что касается здоровья человѣка.

Невѣжественный человѣкъ, избавленный врачомъ отъ смертельной опасности, естественно, умозаключаетъ, что этотъ врачъ тѣмъ болѣе можетъ спасти его отъ другихъ—несмертельныхъ страданій.

Отсюда проистекала вѣра невѣжественнаго человѣка въ энциклопедизмъ хирурга, въ который впослѣдствіи начинаетъ вѣрить и самъ хирургъ, и тогда самомнѣніе такого врача и презрѣніе къ человѣческой глупости достигаютъ Геркулесовыхъ столбовъ, что часто наблюдается у провинціальныхъ знаменитостей и что было у нашего грека.

* * *

Грекъ сѣялъ мало, пожиналъ много, загребалъ деньги лопатой. Слава его росла и ширилась. Онъ покорялъ публику быстро, какъ Цезарь, но обращался съ ней, какъ варваръ.

Онъ невѣжничалъ, капризничалъ, глумился надъ публикой, и публика все прощала ему, нуждаясь въ немъ и полагая, что знаменитость въ Россіи безъ дикости не мыслима, и раболѣпствовала передъ нимъ.

Въ сущности говоря, нѣтъ большаго раболѣпія, какъ-то раболѣпіе, которое люди добровольно питаютъ къ врачамъ, пользующимся довѣріемъ своихъ паціентовъ. Это раболѣпіе даетъ безпримѣрную власть врачамъ надъ людьми. Оно гипнотизируетъ людей, обезволиваетъ ихъ, вселяетъ въ нихъ глубокую вѣру въ знаніе и непогрѣшимость излюбленнаго врача, возвратившаго человѣку здоровье, т. е. счастье.

Но все это глубоко развращаетъ провинціальныхъ знаменитостей, дѣлаетъ ихъ кичливыми, заставляетъ ихъ переоцѣнивать свои способности, порождаетъ въ нихъ высокомѣріе и въ концѣ концовъ приводитъ къ скоморошеству.

Нашъ грекъ былъ мелкимъ скоморохомъ, но скомороше-

ствовалъ онъ крайне типично, и будетъ нелишне привести здѣсь живой примѣръ этого врачебнаго искусства.

Въ г. N. жилъ мельникъ-миллiонеръ,—купчина самый сѣрый. У него былъ единственный сынъ—Захаръ или «балбесъ», какъ чаще звалъ его отецъ. Балбесъ былъ дѣтина ражiй, невѣжественный, глупый, крупитчатый и избалованный матерью. Разъ Захаръ занозилъ большой палецъ правой руки, и приключилась обыкновенная ноготоѣда, которую скоро и легко излѣчиваетъ разрѣзомъ любой фельдшеръ.

«Самого» не было въ городѣ и «мамынька» стала прикладывать къ пальцу печеный лукъ, тѣсто съ солью и т. п. Къ вечеру стало хуже. Появились рвущiя боли, и Захаръ не спалъ всю ночь.

На утро къ больницѣ подкатила блестящая коляска и посланный «молодецъ» объявилъ хирургу, что хозяйка проситъ его прiѣхать «безпремѣнно сейчасъ, потому что молодой хозяинъ умираютъ-съ, пальчики болятъ-съ, воютъ-съ, дерутся-съ»...

— Такъ что съ не безопасно-съ, - прибавилъ молодецъ.

X. жадно и завистливо посмотрѣлъ на коляску, на рысаковъ, нахмуривъ брови, вынулъ записную книжку, долго ее перелистывалъ, долго что-то соображалъ, колотилъ карандашомъ по зубамъ, загибалъ пальцы, прищуривалъ глаза, поднималъ очи «горѣ», видимо, ожидая какого-то вдохновенiя, и, наконецъ, изрекъ:

— Вечеромъ въ 8 часовъ, не раньше и не позже, пришлите эту коляску... Слышите: не раньше и не позже! Я слишкомъ занятъ—повторилъ онъ притворно усталымъ голосомъ, прекрасно понимая, что къ вечеру балбесъ будетъ уже не выть, а орать благимъ матомъ и лѣченiе его будетъ не въ примѣръ эффектнѣе.

Въ 8 часовъ аккуратно грекъ былъ уже на мѣстѣ съ ассистентомъ, котораго приглашалъ въ трудныхъ случаяхъ, а этотъ случай онъ изобразилъ наитруднѣйшимъ.

Ужъ изъ передней врачамъ слышался неистовый крикъ балбеса:

— Ой, ой! Батюшки, умираю! Скоро-ли прiѣдетъ докторъ? Гдѣ онъ, мерзавецъ?

Мать голосила, приживалки причитали. Весь домъ былъ въ смятенiи.

Увидя врачей, купчиха со всѣхъ ногъ бросилась къ греку, несмотря на свою тучность, повлекла его въ спальню къ балбесу и выла:

— Батюшка, Ипполитъ Михайловичъ! Спаситель! Спасите мою дитю.. Умираетъ!

Но X. былъ неумолимъ и безпощаденъ, продолжалъ скоморошество и для пущей важности озадачилъ купчиху жупелами:

— Постой-те почтеннѣйшая,.. не торопитесь,... садитесь!— истязалъ онъ нѣжную мать. Передайте намъ сначала исторію этого случая, механизмъ даннаго повреждения. Не было-ли такого повреждения у вашего сына прежде? Какъ онъ относился вообще къ болямъ?...

— Ой, ой! —оралъ балбесъ Батюшки, умираю! Нѣтъ больше моего терпѣнія! Мамынька, милая! Гдѣ ты ангелъ мой? — рыдалъ балбесъ...

— Гдѣ ты чертъ толстомясый - раздражался больной, квашня ты проклятая!. Сынъ умираетъ, а она бобы разводитъ съ докторомъ и что это за подлецъ докторъ, что, вмѣсто помощи больному, лясы точитъ съ старой дурой!»—срывалъ зло балбесъ и раздражался.

— Батюшка, Ипполитъ Михайловичъ! Что-же это? Онъ ополоумѣлъ?- -всплеснула руками и зарыдала мать.

Должно быть, эта сцена и отповѣдь балбеса подѣйствовала на грека удовлетворительно. Онъ сорвался съ мѣста и быстро вспрыснулъ въ больную руку балбеса большую дозу морфія.

Чрезъ нѣсколько минутъ боли успокоились, балбесъ увидѣлъ рай пресвѣтлый, оскорбился, поцѣловалъ руку «подлецу», а мать повалилась ему въ ноги.

Но и эта сцена еще не исправила грека. Онъ продолжалъ свое скоморошество

Съ необыкновенной серьезностью и важностью, совершая какъ-бы великое священнодѣйствіе, онъ снялъ тряпки съ пальца, очистилъ его отъ тѣста, долго вертѣлъ, осматривалъ его и такъ, и сякъ, мялъ железы, и наконецъ, важно изрекъ:

— Да, безъ операціи тутъ не обойдешься, и мы ее сдѣлаемъ завтра, молодой человѣкъ, безъ боли, а теперь спите съ Богомъ!

И «знаменитость» величественно, какъ побѣдитель, оставила больного, прибавивъ, что операція будетъ совершена завтра въ 10 ч.—въ больницѣ.

Послѣ такого чуда больной безпрекословно пріѣхалъ на утро къ назначенному сроку въ больницу въ сопровожденіи уже отца, матери и многихъ домочадцевъ.

Какъ и можно было ожидать изъ предыдущаго, операція была разыграна по всѣмъ правиламъ фарса, и я считаю излишнимъ подробно живописать, какъ долго заставилъ грекъ ожидать операцію балбеса и родителей, какъ ставили клистиръ балбесу, какъ торжественно облачали врачей въ бѣлыя ризы, какъ операціонная зала наполнялась карболовымъ—«spray», какъ смѣтливый фельдшеръ проносилъ мимо родителей массу ножей большихъ и малыхъ не на одномъ подносѣ, а на трехъ, какъ зрители ужасались этимъ смертоноснымъ орудіямъ, какъ въ теченіе получаса, а, можетъ быть, и болѣе, грекъ всесторонне и съ необыкновенной серьезностью изслѣдовалъ легкія и сердце

балбеса, обладавшаго уже по наружному виду бычьимъ здоровьемъ, какъ хлороформировали послѣдняго, *какъ, наконецъ, совершенъ былъ разрѣзъ пальца однимъ взмахомъ небольшого скальпеля* и какъ грекъ, обливаясь потомъ, торжественно поздравилъ родителей съ успѣшнымъ окончаніемъ необыкновенной операціи... Скажу только, что послѣ этого купчина повѣсилъ портретъ грека чуть не подъ образа, проникшись къ нему глубочайшимъ благоговѣніемъ и довѣріемъ, и однажды чуть не изувѣчилъ одного завистливаго врача, дерзнувшаго порицать знаменитость...

Такъ совершилось окончательное покореніе и порабощеніе грекомъ—города.

Такъ въ общихъ чертахъ слагалась и, вѣроятно, еще долго будетъ слагаться слава провинціальныхъ знаменитостей.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ разница будетъ касаться только деталей. Въ однихъ случаяхъ прославитъ и выдвинетъ врача вскрытіе нарыва, въ другихъ болѣе серьезная и, можетъ быть, случайно счастливая операція, но общій планъ скоморошествъ и, такъ сказать, идея врачебнаго скоморошества въ существенныхъ своихъ чертахъ отъ этого нисколько не измѣняется.

IX

Листокъ объявленій и галиматья.

Другой видъ скоморошества и связаннаго съ нимъ раболѣпія въ городѣ X. являлъ редакторъ единственной мѣстной газеты плюгаваго «Листка объявленій».

Редакторъ былъ волосатый семинаристъ, здоровый теноръ, плѣнившій сердце кривой дворянской вдовѣ, владѣтельницѣ типографіи и неважнаго дворянскаго помѣстья.

Онъ былъ коренастъ, высокъ ростомъ, нескладно скроенъ, но прочно сшитъ, а этого, повидимому, кривой дворянкѣ достаточно было.

Взявши въ свои руки типографію, онъ создалъ «Листокъ объявленій» и началъ помѣщать въ немъ свои стихи, ужасные по формѣ и сентиментальные по содержанію, что мало гармонировало съ внѣшностью автора.

Часто онъ помѣщалъ переложенія псалмовъ Давида, пускался и въ публицистику.

Слогъ у него былъ дубовый, семинарскій и нерѣдко онъ уснащалъ свои писанія славянскими реченіями ни къ селу, ни къ городу.

Но, несмотря на это, онъ оказался недурнымъ организаторомъ и проявилъ издательское чутье.

Почуявъ, что въ городѣ сплетня подавлена картежной игрой и что сплетня составляетъ органическую потребность какъ невѣжественной, такъ и интеллигентной публики, въ особенности при отсутствіи общественныхъ интересовъ—онъ далъ мѣсто сплетнѣ въ своемъ «Листкѣ» и привлекъ къ участію въ немъ

управскаго секретаря, своего однокашника и собутыльника, который, страдая литературнымъ зудомъ, помѣщалъ въ «Листкѣ» короткія замѣтки по общественнымъ вопросамъ, образцовыя въ литературномъ отношеніи.

«Листокъ» стали читать. Онъ сталъ общественнымъ органомъ. Съ редакторомъ стали считаться. Его стали бояться, и онъ поднялъ носъ, сталъ считать себя стражемъ общественныхъ интересовъ и цензоромъ общественныхъ нравовъ Сталъ себя держать и ходить гордо, какъ опереточный Самъ-Пью-Чай, смотря на многихъ свысока.

Проницательный губернаторъ говорилъ про него:

— Богъ создалъ прекрасный міръ изъ хаоса. Этотъ долговязый можетъ соорудить газету изъ галиматьи... Что-жъ? Это хорошо... Развѣ что кишка тонка!, намекая этимъ на отсутствіе средствъ у долговязаго.

И въ этомъ старикъ оказался пророкомъ; «Листокъ» остался «Листкомъ».

X

Пошехонская война и политика.

Своимъ Листкомъ, а, можетъ быть, отвергнутой любовью, «долговязый» создалъ себѣ заклятаго врага и конкурренты въ лицѣ другой старѣющей дворянской вдовицы Бальзаковскаго возраста.

Это типъ довольно опасный. Горе тому, кто отвергнетъ любовь такихъ женщинъ или обремизится! Тому нѣтъ пощады и нѣтъ спасенія!

До изданія «Листка», несмотря на ревность своей одноглазой, «долговязый» бывалъ у этой тигрицы. Она играла ему Шуберта и Шопена и хорошо играла. Онъ заливался соловьемъ залетнымъ и пѣлъ ей страстные романсы.

Но, увы! Съ изданіемъ этого проклятаго «Листка» все рушилось... Все какъ ножомъ отрѣзало! Шубертъ и Шопенъ заброшены были на полку. Рояль закрылся чехломъ, и вся сила и вся страсть женщины сосредоточилась на сплетняхъ, которыми она прежде занималась приватно, а теперь стала заниматься спеціально въ пику «этому неотесанному олуху», каковымъ, по ея мнѣнію, былъ «долговязый».

Всѣ нити свѣтскихъ сплетенъ собирались у нея, какъ въ фокусѣ. Она умѣла придать имъ пикантность и остроту, тогда какъ у «долговязаго» все выходило грубо, и сплетни главнымъ образомъ были купеческія и базарныя.

Она стала живымъ печатнымъ органомъ, живой газетой. Она все знала, всюду проникала, какъ рѣдкостный сыщикъ. У нея были многочисленные агенты изъ старыхъ безобразныхъ и злыхъ дѣвъ, съ которыми никто не игралъ въ карты, и при помощи которыхъ она пускала въ обращеніе свои пикантныя и художественно-обработанныя сплетни.

О, чего не можетъ сдѣлать страсть и ненависть женщины!

«Змѣя», какъ осторожно звалась она въ обществѣ, смѣялась, издѣвалась и кусала «олуха».

«Олухъ» не оставался въ долгу.

Завязалась смертельная борьба двухъ животныхъ, и это, какъ всякое необычайное зрѣлище, внесло значительное оживленіе, своеобразный спортивный интересъ въ общество и замутило застоявшееся болото.

«Олухъ» недурно владѣлъ карандашомъ и своими каррикатурами поражалъ «Змѣю» въ самое сердце.

Онъ главнымъ образомъ напоминалъ ей о ея безобразіи и надвигающейся старости, что для Бальзаковской женщины невыносимо.

Онъ оттѣнялъ въ своихъ каррикатурахъ каждую новую ея морщину, каждую новую подъ ея глазами гусиную лапку, которыя она старательно замазывала.

То онъ пуститъ въ обращеніе тонкую, длинную, безгрудую, каковой въ дѣйствительности была эта женщина,—змѣю съ ея безобразнымъ лицомъ, злыми глазами, съ ядовитыми зубами, съ откушеннымъ отъ злости хвостомъ; то онъ посадитъ ее на помело въ видѣ старой, безобразной яги, окруженной ея сплетницами въ образѣ чертей, справляющихъ шабашъ; то онъ изобразитъ ее въ двухъ видахъ: до притираній и послѣ притираній со всей ея сбруей и всѣми приспособленіями, обиженныхъ природой женщинъ.

Это, конечно, приводило въ восторгъ дамъ, завидовавшихъ уму и дарованіямъ змѣи, заставляло смѣяться знакомыхъ ей кавалеровъ, а ее приводило въ ярость.

Узнавъ объ этомъ, онъ изображалъ, какъ змѣя въ безсильной злобѣ терзаетъ свой хвостъ и утопаетъ въ своемъ собственномъ ядѣ.

Борьба животныхъ продолжалась долго. Общество тѣшилось, развлекалось, раздѣлялось на двѣ партіи: на аристократическую—змѣиную и демократическую—«олуха» и ждало конца борьбы.

«Змѣя» была побѣждена и посрамленная уползла въ дальній городъ кусать зятя,—ссыльнаго поляка, съ которымъ бѣжала ея дочь.

* * *

Надо сказать, что 30 лѣтъ тому назадъ N—ская губернія считалась мѣстомъ ссылки. Главнымъ образомъ въ ней заточались—въ различныхъ городахъ, смотря по градаціямъ виновности,—ссыльные поляки. Нѣсколько десятковъ ихъ безъ ограниченія ихъ занятій жили и въ губернскомъ городѣ.

И совершенно не помнится, чтобы поляки и общество сторонились другъ друга Никакой розни не было. Очевидно, тогда

въ русскомъ обществѣ не было еще «патріотизма» въ кавычкахъ. И никакого зла отъ этого не происходило.

Наоборотъ поляки вносили серьезный, облагораживающій и культурный элементъ въ общество. Все это большею частію были люди образованные, много пережившіе, много претерпѣвшіе съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь и на общественныя задачи.

Между ними были дѣльные врачи, техники, сельскіе хозяева, въ особенности страстно любившіе землю, съ увлеченіемъ и со слезами на глазахъ говорившіе о своихъ имѣніяхъ и мечтою жившіе въ нихъ.

Женщинъ объединяла религія. Умный высокообразованный и нравственный ксендзъ былъ между ними первое лицо, но фанатизма онъ не развивалъ въ нихъ.

Все русское культурное общество, въ коемъ теплилась искра Божія тяготѣло къ полякамъ, и они, какъ болѣе зрѣлые, умудренные горькимъ опытомъ и болѣе старой своей культурой, пользовались огромнымъ авторитетомъ и являлись разумно сдерживающимъ элементомъ среди горящихъ русскихъ головъ.

Среди интеллигентныхъ поляковъ многіе были мастеровыми и торговцами въ силу необходимости, и они пользовались большимъ довѣріемъ среди русскихъ и жили безбѣдно и въ матеріальномъ довольствѣ.

Между собой поляки жили, какъ братья, не раздѣляясь на шляхту и «быдло», заботились другъ о другѣ и во всемъ поддерживали другъ друга.

Въ особенности трогательно пеклись они объ одномъ товарищѣ, страдавшемъ періодическимъ помѣшательствомъ.

Въ свѣтлые промежутки это былъ человѣкъ рѣдкаго сердца, рѣдкихъ дарованій и широкаго образованія. Когда-то онъ былъ привятъ-доцентомъ при варшавскомъ университетѣ. Онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ излагать свои разностороннія знанія и въ здоровомъ состояніи онъ пользовался между своими репутаціей образцоваго педагога

Дѣтей онъ любилъ до чрезвычайности, а дѣти боготворили его. Панъ Станиславъ былъ для нихъ высшимъ авторитетомъ. Гдѣ былъ панъ Станиславъ, тамъ былъ праздникъ для дѣтей, непринужденное веселье и умныя развлеченія.

Но раза два три въ годъ дѣтское солнце меркло, покрывалось ненадолго тяжелыми тучами. Всякій разъ панъ Станиславъ предчувствовалъ бѣду и самъ приходилъ въ психіатрическое отдѣленіе.

Имъ овладѣвала тяжелая тоска по родинѣ.

Онъ неутѣшно плакалъ, какъ преданный и нѣжный сынъ о страданіяхъ своей матери. Всѣ мысли его фиксировались на ней. Онъ жилъ и дышалъ ею и ни о чемъ другомъ не думалъ и не говорилъ. Всѣмъ и каждому съ удивительной яркостью онъ

рисовалъ контрасты: прежнюю блестящую исторію своей родины и теперешнее безотрадное ея положеніе.

Онъ не ѣлъ, не спалъ, не пилъ, жилъ только въ прошломъ, быстро ходилъ, истощался и доходилъ до галлюцинацій и экстаза.

Съ неподвижнымъ взоромъ, со страдальческимъ лицомъ, съ молитвенно сложенными руками онъ до отека ногъ простаивалъ передъ окномъ, видѣлъ передъ собой Голгоѳу, Скорбящую Матерь и по цѣлымъ часамъ пѣлъ: «stabat Mater!»

Приходили товарищи и женщины, приносили ему все изысканное, утѣшали его, онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ и пѣлъ «Stabat Mater».

И панъ Станиславъ, какъ великомученникъ и святой, имѣлъ потрясающее вліяніе.

Лились горькія слезы, слышались женскія стенанія. И мужчины, и женщины, стоя подъ окномъ великомученника проникались его настроеніемъ и невольно пѣли съ нимъ: «Stabat Mater!»

И странное дѣло: простые русскіе люди не смѣялись, не злорадствовали, не проклинали »еретиковъ», многіе даже снимали шапки, крестились и плакали. Даже полиція не разгоняла толпу, не считала это безпорядкомъ и революціи не было.

***

Какъ-же такъ,—спроситъ удивленный читатель? Неужели тогда не было крамолы, «образа мыслей», Щедринской «статистики» и пр.?

И опять удивительное дѣло! Въ современномъ значеніи этихъ важныхъ элементовъ теперешней жизни авторъ этихъ замѣтокъ не помнитъ, можетъ быть, онъ просмотрѣлъ.

Не говоря объ эсерахъ, эсдекахъ и прочихъ партіяхъ, которыхъ еще не было нигдѣ на Руси,—въ описываемомъ медвѣжьемъ углу не было вообще никакого политическаго движенія, даже того, которое волновало тогда столицы и болѣе крупные центры.

Авторъ помнитъ нигилистовъ, синій чулокъ, базаровщину, но только въ каррикатурныхъ формахъ, безъ замѣтнаго вліянія на жизнь.

Зеленая молодежь еще пѣла только волжскія пѣсни, которыя нравились даже губернатору.

Въ городѣ были чугуно-литейный, машино-строительный заводъ, большія льно прядильная и бумаго-прядильная фабрики, но ни рабочаго вопроса, ни требованія восьми часового рабочаго дня и вообще никакой классовой борьбы не замѣчалось.

Былъ разъ споръ между рабочими и фабрикантами о расцѣнкѣ «основъ», но споръ скоро былъ рѣшенъ къ взаимному удовольствію тяжущихся губернаторомъ и жандармскимъ пол-

ковникомъ за чашкой чаю съ купцами путемъ воздѣйствія на совѣсть купцовъ.

Впрочемъ, у насъ не было даже жандармскаго полковника, а былъ Иванъ Николаевичъ, -- душа человѣкъ, богатый мѣстный помѣщикъ, человѣкъ простой, нечестолюбивый и большой хлѣбосолъ. Два раза въ году въ его именины и въ именины его молодой жены собирался у него чуть не весь городъ.

У него были прекрасныя домашнія наливки и въ особенности необычайные рыжики и грузди, которые онъ самолично солилъ по особому рецепту, передаваемому изъ рода въ родъ и которыми онъ гордился. Онъ былъ образцовымъ охотникомъ по «красному» четвероногому звѣрю, но въ существованіе двуногаго «краснаго» звѣря въ его губерніи не вѣрилъ.

Былъ онъ человѣкъ чрезвычайно смѣлый и свободно допускалъ своихъ адъютантовъ не только къ своей молодой женѣ, но когда ему докладывали о крамолѣ, говорилъ, что это вздоръ, —одно безпокойство, что у него крамолы не можетъ быть и рѣдко ошибался.

Простое было время! По крайней мѣрѣ въ пошехонскихъ захолустьяхъ.

* * *

На этомъ авторъ пока заканчиваетъ свои замѣтки, считая ихъ лишь частичнымъ опытомъ въ поставленной задачѣ. Въ нихъ онъ старался оттѣнить и закрѣпить печатно только такіе факты и легенды, извѣстные ему и частію связанные съ личной жизней, которые имѣютъ—или бытовое значеніе, или чѣмъ-либо выдаются, или рисуютъ и дополняютъ извѣстныя характеристики.

